

■ Артур Кестлер ■

ТРИНАДЦАТОЕ КОЛЕНО

Между Каспием и Волгой
доминировало иудейское государство —
Хазарский каганат

Артур
Кестлер

■ Артур Кестлер ■

ТРИНАДЦАТОЕ КОЛЕНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
К33

Arthur Koestler
THE THIRTEENTH TRIBE

Перевод с английского А. Ю. Кабалкина

Компьютерный дизайн Ж.А. Якушевой

Печатается с разрешения The Estate of Arthur Koestler и литературных агентств Intercontinental Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 16.09.10. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Заказ № 1946

Кестлер, А.

К33 Тринадцатое колено / Артур Кестлер; пер. с англ. А.Ю. Кабалкина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 346, [6] с.

ISBN 978-5-17-068218-8 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-30880-2 (ООО «Изд-во Астрель»)

Книга Артура Кестлера посвящена истории зарождения, расцвета и загадочного исчезновения с карты Евразии могущественного государства хазар. Основываясь на многочисленных арабских, византийских и древнерусских источниках, автор предлагает свое оригинальное видение становления и крушения Хазарского каганата.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

© Arthur Koestler, 1976
© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ВЗЛЕТ И КРУШЕНИЕ ХАЗАР	7
I. На взлете	9
II. Обращение	77
III. Упадок	116
IV. Крушение	161

Часть вторая

НАСЛЕДИЕ	199
V. Исход	201
VI. Откуда?	228
VII. Встречные течения	244
VIII. Раса и миф	263
Резюме	291

ПРИЛОЖЕНИЯ	295
------------------	-----

Приложение I. О написании	296
---------------------------------	-----

Приложение II. Об источниках	299
------------------------------------	-----

А) Древние источники	299
----------------------------	-----

1. Арабские источники	299
-----------------------------	-----

2. Византийские источники	303
---------------------------------	-----

3. Русские источники	304
----------------------------	-----

В) Современная литература	305
---------------------------------	-----

Приложение III. «Хазарская переписка»	311
---	-----

Приложение IV. О последствиях.	
--------------------------------	--

Израиль и диаспора	333
--------------------------	-----

Приложение V. Библиография	
----------------------------	--

к оригинальному изданию	339
-------------------------------	-----

Часть первая

ВЗЛЕТ И
КРУШЕНИЕ ХАЗАР

Эпиграф к оригинальному изданию
«В Хазарии большое количество
овец, меда и иудеев».

Мукаддаси.
Описание мусульманской империи. X в.

Эпиграф к русскому изданию
«Что касается ал-Хазар, то это —
обширный округ за Каспийским мо-
рем. Грязь непролазная, много овец,
меда и иудеев».

Ал-Мукаддаси.
Лучшее из делений для познаний климатов. 985 г.

I НА ВЗЛЕТЕ

1

В те времена, когда Карл Великий носил корону императора Запада, на восточной окраине Европы, между Кавказом и Волгой, доминировало иудейское государство, известное как Хазарская империя. На пике своего могущества, с VII по X век, Хазария играла важную роль в судьбах средневековой Европы. Византийский император Константин Багрянородный (913–959 гг.), должно быть, хорошо знал положение дел, когда отметил в «Книге о церемониях византийского двора», что послания римскому папе и императору Запада несут золотую печать достоинством в два солида, тогда как печать на посланиях правителю хазар должна быть в три солида (32; 690). То была не лесть, а Realpolitik. «Вероятно, в занимающий нас период, — пишет Дж. Бьюри, — хазарский хан значил для византийской внешней политики ни-

как не меньше, чем Карл Великий и его преемники» (21; 402).

Страна хазар, народа тюркского происхождения, занимала стратегически важное положение между Черным и Каспийским морями, где в те времена сталкивались интересы крупнейших восточных держав. Она играла роль буфера, защищающего Византию от вторжений сильных варварских племен из северных степей — болгар, венгров, печенегов и др., а позднее викингов и русских. Однако более важен с точки зрения византийской дипломатии и европейской истории тот факт, что хазарские армии действительно остановили арабское нашествие на раннем, самом разрушительном этапе, и тем самым помешали арабскому завоеванию Восточной Европы. Один из наиболее авторитетных исследователей в области истории хазар, профессор Д. М. Данлоп из Колумбийского университета, очень кратко характеризует этот решающий, но совершенно неизвестный эпизод истории:

«Земли хазар... лежали на пути естественного продвижения арабов. За считанные годы после смерти Мухаммада (632 г.) армии Халифата, прорываясь на север и круша две империи, достигли великой горной преграды — Кавказских гор. Стоило преодолеть этот барьер — и перед ними открылся бы путь в Восточную Европу. Но как раз на кавказском рубеже арабы столкнулись с организованной военной силой, помешавшей им продолжить за-

воевание в этом направлении. Войны арабов и хазар, продолжавшиеся более столетия, но ныне почти неизвестные, имели большое историческое значение. Франки под предводительством Карла Мартелла отразили арабское вторжение в битве при Пуатье (732 г.). Одновременно Европе грозила не менее серьезная опасность с востока... Победоносные мусульмане были остановлены силами Хазарского царства... Вряд ли можно сомневаться, что если бы не хазары, населявшие области к северу от Кавказа, то Византия, оплот европейской цивилизации на востоке, была бы обойдена арабами с флангов, и тогда история христианства и ислама сильно отличалась бы от известной нам сегодня» (37, стр. IX–X).

Учитывая эти обстоятельства, не приходится удивляться, что в 732 г., после громкой хазарской победы над арабами, будущий император Константин V (741–775) женился на хазарской принцессе. Со временем их сын стал императором Львом IV (775–780), известным под именем Лев Хазар.

По иронии судьбы, последняя битва той войны, разыгравшаяся в 737 г., закончилась поражением хазар. Но к этому времени движущие силы Священной войны мусульман были уже растрачены, халифат сотрясали внутренние распри, поэтому арабские завоеватели вынуждены были отступить за Кавказские горы, так и не закрепившись на севере, тогда как хазары стали могущественнее, чем прежде.

Еще через несколько лет, примерно в 740 г., каган, его придворные и военная верхушка приняли иудаизм, который стал государственной религией хазар. Современники были, несомненно, удивлены этим решением не меньше, чем современные исследователи, наталкивающиеся на свидетельства этого события в арабских, византийских, русских и еврейских источниках. Такова, например, интерпретация этого события в труде венгерского историка-марксиста Антала Барты «Венгерское общество в VIII и IX вв.». Несколько глав этой книги посвящены хазарам, так как на протяжении почти всего указанного периода венгры находились под их властью. Тем не менее о переходе хазар в иудаизм здесь говорится всего в одном абзаце, причем с нескрываемым недоумением:

«Мы не можем углубляться в проблемы, связанные с историей идей, однако вынуждены обратить внимание читателя на проблему государственной религии в Хазарском царстве. Официальной религией правящего слоя общества стала иудейская вера. Излишне говорить, что переход в иудаизм и провозглашение его государственной религией этнически нееврейского народа могли бы стать темой для любопытных размышлений. Мы же ограничимся замечанием, что этот официальный переход — вопреки попыткам распространения христианства со стороны Византии и мусульманскому влиянию с Востока, а также несмотря на политическое давление тех

и других — в веру, не поддерживавшуюся в мире никакими политическими силами, а, наоборот, почти всеми преследовавшуюся, удивляет всех историков, занимающихся хазарами, и не может расцениваться как случайность, а должен быть признан свидетельством независимой политики царства» (13; 35).

Это размышление только усугубляет наше удивление. При наличии расхождений в разных средневековых источниках, касающихся лишь второстепенных подробностей, главный факт не вызывает сомнений.

Неясно другое: какой была дальнейшая судьба иудеев-хазар после разрушения их государства в XII или XIII в. Источников по этой проблеме очень мало, зато во времена Средневековья существовало много хазарских поселений в Крыму, на Украине, в Венгрии, Польше, Литве. Общая картина, которую удается составить из фрагментарных сведений, указывает на процесс миграции хазарских племен и общин в те районы Восточной Европы — в основном в Россию и Польшу, — где на заре Нового времени было сосредоточено больше всего евреев. Некоторые историки делают из этого вывод, что значительная часть, а то и большинство восточного еврейства, а значит, мирового еврейства как такового, имеет тюркское (условно говоря, хазарское), а не семитское происхождение.

Далекоидущие последствия такой гипотезы объясняют ту осторожность, с которой историки подходят

к этой проблеме, если не избегают ее вовсе. Так, в «Еврейской энциклопедии» (Encyclopaedia Judaica. 1973) статья «Хазары» подписана Д. М. Данлопом, однако есть и особый раздел «Хазарские иудеи после падения каганата», подписанная «издателями» и определенно преследующая цель не раздражать тех, кто верит в догму «избранного народа»:

«Тюркоязычные караимы (ортодоксальная иудейская община в Крыму, в Польше и в других местах) утверждают, что происходят от хазар, что находит подтверждение в их фольклоре, антропологии и языке. Существует немало свидетельств непрерывного присутствия в Европе потомков хазар».

Но насколько велико в количественном выражении это «присутствие» кавказских сынов Яфета в шатрах Сима? Одним из самых радикальных пропагандистов гипотезы о хазарских корнях восточно-европейского еврейства является профессор средневековой еврейской истории Тель-Авивского университета А. Н. Поляк. Его книга «Хазария» была издана на иврите в Тель-Авиве в 1944 г. и переиздана в 1951 г. В предисловии он пишет, что факты требуют «нового подхода как к проблеме отношений между хазарским еврейством и другими еврейскими сообществами, так и к тому, как далеко мы можем идти, рассматривая это [хазарское] еврейство как ядро диаспоры евреев в Восточной Европе... Их потомки — и те, кто остался на месте, и те, кто эмигрировал в Соединенные Штаты и в другие страны, и те, кто по-

дался в Израиль, — составляют ныне осязаемое большинство мирового еврейства» (94).

Это было написано еще до того, как стал известен истинный масштаб Холокоста, однако факт остается фактом: осязаемое большинство выживших евреев всего мира имеют восточноевропейские — а значит, возможно, именно хазарские корни. Если это так, то предки их пришли не с Иордана, а с Волги, не из Ханаана, а с Кавказа, когда-то считавшегося колыбелью арийской расы, и генетически состоят в более тесном родстве с гуннами, уйгурскими и венгерскими племенами, чем с потомками Авраама, Исаака и Иакова. Если это правда, то термин «антисемитизм» утрачивает смысл, становясь всего лишь следствием недопонимания между убийцами и их жертвами. Так Хазарская империя, контуры которой медленно проступают из тьмы прошлого, становится жесточайшей мистификацией, когда-либо порожденной Историей.

2

«Аттила был, в конечном итоге, всего лишь владыкой в царстве шатров. Государство его исчезло — тогда как презренный град Константинополь сохранил свою силу. Шатры пропадают, города остаются. Государство гуннов было смерчем...» (26).

Востоковед XIX в. П. Кассель, написавший эти строки, полагал, что хазар постигла та же участь — по тем же самым причинам. Однако присутствие гуннов

в Европе продлилось каких-то 80 лет*, а Хазарский каганат продержался чуть ли не четыре века. Хазары тоже жили в шатрах, но имели наряду с шатрами крупные городские поселения и превратились из племени воинов-кочевников в народ земледельцев, скотоводов, рыбаков, виноградарей, торговцев и умелых мастеров. Результаты исследований советских археологов свидетельствуют о существовании развитой культуры, не имевшей ничего общего с «гуннским смерчем». Найдены остатки поселений, тянувшихся на несколько миль, где дома были соединены крытыми переходами с большими хлевами, овчарнями и конюшнями, имевшими размер от 3–3,5 до 10–14 метров, с крышами на опорах (13; 24 и прим. 147–149). По фрагментам плугов, в которых запрягали быков, можно судить о замечательном мастерстве их создателей; о том же говорят сохранившиеся предметы материальной культуры — пряжки, застежки, украшения седел.

Особенно интересны ушедшие глубоко в землю фундаменты кольцевых построек (13; 24). По сведениям советских археологов, их находят на всей территории обитания хазар и относятся они к более раннему периоду, чем «стандартные» четырехугольные сооружения. Круглые дома, несомненно, символизируют переход от переносных, куполообразных шатров к постоянному жилищу, от кочевого к оседлому,

* Примерно с 372 г., когда гунны двинулись из северокаспийских степей на запад, до смерти Атиллы в 453 г.

вернее, полуоседлому существованию. Арабские источники того времени сообщают, что хазары жили в городах, даже в столице Итиль, только зимой, а с наступлением весны собирали шатры, покидали постоянные жилища и уходили вместе с крупным и мелким рогатым скотом в степи либо разбивали лагерь рядом со своими полями и виноградниками.

Раскопки также показывают, что в поздний период каганат был окружен линией фортификационных сооружений, возведенных в VIII–IX вв., защищавших северные границы степи. Крепости эти образовывали полукруг, тянувшийся через низовья Донца, Дона и Волги. С юга Хазария была защищена Кавказским хребтом, с запада Черным морем, с востока Хазарским морем — Каспием*. Однако линия крепостей представляла собой всего лишь внутренний круг, оборонявший постоянное ядро хазарских земель; граница их владычества над северными племенами была подвижной и зависела от результатов войн. На пике могущества они контролировали или собирали дань более чем с тридцати народностей и племен, обитавших на обширных территориях между Кавказскими горами, Аральским морем, Уральскими горами, городом Киевом и в причерноморских степях. К подвластным хазарам народам принадлежали булгары, бургасы, гуззы, венгры, гот-

* До наших времен у мусульман, помнящих ужас арабов перед хазарскими набегами, Каспийское море, столь же ненадежное, как кочевники, и так же угрожающее их степям, называется «бахр ал-хазар» — «Хазарское море» (2).

ские и греческие колонии в Крыму и славянские племена в лесостепях Поднепровья. Хазарские армии заходили и дальше, проникая в Грузию, Армению и Арабский халифат до Мосула. По словам советского археолога М. И. Артамонова, «до IX века никто не мог соперничать с хазарами, владычествовавшими над Северным Причерноморьем, прилегающими степями и лесами Приднепровья. На протяжении полутора веков хазары были полноправными владыками южной половины Восточной Европы и образовывали могучий бастион, запирая урало-каспийский проход из Азии в Европу. Все это время они отражали набеги кочевых племен с Востока» (6).

Если взглянуть с высоты птичьего полета на историю великих кочевых империй Востока, то Хазарский каганат занимает промежуточное положение во времени, по размерам и по уровню культуры между предшествовавшими ему гуннами и аварами, с одной стороны, и Монгольской империей, с другой.

3

Какими же были эти удивительные люди — поражающие как своим могуществом и достижениями, так и переходом в вероисповедание парий? Дошедшие до нас описания взяты из источников, враждебных хазарам, и потому их нельзя принимать за чистую монету. «Хазары, — пишет арабский хронист, — живут на севере населенных земель, ближе к седьмому климату, под созвездием Плуга. Земля их холодная и влаж-

ная, поэтому лица у них белые, глаза синие, волосы у большинства рыжие и вьющиеся; телом они крупны, а нравом холодны. Народ сей дик» (37; 11).

После столетия войн арабский автор не испытывал к хазарам большой симпатии. Не испытывали ее и грузины с армянами, чьи страны, гордившиеся более древней культурой, хазарские всадники то и дело опустошали. В грузинской хронике они, согласно давней традиции, отождествляются с потомками Гога и Магога, ибо это «дикари со страшными лицами и с нравом диких зверей, пьющие кровь» (107; 23). Армянский автор Моисей Каганкатвацци ужасается «безобразной, гнусной, широколицей, безресничной толпой, в образе женщин с распущенными волосами» (80; 44, прим. 4). Наконец, географ Истахри, чье сочинение является одним из важных арабских источников по интересующей нас теме, говорит следующее: «Хазары не походят на тюрок, они черно-волосы, разделяются на два разряда, один называется кара-хазар, они смуглы так сильно, что их смуглота отдает в чернь, они словно какой-либо разряд из Индии. Другой разряд — белые, красивые и совершенные по внешнему виду» (37; 96).

Звучит более лестно, но только усиливает непонимание. Дело в том, что у тюрок было принято называть правящие группы либо роды «белыми», а низы — «черными» людьми. Поэтому нет оснований считать, что «белые болгары» были белее «черных» или что «белые гунны», вторгшиеся в V и VI вв. в Индию и в Персию, были более белокожими, чем

другие племена гуннов, завоевавшие Европу. Темнокожие хазары Истахри, как и многое другое из того, что написал он и ему подобные «очевидцы», — порождение беспочвенных легенд; да и мы продвинулись ненамного дальше в том, что касается облика хазар и их этнического происхождения.

На последний вопрос можно ответить только в самых общих чертах. Но не менее обескураживающим будет результат, если попробовать выяснить происхождение гуннов, аланов, аваров, булгар, венгров, башкир, буртасов, сабилов, уйгуров, сарагуров, оногуров, утигуров, кутригуров, тарниаков, котрагаров, кабаров, забендеров, печенегов, гуззов, кипчаков и десятков других племен и народностей, пути которых пересекались за время существования Хазарского каганата с маршрутами хазарских кочевий. Даже гунны, о которых известно гораздо больше, появились неизвестно откуда; их название, видимо, происходит от китайского слова *hiung-nu*, обозначавшего всех воинственных кочевников, тогда как другие народы называли «гуннами» все кочевые орды без разбору, включая вышеназванных «белых гуннов», а также сабилов, венгров и хазар*.

В I веке н. э. китайцы оттеснили беспокойных соседей — гуннов — на запад, что положило начало оче-

* Любопытно, что британцы во время Первой мировой войны использовали словечко «гунны» в традиционном пренебрежительном значении, тогда как у меня на родине, в Венгрии, школьников учили патриотическому почтению к «славным предкам-гуннам». Элитный гребной клуб в Будапеште назывался «Гунния», а Аттила — по-прежнему популярное имя.

редной лавине, которые на протяжении веков прокатывались по Азии в западном направлении. Начиная с V века ко многим таким племенам, устремлявшимся на запад, применяли общее наименование «тюрки». У этого слова тоже, видимо, китайское происхождение (восходящее к названию некоего холма); впоследствии так стали называть все племена, говорившие на родственных языках («тюркская» языковая группа). Таким образом, термин «тюрки» в том смысле, в котором он употребляется средневековыми авторами — а нередко и современными этнологами — относится, скорее, к языку, чем к расе. В этом смысле гунны с хазарами были «тюрками»*. Хазарский язык, как предполагают, отчасти сохранился в современном чувашском языке, который относится к болгарской группе тюркских языков. Считается, что чуваша являются потомками болгар, говоривших на наречии, схожем с хазарским. Однако все эти связи весьма приблизительны и основаны на предположениях филологов-востоковедов. Все, что мы можем с уверенностью сказать, — это то, что хазары были тюркским племенем, появившимся из азиатских степей примерно в V в.

Происхождение слова «хазары» и все восходящие к нему новообразования также дают пищу для изобретательных предположений. Скорее всего, слово произошло от тюркского корня «газ», что значит и «скитаться», и собственно «кочевник». Для неспеци-

* Это не относится к венграм, чей язык принадлежит к финно-угорской языковой группе.

алистов гораздо интереснее современные слова — потомки этого слова: русские «казаки» и венгерские «гусары» (те и другие — воины-всадники)*. И даже немецкое слово *Ketzer* — еретик и, впоследствии, еврей. Если эти рассуждения верны, то выходит, что хазары сильно повлияли на воображение различных средневековых народов.

4

В некоторых персидских и арабских хрониках можно найти занятное сочетание легенд и слухов. Начинаться они могут с сотворения мира. Так, арабский историк IX в. Якуби прослеживает историю хазар до библейского Яфета, третьего сына Ноя. Возведение родословной того или иного народа к потомкам Ноя — традиционная тема в средневековой литературе, хотя встречаются и другие легенды, связывающие хазар то с Авраамом, то с Александром Македонским.

Одно из наиболее ранних фактических свидетельств о хазарах содержится у сирийского хрониста Захарии Ритора, писавшего в середине VI в.** Хазар он упоминает в списке народов, населяющих Кавказ. Судя по другим источникам, они заявили о себе столетием раньше, причем в тесной связи с гуннами. В 448 г. византийский император Феодосий II направил к Аттиле посольство, включив в него знаменитого ритора

* «Гусар» — это, вероятно, заимствование из греческого через сербско-хорватский, но в основе опять-таки «хазар».

** В действительности текст принадлежит перу анонимного переписчика; авторство приписывается более раннему греческому историку, чей труд аноним переработал.

по имени Приск. Тот подробно записывал не только содержание дипломатических переговоров, но и всего, что касалось придворных интриг и событий на пышном приеме у Атиллы; оказавшись превосходным собирателем сплетен, он оставил нам один из главных источников сведений об обычаях и привычках гуннов. Не скупится Приск и на анекдоты об одной народности, покоренной гуннами, которую называет «акатцирами» — скорее всего речь идет об «ак-хазарах», или «белых хазарах» (в отличие от «черных» — кара-хазар)*. Приск сообщает, что византийский император пытался переманить этот воинственный народ на свою сторону, но алчный хазарский вождь по имени Каридах счел его обещания пустыми и примкнул к гуннам. Атила нанес поражение вождям, враждовавшим с Каридахом, сделал его полновластным правителем акатциров и пригласил к себе в гости. Каридах многословно поблагодарил за приглашение, но заявил, что «трудно смертному смотреть в лицо богу. Нельзя смотреть на солнечный диск, тем более в лицо величайшему из богов, не рискуя обжечься». Атила был, видимо, польщен, ибо не отнял у Каридаха право на власть.

Хроника Приска подтверждает, что хазары появились на европейской сцене примерно в середине V в.

* Акатциров упоминает спустя век и готский историк Иордан, а так называемый «географ из Равенны» определенно отождествляет их с хазарами. С этим отождествлением согласны почти все современные специалисты. Исключением был И. Маркварт, но Д. М. Данлоп опровергает его взгляды. П. Кассель, например, указывает, что в произношении и написании Приск следует за армянами и грузинами: «хазир».

в качестве народа, подвластного гуннам, и могут рассматриваться, наряду с венграми и другими племенами, как позднее ответвление орд Аттилы.

5

Крушение империи гуннов после смерти Аттилы образовало в Восточной Европе вакуум власти, куда волнами устремились с востока орды кочевников, среди которых выделялись уйгуры и авары. Хазары в то время как будто довольствовались набегами на закавказские земли Грузии и Армении, захватывая богатую добычу. Во второй половине VI в. они стали доминирующей силой среди северокавказских племен. Многие из этих племен — сабиры, сарагуры, самандары, баланжары и другие — перестают с той поры упоминаться в источниках под своими именами: их либо подчинили, либо поглотили хазары. Самое упорное сопротивление было оказано могущественными булгарами, но и они потерпели сокрушительное поражение (примерно в 641 г.), вследствие чего их племенной союз раскололся на две части: одна мигрировала на запад, к Дунаю, в область нынешней Болгарии, другая — на северо-восток, на Среднюю Волгу, оставаясь в подчинении у хазар. Ниже неоднократно будет сказано о дунайских болгарях и о волжских булгарах.

Прежде чем образовать суверенное государство, хазарам пришлось побывать под властью еще одной недолговечной державы — так называемой Западно-Тюркютской империи, или Тюркютского ханства.

Оно представляло собой конфедерацию племен, удерживаемых вместе властью правителя-кагана*. Впоследствии так стали называть себя и хазарские правители. Первое тюркское — если можно так его называть — государство просуществовало один век (примерно с 550 по 650 г.) и распалось, не оставив и следа. Однако именно после появления этого царства возникло обозначение народа «тюрки», отличающее его от других тюркоязычных народов — хазар и болгар**.

Хазары находились сперва под гуннским, потом под тюркютским владычеством. После заката тюркютов в середине VII в. пришел черед хазар править «Северным царством», как его называли персы и византийцы. По одной из легенд, во дворце великого персидского шаха Хосрова Ануширвана (Благословенного) стояло три золотых гостевых трона специально для императоров Византии, Китая и Хазарии***. Ни тот, ни другой, ни третий так и не посетили Персию с государственным визитом, так что золотые троны — если они существовали — играли, видимо, чисто символическую роль. Но независимо

* *Каган, хаган*. Востоковеды пишут этот титул по-разному — см. Приложение I. Я буду придерживаться варианта «каган» как наиболее привычного для глаза западного человека. Впрочем, звук «х» очень распространен в хазарском языке.

** Это не мешало тем не менее употреблять слово «тюрки» по отношению к любому степному кочевому племени в качестве эфемизма слова «варвары» либо синонима слова «гунны». Это часто приводит к трудностям при интерпретации древних источников.

*** *Ibn al-Balkhin*. Fars Namah.

от того, правда это или вымысел, вспоминаются слова византийского императора Константина о золотой печати достоинством в три солида на посланиях правителю хазар, отправляемых императорской канцелярией.

6

Итак, в первые десятилетия VII в., до того, как из Аравии нагрянул мусульманский смерч, на Среднем Востоке властвовал триумвират держав: Византия, Персия, Западно-Тюркютская империя. Первые две непрерывно воевали друг с другом на протяжении столетия и стояли на краю гибели; Византия впоследствии оправилась, но Персидское царство было обречено, и хазары фактически привели приговор в исполнение.

Номинально они еще оставались под властью Западно-Тюркютского царства, в рамках которого представляли наибольшую силу и наследие которого им скоро предстояло принять. Поэтому византийский император Ираклий заключил в 627 г. военный договор с хазарами — первый в череде нескольких договоров, — готовясь к решающей войне с Персией. Есть несколько версий относительно роли, сыгранной хазарами в той кампании, вряд ли успешной, однако основные факты не вызывают сомнений. Хазары поставили под знамена Ираклия сорок тысяч всадников под командой вождя Зиевила, участвовав-

ших в наступлении на Персию, но потом, устав, видимо, от чрезмерно осторожной стратегии греков, развернули коней и осадили Тифлис. Осада результатов не принесла, но на следующий год они снова объединили силы с Ираклием, захватили грузинскую столицу и вернулись с богатой добычей. Э. Гиббон, опираясь на свидетельства византийских историков Феофана и Никифора, дает красочное описание первой встречи византийского императора и хазарского предводителя (46; V; 87–88):

«Неприятельскому союзу Хосрова с аварами ромейский император противопоставил полезный и достойный союз с тюрками*. По его призыву орда хазар перенесла свои шатры с равнин Волги в горы Грузии; Ираклий встретил их около Тифлиса. Зиевил, второй человек по достоинству после хагана, завидев Ираклия, поспешил к нему, поцеловал его в плечо и распростерся перед ним на виду у персов из города Тифлис. Все войско тюрков упало на землю, простершись лицом вниз, и почтило василевса почестью, незнакомой варварам. Равно и вожди их, взойдя на камни, пали таким же образом. Василевс назвал властителя тюрков своим сыном, сняв со своей головы венец, возложил его на голову тюрка, устроил пир, подарив Зиевилу всю утварь с императорского стола, в придачу с императорскими одеждами, и украшенные жемчугом серги и обещал ему в жены

* Под «тюрками», как станет ясно дальше, автор подразумевает хазар.

свою дочь Евдокию, за что тотчас получил пополнение в сорок тысяч всадников».

Евдокия (или Епифания) была единственной дочерью Ираклия от первой жены. Обещание выдать ее за «тюрка» лишний раз свидетельствует о том, как высоко ценился византийским двором союз с хазарами. Однако брак не состоялся, ибо Зиевил погиб, когда Евдокия только направлялась со свитой на встречу с ним. У Феофана есть в связи с этим двусмысленное замечание о том, что Зиевил представил императору «своего сына, безбородого юношу» — *quid pro quo?*

В одной армянской хронике есть красочный отрывок с цитатой из текста, который можно назвать мобилизационным указом хазарского правителя перед вторым походом на Персию: он был адресован всем подвластным хазарскому кагану «племенам и народам, жителям полей и гор, живущим в городе или под открытым небом, бреющим головы и носящим косы, чтобы по мановению его все были готовы и вооружены» (37; 29).

Перед нами первое указание на богатую этническую мозаику, которой предстояло составить Хазарскую империю. «Настоящие хазары», правившие в ней, всегда составляли, видимо, меньшинство — как австрийцы в Австро-Венгерской монархии.

7

Персидское государство так и не оправилось от сокрушительного поражения, нанесенного ему в 627 г. императором Ираклием. Вспыхнуло восстание,

шах был убит собственным сыном, тоже погибшим спустя несколько месяцев; на трон был возведен ребенок, затем последовало десятилетие анархии и хаоса, после чего на сцене впервые появились арабские полчища, сокрушившие империю Сасанидов. Примерно в это же время Западно-тюркская конфедерация распалась на племенные тюркские союзы. Прежний треугольник держав сменился другим: исламский Халифат — христианская Византия — новообразованное Хазарское царство на севере. Византийцам и хазарам пришлось принять на себя всю тяжесть арабского натиска и защищать равнины Восточной Европы от захватчиков.

За первые двадцать лет после хиджры — бегства Мухаммада в Медину в 622 г., с которого начинается мусульманское летоисчисление, — мусульмане покорили Сирию, Месопотамию, Египет, Персию и взяли сердце Византии в смертельное полукольцо, протянувшееся от Средиземного моря до Кавказа и южного берега Каспия. Кавказ был колоссальной естественной преградой, но не более неприступной, чем Пиренеи; его можно было преодолеть через Дарьяльский (ныне именуемый Казбекским) перевал или обойти по Дербентскому проходу, вдоль каспийского побережья.

Этот укрепленный проход, названный арабами «Баб ал-Абваб», «Ворота ворот», был исторической дорогой, контролируя которую хазары и другие грабительские племена время от времени нападали на страны, расположенные южнее, после чего тем же

путем возвращались в северокавказские степи. Теперь пришел черед арабов. С 642 по 652 г. они несколько раз, преодолев Дербентские ворота, вторгались в глубь Хазарии, где пытались взять Беленджер — ближайший город — и закрепиться таким образом на северных предгорьях Большого Кавказского хребта. Но на этой, первой, стадии арабо-хазарской войны их всякий раз обращали в бегство; в последний раз это произошло в 652 г., в крупном сражении, когда обе стороны использовали катапульты и баллисты. Четыре тысячи арабов были убиты, включая их полководца Абд ар-Рахманда ибн Рабаиха, остальные в беспорядке отступили.

Следующие 30–40 лет арабы не пытались взять хазарскую твердыню. В этот период их главные удары были направлены против Византии. Несколько раз (примерно в 669, 673–678, 717–718 гг.) они осаждали Константинополь с суши и с моря. Если бы им удалось замкнуть кольцо, перейдя Кавказ и Черное море, то Восточную Римскую империю постигла бы печальная участь. Тем временем хазары, подчинив болгар и венгров, продолжили свое движение на запад, вторгнувшись в причерноморские степи и в Крым. Но это были уже не прежние набеги наудачу, с целью пограбить и захватить пленников, а завоевательные войны, в результате которых покоренные народы включались в состав империи со стабильным управлением, возглавляемой могущественным каганом, назначавшим наместников провинций и визи-

мавшим на занятых территориях налоги. В начале VIII в. государство хазар было уже достаточно прочным для того, чтобы самому перейти в наступление против арабов.

С расстояния в более чем тысячу лет последовавший период периодически вспыхивавших боевых действий (так называемая «вторая арабская война», 722–737 гг.) выглядит скучной чередой эпизодов местного значения, разыгрывающихся по одной и той же схеме: сначала хазарская кавалерия в тяжелых доспехах вторгается через Дарьяльский перевал или Дербентские ворота во владения халифа южнее Кавказа, а потом, спасаясь от арабского контрнаступления, возвращается тем же путем на Волгу. Если смотреть в телескоп с обратной стороны, то невольно вспоминается старая песенка о благородном герцоге Йоркском, командовавшем десятком тысяч людей и то поднимавшемся с ними на холм, то снова спускавшемся к его подножию. Арабские источники толкуют (не исключено, что преувеличивая) об армиях численностью в сто, даже триста тысяч человек, сражавшихся с обеих сторон, а это больше, чем войска, решавшие примерно в то же время судьбы Европы в битве при Пуатье.

О фанатизме и презрении к смерти, отличавших те войны, говорят такие эпизоды, как самосожжение населения целого хазарского города, не пожелавшего сдаваться, отравление источника в Баб ал-Абваб (Дербент) арабским полководцем или призыв, из-за

которого разгромленная арабская армия остановила бегство и продолжала сражаться до последнего воина. «В волшебные сады, правоверные, а не в геенну!». (Призыв арабского полководца выглядел так: «О люди! Нет прибежища, где вы смогли бы укрыться, кроме как у Аллаха! И я должен оповестить вас о том, что тот, кто из вас будет убит, тот попадет в рай, а кто победит, тому достанутся трофеи и прекрасная слава»). Каждому солдату-мусульманину, погибшему на Священной войне, были обещаны уклады рая.

За эти пятнадцать лет столкновений был период, когда хазары опустошили Грузию и Армению и, наголову разгромив арабскую армию в битве при Ардебиле (730 г.), дошли до Мосула и Диярбакира, не преодолев полпути до Дамаска, столицы халифата. Подоспевшая на выручку другая мусульманская армия положила конец этому набегу, и хазарам пришлось вернуться через горы на свою территорию. На следующий год Маслама ибн Абд ал-Малик, самый знаменитый арабский полководец того времени, прежде командовавший осадой Константинополя, захватил Беленджер и дошел до Самандара, крупного хазарского города дальше к северу. Но разместить там постоянный гарнизон захватчикам опять не удалось, поэтому их ждал обратный путь на юг через Кавказские горы. Византийская империя облегченно вздохнула, что приняло форму очередного династического брака — женитьбы наследника престо-

ла на хазарской принцессе, сыну которой предстояло царствовать в Византии под именем Льва Хазара.

Последняя арабская кампания, направленная против хазар, которую возглавил будущий халиф Мерван II, закончилась пирровой победой. Мерван предложил хазарскому кагану заключить союз, после чего неожиданно напал на союзника с двух сторон. Хазарская армия, не сумев оправиться от неожиданности, отступила к самой Волге. Каган был вынужден запросить мира, и Мерван поступил так, как было принято поступать с побежденными странами: потребовал перехода кагана в Истинную веру. Каган покорился, однако его переход в ислам был, видимо, мнимым — во всяком случае, ни арабские, ни византийские источники никаких подробностей об этом эпизоде не сообщают, в отличие от долговременных последствий утверждения в качестве государственной религии иудаизма, состоявшегося спустя несколько лет. Мерван, удовлетворенный достигнутым, покинул Хазарию и двинулся обратно в Закавказье, не оставив ни гарнизона, ни наместника, ни административного аппарата. Вскоре он предложил хазарам заключить новый союз — на сей раз против воинственных племен Юга.

В действительности это мало походило на торжество. Видимое великодушие Мервана было скорее всего вызвано стечением обстоятельств — как и многое другое в этой запутанной истории. Видимо, арабы осознали, что в отличие от цивилизованных пер-

сов, армян и грузин свирепые варвары с Севера не подчинились бы ставленнику мусульман и его небольшому гарнизону. У Мервана был на счету каждый воин, ибо приходилось подавлять крупные бунты в Сирии и в других частях распадавшегося Омейядского халифата. Сам Мерван был главнокомандующим в разразившейся вскоре гражданской войне, а в 744 г. стал последним омейядским халифом и спустя шесть лет был убит при воцарении в халифате династии Аббасидов. В столь сложных обстоятельствах он просто не мог расходовать людские ресурсы на продолжение войны с хазарами. Он довольствовался тем, что преподал им урок, чтобы они не вздумали больше пересекать Кавказский хребет.

Так гигантские мусульманские клещи — рывок через Пиренеи на Западе и через Кавказ в Восточную Европу — были одновременно разжаты с обоих концов в одно и то же время. Франки Карла Мартелла спасли Галлию и Западную Европу, а хазары отстояли подходы с востока к Волге, Дунаю и Восточной Римской империи. По крайней мере в этом вопросе между советским историком и археологом М. И. Артамоновым и американским историком Д. М. Данлопом существует полное согласие. Я уже приводил мнение последнего о том, что не будь хазар, «Византия, оплот европейской цивилизации на Востоке, оказалась бы окружена арабами», после чего история пошла бы совсем другим путем.

М. И. Артамонов придерживается того же мнения: «Хазария была первым феодальным государством Восточной Европы, стоявшим в одном ряду с Византийской империей и Арабским халифатом... Лишь благодаря мощным хазарским набегам, отвлекавшим арабские армии на Кавказе, выстояла Византия...».

Наконец, вот мнение профессора русской истории Оксфордского университета Д. Оболенского: «Основной вклад хазар в мировую историю заключался в успешном отстаивании кавказского рубежа от рвавшихся на север арабов» (87; 172).

Мерван был не только последним арабским полководцем, атаковавшим хазар, но и последним халифом, проводившим политику экспансии, стремясь к идеалу — всемирному торжеству ислама. С приходом к власти аббасидских халифов завоевательные войны прекратились. Возрожденное влияние старой персидской культуры создало более мягкий климат и способствовало пышному расцвету Багдада при Харун ар-Рашиде.

8

В период длительного затишья между первой и второй Арабскими войнами хазары оказались вовлечены в один из мрачных эпизодов византийской истории, характерных как для этой эпохи, так и для роли хазар в этот период.

В 685 г. шестнадцатилетний Юстиниан II стал императором Восточной Римской империи. Э. Гиббон в своей неподражаемой манере рисует его портрет:

«Страсти его были сильны, а мысли слабы; он был отравлен глупой гордыней... Его любимыми министрами были двое людей, менее всего достойных симпатии, — евнух и монах; первый охаживал мать императора кнутом, второй подвешивал несостоятельных должников вниз головой над медленным, дымящимся огнем» (46; 79).

За десятилетием невыносимого гнета последовал бунт, и новый император Леонтий приказал изуродовать Юстиниана и отправить его в изгнание:

«Нос и, возможно, язык были отрезаны плохо; Юстиниан тем не менее был прозван по-гречески „Риномет“, что значит „Отрезанный нос“. Изуродованный тиран был сослан в Херсон, что в Крыму, заброшенное поселение, куда хлеб, вино и масло ввозились как заморская роскошь» (46; 80)*.

В херсонской ссылке Юстиниан вынашивал планы возвращения на трон. Спустя три года его шансы возросли: Леонтий тоже был свергнут и лишился носа. Юстиниан бежал из Херсона в крымский город Дорос, принадлежавший хазарам, и встретился с хазарским каганом, царем Бузиром или Базиром.

* Наказание, постигшее Юстиниана, следует расценивать как списходительное. В те времена существовала тенденция заменять смертную казнь увечьем: отрубание руки за воровство и отрезание носа за блуд и прочие прегрешения были наиболее частыми карами. Но опасных противников византийские правители нередко ослепляли, великодушно сохраняя им жизнь.

Кагану, должно быть, улыбнулась возможность урвать кусок от пышного пирога византийских династических распрей: он заключил с Юстинианом союз и выдал за него собственную сестру. Сестра кагана, получившая при крещении имя Феодора и впоследствии коронованная, выглядит единственной достойной персоной во всей этой цепи подлых интриг: она искренне любила своего безносого мужа (которому было еще только тридцать с небольшим лет). Супруги и их приспешники перебрались в город Фанагорию (ныне Тамань) на западном берегу Керченского пролива, где правил хазарский наместник. Там началась подготовка к вторжению в Византию с помощью обещанной царем Бузиром хазарской помощи. Однако посланники нового императора Тиберия III переубедили Бузира, предложив немало золота в обмен на выдачу Юстиниана Византии живым или мертвым. Царь отдал приказ неким Папацу и Валгицу убить зятя. Однако верная Феодора узнала о заговоре и предупредила мужа. Юстиниан пригласил к себе в покои обоих злоумышленников по очереди и задушил их струной. После этого он сел на корабль, пересек Черное море, вошел в устье Дуная и заключил новый союз — на этот раз с сильным болгарским племенем. Царь болгар Тервель оказался на тот момент более надежным союзником, чем хазарский каган: в 704 г. он передал Юстиниану пятнадцать тысяч всадников для похода на Константинополь. За истекшие десять лет византийцы то ли по-

забыли о темных сторонах Юстинианова правления, то ли действующий император оказался еще хуже — во всяком случае, они немедленно восстали, свергли Тиберия и снова усадили на трон Юстиниана. Болгарский царь получил в награду за помощь «груду золотых монет, которую измерил своим скифским кнутом» и удалился восвояси (хотя спустя несколько лет опять пошел на Византию войной).

Второе царствование Юстиниана (704–711 гг.) оказалось еще ужаснее первого: «единственными инструментами правления он почитал топор, веревку и дыбу» (46; 182). Повредившись умом, он люто возненавидел жителей Херсона, где провел самые горькие годы своего изгнания, и отправил туда карательную экспедицию. Некоторые из самых видных херсонских горожан были сожжены живьем, другие утоплены, многие пленены, но всего этого оказалось недостаточно, чтобы утолить Юстинианову жажду мести: новому отряду карателей был отдан приказ сровнять город с землей. Однако теперь войско было остановлено сильной хазарской армией; тогда представитель Юстиниана в Крыму, некий Вардан, переметнулся на сторону хазар. Деморализованный византийский экспедиционный корпус изменил Юстиниану и избрал Вардана императором под именем Филиппика. Но поскольку Филиппик находился в руках хазар, восставшим пришлось уплатить им большой выкуп, чтобы каган отпустил императора. Экспедиционный корпус возвратился в Константи-

нополь, Юстиниан и его сын были убиты, а на трон уселся Филиппик, прославляемый как освободитель. Он был смещен и ослеплен двумя годами позже.

Суть этой кровавой карусели заключается в том, что в ту эпоху хазары влияли на судьбы Восточной Римской империи, уже не ограничиваясь защитой от мусульман кавказского бастиона. Вардан-Филиппик был императором хазарского «исполнения», и конец изуверскому правлению Юстиниана был положен каганом, его зятем. Как писал Д. М. Данлоп, «не будет преувеличением утверждать, что в то время хакан фактически мог посадить на трон в греческой империи нового правителя» (37; 176).

9

С позиции изложения хронологии событий наступил, наконец, момент обратиться к истории перехода хазар в иудаизм, состоявшегося примерно в 740 г. Но для правильного восприятия этого незаурядного события следует сначала обратиться к сведениям о традициях, привычках и повседневной жизни хазар, предшествовавших этому времени.

Увы, в нашем распоряжении нет живописных свидетельств очевидца, подобных описанию двора Аттилы, оставленному Приском. Приходится довольствоваться пересказами и компиляциями византийских и арабских хронистов, отличающимися схематизмом и фрагментарностью. Есть, правда, два исключения. Одно — письмо, предположитель-

но отправленное хазарским каганом, речь о котором пойдет в главе II; другое же — путевые записки наблюдательного арабского путешественника Ибн Фадлана, секретаря дипломатической миссии, отправленной цивилизованным правителем к северным варварам.

Правителем этим был халиф ал-Муктадир, чье посольство отправилось из Багдада в земли волжских булгар через Персию и Бухару. Официальным поводом для столь грандиозного путешествия стало письмо-приглашение болгарского царя, просившего халифа: а) прислать религиозных наставников для обращения его народа в ислам и б) построить крепость для отражения нападений сюзерена, царя хазар. Приглашение — несомненно, подготовленное в результате предшествующих дипломатических контактов, — предоставляло возможность создать положительный образ халифата, проповедуя священный Коран и раздавая золотые дары тюркским племенам, через земли которых пролегал маршрут посольства.

Отчет нашего путешественника открывается следующими словами*:

«Это — Книга Ахмеда ибн Фадлана ибн ал-‘Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн Сулеймана, Хашимида, посла ал-Муктадира к царю

* А. Кестлер цитирует «Записку» Ахмеда ибн Фадлана по немецкому переводу З. В. Тогана и английскому переводу Р. П. Блейка и Р. Н. Фрая; мы цитируем по русскому академическому переводу А. П. Ковалевского. — *Примеч. ред.*

„славян“, в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, русов, „славян“, башкир и других [народов] по части различий их верований, сведений об их царях, их положения во многих их делах.

Сказал Ахмед ибн Фадлан: Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки йылтывара, царя „славян“, к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от его [халифа] имени хутбу в его [собственной] стране и во всех областях его государства, и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников [речь идет о защите от царя хазар], – было дано согласие на то, о чем он просил. Посредником в этом деле был Назир ал-Харами. А я был уполномочен для прочтения ему [царю] письма и вручения того, что отправлялось к нему [в качестве подарков] и для надзора за факихами и муаллимами. И ему были пожалованы деньги, доставлявшиеся ему для упомянутой нами постройки и для уплаты [жалованья] факихам и муаллимам. [Далее следуют подробности взыскания этих денег с одного из поместий в Хорезме и имена участников миссии]. Итак, мы отправились из Города Мира [Багдада] в четверг, по прошествии одиннадцати ночей [месяца] сафара триста девятого года [21 июня 921 г.]».

Как видим, экспедиция состоялась гораздо позже описанных в предыдущем разделе событий. Но для уяснения обычаев и правил соседей-язычников хазар это не имеет особого значения; то, что мы узнаем о жизни этих кочевых племен, дает некоторое представление о жизни хазар в более ранний период — до обращения в иудаизм, когда они были приверженцами шаманизма, сходного с верованиями их соседей во времена Ибн Фадлана.

Посольство двигалось неспешно и, видимо, без происшествий, пока не достигло Хорезма, пограничной провинции халифата к югу от Аральского моря. Эмир Хорезма попытался отговорить путников от продолжения пути, утверждая, что между его страной и царством болгар живут «тысячи племен неверных», которые не отпустят послов живыми. В действительности эти попытки помешать исполнению приказа халифа о беспрепятственном пропуске посольства могли быть вызваны другими соображениями: догадкой, что миссия косвенно направлена против хазар, с которыми эмир Хорезма активно торговал и дружил. Однако в конце концов эмир уступил, и экспедиции было дозволено дойти до Ургенча в устье Амударьи. Здесь ей пришлось три месяца зимовать из-за лютых холодов, о которых арабские путешественники всегда повествуют весьма пространно:

«Итак, мы оставались в Джурджании [Ургенче много] дней. И замерзла река Джейхун [Амударья] от начала до конца ее; и была толщина льда семна-

дцать четвертей. Кони, мулы, верблюды и повозки проезжали через него, как проезжают по дорогам, — он был тверд, не сотрясался. И оставался он в таком виде три месяца. И мы увидели такую страну, что думали не иначе врата Замхарира открылись из нее на нас. Снег в ней падает не иначе, как с порывистым сильным ветром. [...] И действительно, я видел тамошний холод в воздухе и то, что в ней [в Джурджании] базар и улицы, право же, пустеют до такой степени, что человек обходит большую часть улиц и базаров и не находит никого, и не встречается ему ни один человек. Не раз выходил я из бани и, когда входил в дом, то смотрел на свою бороду, а она сплошной кусок снега, так что я бывало оттаивал ее у огня. И, право же, бывало я спал в „доме“ внутри дома. А именно — в нем была [помещена] тюркская юрта из войлоков, причем я был укутан в одежды и меха, и [все же] иногда моя щека примерзала к подушке».

Примерно в середине февраля стало теплеть. Чтобы пересечь северные степи, посольство присоединилось к большому каравану из пяти тысяч людей и трех тысяч лошадей, предварительно купив необходимые для путешествия принадлежности: тюркских верблюдов, дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, хлеба, проса и сушеного мяса на три месяца. Местные жители предупреждали, что на севере послов подстерегают еще более сильные холода, и советовали одеться как можно теплее:

«Те из жителей этой страны, с которыми мы дружили, предложили нам воспользоваться [их] помо-

щью в отношении одежд и постараться умножить их количество. Они представили это предприятие в ужасном виде и изобразили это дело очень трудным, но когда мы [все] это сами увидели, то это оказалось вдвое большим того, что нам было описано. Итак, на каждом из нас была куртка, поверх нее хафтан, поверх него шуба, поверх нее кобеняк и бурнус, из которого видны были только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреновой кожи и поверх сапог другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем».

Одним словом, привередливому арабу Ибн Фадлану не понравился ни климат, ни народ Хорезма:

«Они [хорезмийцы] самые дикие люди и по разговору и по природным качествам. Их разговор похож на то, как кричат скворцы. В стране Хорезм есть селение на [расстоянии] дня [пути] от Джурджании, называемое Ардакуа. Население его называется кардалийцы. Их разговор похож на кваканье лягушек. Они отрекаются от повелителя правоверных ‘Али ибн-абу-Талиба, — да будет им доволен Аллах, — при окончании каждой молитвы».

Выйдя в путь третьего марта, они остановились на ночь в караван-сараяе Замджан, а это и есть Врата тюрок; на другой день они достигли стоянки Джит; дальше начиналась безлюдная пустыня, за которой лежала территория тюрок-гуззов. Оказавшись на чужой земле, миссия «доверила свою судьбу Аллаху

могучему и великому». Как-то раз в сильный холод ехавший рядом с послами и переводчиком тюрк спросил Ибн Фадлана: «Чего хочет господь наш от нас? Вот он убивает нас холодом, и если бы мы знали, чего он хочет, мы непременно это ему дали бы». На что Ибн Фадлан отвечал: «Он хочет от вас, чтобы вы сказали: „Нет Бога, кроме Аллаха“». Тюрк же засмеялся и сказал: «Если бы нас этому научили, мы обязательно это сделали бы».

Ибн Фадлан пересказывает много подобных эпизодов, не замечая, что они свидетельствуют о независимости ума его собеседников. Презрение к власти, проявляемое кочевыми племенами, также не вызывает симпатии у посланца багдадского двора. Следующий эпизод тоже произошел в стране могущественных тюрк-гуззов, плативших дань хазарам и, согласно некоторым источникам, состоявших с ними в близком родстве:

«Нас встретил один человек из тюрк с презренной внешностью, оборванец, тощего вида, жалкий по существу. А на нас напал сильный дождь. Он же сказал: „Стойте!“. И караван остановился весь в целом, а именно около трех тысяч лошадей и пяти тысяч человек. Потом он сказал: „Ни один из вас не пройдет!“. И мы остановились, повинувшись его приказанию*. Мы сказали ему: „Мы друзья Кюзеркина“. Он стал смеяться и говорит: „Кто такой Кюзеркин? Я испражняюсь на бороду Кюзеркина“. Потом он ска-

* Очевидно, предводители большого каравана старались любой ценой избежать столкновения с гуззами.

зал: „Паканд“, что значит *хлеб* на языке Хорезма. Тогда я вручил ему лепешки хлеба. Он взял их и сказал: „Проезжайте, я смилоствился над вами“» (127; 36а).

Демократичный способ принятия решений, практиковавшийся гуззами, поставил в тупик представителя авторитарной теократии:

«Они кочевники, — дома у них из шерсти, они то останавливаются [табором], то отъезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с образом жизни кочевников и с их передвижением. И вот они в жалком состоянии. К тому же они, как блуждающие ослы, — не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих старейшин „господами“. Когда кто-нибудь из них просит в чем-либо совета у своего главаря, он говорит ему: „Господи! Что я сделаю в таком-то и таком-то [деле]?“. Дела их [решаются] советом между ними. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись».

Сексуальные нравы гуззов — и других племен — представляли собой поразительное сочетание свободы и дикости:

«Их женщины не закрываются ни от их мужчин, ни от посторонних, и женщина не закрывает также ничего из своего тела ни от кого из людей. Право же, как-то однажды мы остановились у [одного] челове-

ка из их числа. Мы сели, и жена этого человека [была] вместе с нами. И вот, разговаривая с нами, она раскрыла свой „фардж“ и почесала его, в то время как мы на нее смотрели. Мы же закрыли свои лица руками и сказали: „Господи, помилуй!“. Тогда муж ее засмеялся и сказал переводчику: „Скажи им: она открывает это в вашем присутствии, и вы видите его, а она охраняет его так, что к нему нет доступа. Это лучше, чем если бы она его закрывала и [вместе с тем] предоставляла пользоваться им“. Они [гуззы] не знают блуда. Но если относительно кого-либо они открывают какое-нибудь дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они сужают промежуток [между] ветвями двух деревьев, потом привязывают его к веткам и пускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их разрывается».

Автор не говорит, распространяется ли наказание и на провинившуюся женщину. Позже, рассказывая о волжских булгарах, он описывает не менее дикий способ рассечения прелюбодеев топором от затылка до бедер; так наказывают и мужчину, и женщину. Ибн Фадлан с удивлением далее отмечает, что женщины булгаров при купании в реках не закрываются от мужчин и так же, как гуззы, не знают телесного стыда.

Что касается гомосексуализма, который в арабских странах воспринимался как само собой разумеющееся явление, то тюрки, по словам Ибн Фадлана, относились к нему как к страшному греху. Впрочем,

об этом свидетельствует всего один эпизод, когда соблазнитель «безбородого юнца» отдал четыреста овец в качестве возмещения.

Привычный к роскошным купальням Багдада, наш путешественник не мог выносить неопрятность тюрок. «Они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, и не омываются от половой нечистоты и не совершают ничего подобного. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой». Когда предводитель войска гуззов снял свою роскошную парчовую одежду, чтобы надеть новую, преподнесенную в дар послами, они увидели на нем «куртку, — она распалась [лохмотьями] от грязи, так как правила их [таковы], что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыплется на куски». Представители другого тюркского племени, башкиры, «бреют свои бороды и едят вшей. [Вот] один из них тщательно исследует швы своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Право же, был с нами один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде, он раздавил ее своими ногтями, потом слизнул ее и сказал, когда увидел меня: „Прекрасно“».

Картина в целом малоприятная. Наш изнеженный путешественник глубоко презирал варваров. Но презрение вызывала у него только грязь и то, что он считал непристойным телесным оголением; дикость же наказаний и жертвенных ритуалов оставляет его

безразличным. Например, то, как болгары карают за человекоубийство, он описывает с отстраненным интересом, без гнева, который обуревают его по другим поводам: «И если один человек из них убьет другого человека намеренно, они казнят его [в возмездие] за него. Если же он убьет его нечаянно, то делают для него ящик из дерева халанджа [березы], кладут его внутрь [этого ящика], заколачивают его над ним [гвоздями] и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они водружают для него три бревна, наподобие палок верблюжьего седла, подвешивают его между ними и говорят: „Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его [действие] дождя и солнца. Авошь Аллах смилостивится над ним“. И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры».

Так же невозмутимо он описывает погребальное жертвоприношение сотен коней у гуззов и жуткое ритуальное убийство рабыни во время похорон знатного руса* у могилы ее хозяина.

О языческой религии автор рассказывает мало, разве что фаллический культ башкир вызывает у него интерес: «Каждый из них вырубает палочку величиной с фалл и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: „О господи, сделай для меня то-то и то-то“. Я сказал переводчику: „Спроси кого-либо из них, какое у них оправ-

* То есть из викингов, основателей первых русских поселений.

дание этому [действию] и почему он сделал это своим господом“.) Он [спрошенный] сказал: „Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя, кроме этого“». Далее Ибн Фадлан добавляет: «Кое-кто из них говорит будто бы у него двенадцать господов: у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый больший из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ. [...] Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам, [еще одна] группа поклоняется журавлям».

У волжских булгар Ибн Фадлан обнаружил странный обычай:

«Если они увидят человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: „Этот более всего достоин служить нашему господу“. Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дерево, пока он не распадется на куски».

Комментируя этот отрывок, известный турецкий востоковед Зеки Валиди Тоган, выдающийся исследователь книги Ибн Фадлана и той эпохи, пишет: «Нет ничего загадочного в жестоком обращении булгар с людьми выдающегося ума. Оно опиралось на простое и трезвое желание среднего человека вести

нормальную жизнь, избегать любого риска или приключения, в которые его мог бы втравить „гений“». Далее он приводит татарскую поговорку: «Если ты слишком много знаешь, тебя повесят, если ты слишком скромн, тебя затопчут». Он делает вывод, что жертву «надо воспринимать не просто как знающего человека, а как непокорного гения, нестерпимого умника» (127; 50). Получается, что этот обычай служит средством общественной защиты от перемен, наказанием нонконформистам и потенциальным новаторам*. Однако несколькими строками ниже тот же автор допускает иную интерпретацию явления:

«Ибн Фадлан описывает не просто убийство умников, а один из языческих обычаев: человеческое жертвоприношение, принесение в жертву Богу наиболее выдающихся из людей. Эту церемонию проводили, наверное, не простые болгары, а их „табибы“, или знахари, шаманы, которым и у болгар, и у русов принадлежала власть над жизнью и смертью людей во имя культа. По свидетельству Ибн Русте, у русов знахари могли любому надеть на шею веревку и повесить его на дереве в качестве мольбы о божьей милости. Сделав так, они говорили: „Это подношение Богу“».

Возможно, в таких случаях действовали оба мотива вместе: «Раз жертва необходима, давайте жертвовать смутьянами».

* В подкрепление своей аргументации автор приводит турецкие и арабские цитаты в оригинале, без перевода — досадная привычка современных специалистов.

Как мы увидим, человеческое жертвоприношение практиковалось и хазарами — в том числе ритуальное убийство царя в конце его царствования. Можно предположить, что между обычаями племен, описанных Ибн Фадланом, и обычаями хазар имелось много сходного. К сожалению, посетить хазарскую столицу он не мог, и потому был вынужден полагаться на сведения, почерпнутые на территориях, подвластных хазарам, в особенности при болгарском дворе.

10

Почти год (21 июня 921 г. — 12 мая 922 г.) потребовался посольству халифа, чтобы достичь цели — земель волжских болгар. Прямой путь из Багдада на Волгу лежал через Кавказ и Хазарию — чтобы обогнуть ее, путешественникам пришлось сделать огромный крюк, обойдя с востока Хазарское, то есть Каспийское море. Но напоминания о близости хазар и о связанных с этим опасностях сопровождали их на всем пути.

Характерный эпизод произошел с послами в гостях у предводителя войска гуззов (того самого, который носил под парчовым одеянием куртку, распавшуюся на лохмотья). Сперва их хорошо приняли, даже устроили в их честь пир. Но потом предводители гуззов передумали, вспомнив о своих враждебных отношениях с хазарами. Главный предводитель собрал остальных, чтобы решить, как быть.

«И был Тархан самый знатный из них и самый выдающийся из них, и был он хромой, слепой, сухо-рукий. Итак, он сказал им: „Подлинно, вот это послы царя арабов к моему зятю Алмушу сыну Шилки [царю болгар], и не подобает мне, чтобы я отпустил их иначе, как после совета с вами“. Тогда Тархан сказал: „Это нечто такое, чего мы совершенно не видали и о чем не слыхали, и мимо нас [никогда] не проходил посол какого-либо государя с тех пор, как существуем мы и отцы наши. Я думаю, что не иначе, как [этот] государь [халиф] устраивает хитрость и направляет этих [людей] к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. И лучше всего разрезать этих послов каждого пополам, а мы заберем то, что с ними имеется“. И сказал другой из них: „Нет! Но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились [туда], откуда прибыли“. И сказал [еще] другой: „Нет! Но у царя хазар есть наши пленные. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех“».

Спор длился семь дней, и все это время Ибн Фадлан и его люди опасались худшего. В конце концов гуззы их отпустили; нам не объясняется почему. Возможно, Ибн Фадлану удалось их убедить, что его миссия в действительности направлена против хазар. В прежние времена гуззы сражались вместе с хазарами против другого тюркского племени, печенегов, но потом между ними возникла враждебность, что и привело к захвату заложников хазарами.

Хазарская угроза нависала над путниками на протяжении всего пути. К северу от Каспийского моря им пришлось еще раз отклониться от маршрута, прежде чем достигнуть становища булгар где-то вблизи слияния Волги и Камы. Там царь и вожди булгар дожидались их в сильном волнении. Как только закончились церемонии и веселье, царь послал за Ибн Фадланом, чтобы серьезно поговорить. «У этого человека был [внушительный] вид и величавость, [был] он толстый, широкий, как будто бы он говорил из большого кувшина». Он напомнил Ибн Фадлану о главной цели миссии — передаче денег для «постройки крепости, которая защитила бы меня от иудеев, поработивших меня». К сожалению, деньги — четыре тысячи динаров — не были привезены посольством из-за каких-то бюрократических трудностей, но были обещаны в будущем. Узнав об этом, царь — «внушительный, широкий и дородный» — почти впал в отчаяние. Посольство он заподозрил в присвоении денег. «„Что ты скажешь о человеке, который вручил неким людям деньги [предназначенные] для людей неимущих, осажденных, поработанных, а те обманули его?“. Я сказал: „Это недопустимо и те люди скверные“. Он сказал: “С разногласием или с общего согласия?” Я сказал: „С общего согласия“».

Постепенно Ибн Фадлану удалось убедить царя, что деньги всего лишь задержаны*, но тревожиться царь не перестал. Он все время твердил, что главная

* Видимо, в конце концов их привезли, поскольку больше они не упоминаются.

цель приглашения — строительство крепости, «ибо боялся царя хазар». Очевидно, страх был обоснованным, о чем говорит и Ибн Фадлан:

«Сын царя „славян“ [т. е. болгар] является его заложником у царя хазар. До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя „славян“, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя „славян“, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой. И, право же, царя „славян“ побудила написать государю [халифу] и попросить его, чтобы он построил для него крепость, боязнь царя хазар».

Тема страха звучит как рефрен. Ибн Фадлан уточняет сумму дани, ежегодно выплачиваемой болгарским царем хазарам: по одной собольей шкурке с каждого дома. Поскольку домов (т.е. шатров) у болгар было примерно 50 тысяч, а соболий мех, добываемый булгарами, высоко ценился во всем мире, то это была высокая дань.

11

Все, сообщаемое Ибн Фадланом о хазарах, основано, как уже говорилось, на сведениях, собранных им во время путешествия, однако большая часть по-

лучена от окружения царя болгар. В отличие от остального повествования, отражающего личные наблюдения, страницы, посвященные хазарам, содержат поверхностные сведения и сильного впечатления не производят. К тому же это были предубежденные информаторы — вспомним о понятной неприязни царя болгар к хазарскому кагану, а о враждебности халифата к царству, перешедшему в соперничающую религию, говорить вообще излишне.

От описания двора русов Ибн Фадлан резко переходит к картинам хазарской придворной жизни:

«Что же касается царя хазар, титул которого *хакан*, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют „большой хакан“, а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой его стороны. Его замещает муж, называемый кундурхакан, а этого также замещает муж, называемый джавшыгыр. Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему

не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху.

[Другой] обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что] если он умрет, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, [быстро] текущая, и они проводят эту реку над этой могилой, и говорят: „Чтобы не добрался до нее ни шейтан, ни человек, ни черви, ни насекомые“. Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется „рай“, и говорят: „Он вошел в рай“. И все [эти] дома выстланы парчой, сотканной из золота.

[Еще] обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жен, [причем] каждая из этих жен — дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет [себе] волей или неволей. У него шестьдесят девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой».

Дальше Ибн Фадлан дает довольно причудливое описание гарема кагана, где у каждой из восьмидесяти пяти его жен и наложниц «свой дворец», а также служитель или евнух, который по царскому при-

казу приводит ее к нему в альков «быстрее, чем по мановению ока».

После еще нескольких сомнительных замечаний об «обычаях» хазарского кагана (мы к ним еще вернемся) Ибн Фадлан приводит, наконец, кое-какие факты о самой стране:

«У царя хазар [есть] огромный город на реке Атыл [Волга]. Он состоит из двух сторон, — в одной из этих двух сторон [живут] мусульмане, а в другой стороне — царь и его приближенные. Над мусульманами [начальствует] муж из [числа] приближенных отроков царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и [временно] приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. (У мусульман в этом городе [есть] соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней [есть] высокий минарет и несколько муэззинов)».

Сохранившаяся часть путевых заметок Ибн Фадлана заканчивается такими словами: «Все хазары и их царь иудеи*, а „славяне“ [булгары] и все, кто соседит с ними, [находятся] у него в покорности, и он

* Утверждение о том, что все хазары — иудеи, звучит как преувеличение, особенно если учесть, что в столице существовала мусульманская община. З. В. Тоган убрал в своем переводе слово «все». Надо полагать, «хазарами» здесь именуется правящая группа или одно из племен в пестрой этнической мозаике Хазарии, где у мусульман была юридическая и религиозная автономия и они не считались «настоящими хазарами».

обращается с ними как с находящимися в рабстве, и они повинуются ему с покорностью. Некоторые считают, что хазары — это Гог и Магог».

12

Я так пространно цитировал одиссею Ибн Фадлана не столько из-за отрывочных сведений о хазарах, которые в ней можно найти, сколько потому, что она проливает свет на мир вокруг них, на полнейшее варварство народов-соседей, рассказывая об их собственном прошлом, предшествовавшем обращению. Однако ко времени посещения Ибн Фадланом болгар Хазария уже превратилась в удивительно развитую, по сравнению со своими соседями, страну.

Об этом контрасте свидетельствуют другие арабские историки*; контраст виден во всем, от жилищ до организации правосудия. Булгары, даже их царь, все еще живут только в юртах, хотя «юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более» (127; 61). Напротив, хазарский каган обитает в замке из обожженного кирпича, его женщины — «во дворцах под тиковыми крышами» (63), а у мусульман есть несколько мечетей, в том числе «одна, чей минарет возносится над царским замком» (81).

В плодородных районах сады хазар и обработанные поля тянулись без перерыва на 60–70 миль. У них были обширные виноградники. Вот свидетель-

* Материалом для последующих страниц послужили работы Истахри, ал-Масуди, Ибн Русте и Ибн Хаукаля.

ство Истахри: «У хазар есть город, называемый Самандар, [расположен] между (хазарами) и Баб ал-Абвабом (Дербентом), в нем многочисленные сады, говорят, что содержат около 4 тысяч виноградников, [тянующихся] до пределов Сарира, [в садах] преимущественно — плоды винограда»*.

Область к северу от Кавказских гор была чрезвычайно плодородна. В 968 г. Ибн Хаукаль расспросил о Самандаре человека, побывавшего там после набега русов: «И сказал он: „Там виноградник или сад [такой], что был милостыней для бедных, а если осталось там [что-нибудь], то только лист на стебле“. Пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев [других] религий и идолопоклонники, и ушли [они], а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было». Кавказские вина и сейчас чудесны и потребляются в большом количестве в Советском Союзе.

Однако главным источником дохода царской казны была внешняя торговля. О размерах торговых караванов, преодолевавших пустыни и степи между Средней Азией и Волжско-Уральским регионом, свидетельствует Ибн Фадлан: как мы помним, караван, к которому примкнуло его посольство в Ургенче, состоял из «пяти тысяч людей и трех тысяч лошадей». Даже с учетом возможного преувеличения караван все равно был велик, и мы не знаем, сколько таких

* По свидетельству Истахри, было 4000 садов (63).

караванов передвигалось одновременно. Неизвестно также, какие товары они перевозили, однако немалую часть грузов наверняка составляли ткани, сушеные фрукты, мед, воск и специи. Другой важный торговый путь вел через Кавказ в Армению, Грузию, Персию и Византию. По третьему разветвленному пути шли речные караваны русов, спускавшиеся по Волге и устремлявшиеся к восточным берегам Хазарского моря и перевозившие в основном ценные меха, пользовавшиеся спросом у мусульманской аристократии, и рабов с севера, продававшихся на невольничьем рынке Итиля. Все эти транзитные грузы, включая рабов, хазарский правитель облагал десятипроцентной пошлиной. Учитывая дань от болгар, венгров, буртасов и других народов, легко представить, как процветала Хазария; однако ее процветание в значительной степени зависело и от военной мощи, а также от уважения, внушаемого ее сборщиками налогов и таможенными чиновниками.

Не считая плодородных районов юга с их виноградниками и садами, страна была бедна природными ресурсами. Один из арабских историков (Истахри) свидетельствует, что единственным ее экспортным продуктом была слюда. Это тоже явное преувеличение, однако факт остается фактом: главная торговая деятельность хазар состояла в реэкспорте товаров, поступавших из других стран. Среди этих товаров внимание арабских хронистов более всего привлекали мед и свечной воск. По словам Мукаддаси, «в Хазарии большое количество овец, меда и

иудеев» (85; 197). Правда, один источник — «Дербент-наме» — упоминает то ли о золотых, то ли о серебряных месторождениях на хазарской территории, но их расположение до сих пор не определено. С другой стороны, сразу несколько источников сообщают о хазарских товарах на багдадских базарах и о хазарских торговцах в Константинополе, Александрии и даже в далеких Самарканде и Фергане.

Итак, Хазария вовсе не была изолирована от цивилизованного мира; по сравнению с соседними племенами на севере это была страна-космополит, открытая для любых культурных и религиозных влияний, однако ревностно защищающая свою независимость от двух могущественнейших мировых религий. Как мы увидим, эта позиция и стала почвой для неожиданного объявления иудаизма государственной религией.

В стране, судя по всему, процветали ремесла и искусства, в том числе искусство шитья. Когда будущий император Константин V женился на дочери хазарского кагана (см. выше, раздел 1), она привезла с собой в качестве приданого роскошное платье, так поразившее византийский двор, что там оно превратилось в мужской церемониальный наряд, названный «чичакион» — по хазарско-тюркскому имени принцессы «Чичак», или «цветок» (в крещении она получила имя Ирина). А. Дж. Тойнби назвал этот эпизод «ярчайшим фрагментом истории культуры» (114; 549). Когда другая хазарская принцесса выхо-

дила за мусульманского наместника Армении, ее кавалькада состояла, не считая слуг и рабов, из десяти колесных шатров «из тончайшего шелка, с дверцами из золотых и серебряных пластин, с потолками, покрытыми соболями. Еще двадцать повозок были нагружены золотой и серебряной посудой и прочими сокровищами, составлявшими ее приданое» (128; 120). Сам каган разъезжал в еще более великолепном передвижном шатре, увенчанном золотым гранатом.

13

Искусство хазар, как и искусство болгар и венгров, было в основном подражательным, ориентированным на сасанидские прототипы. Советский археолог О. Н. Бадер подчеркивал роль хазар в распространении на север серебряных изделий в персидском стиле (13; 184). Некоторые из таких находок могли быть привезены хазарами, занимавшимися посреднической торговлей; другие были подражаниями, вышедшими из хазарских мастерских, остатки которых обнаружены рядом с древней хазарской крепостью Саркел*. Украшения, найденные в пределах крепости, по всей видимости, были изготовлены местными мастерами (13; 139). Шведский археолог Т. Арне сообщает об обнаруженных на территории Швеции орнаментальных пластинах, закол-

* К сожалению, Саркел, самый крупный район раскопок хазарской культуры, оказался на месте затопления Цимлянского водохранилища.

ках и пряжках, выполненных в сасанидском и византийском стиле, созданных в Хазарии или на территориях, подвластных ей (37; 231).

Таким образом, хазары были главными посредниками в распространении предметов персидского и византийского искусства среди варварских племен Восточной Европы. Тщательно изучив археологические находки и документы (в основном по источникам, опубликованным советскими исследователями), А. Барта приходит к такому выводу:

«Разграбление хазарами Тифлиса весной 629 г. имеет отношение к нашей теме... [После захвата] каган прислал управляющих для наблюдения за изготовлением предметов из золота, серебра, железа и меди. Под их контролем находились также базары, торговля в целом, даже рыболовство... Ведя боевые действия на Кавказе на протяжении всего VII века, хазары находились в соприкосновении с культурой, выросшей на персидско-сасанидской традиции. Поэтому изделия этой культуры попадали к степным народам не только благодаря торговле, но и в результате грабежей и даже сбора налогов... Все пути, которые мы тщательно исследовали в надежде обнаружить источники венгерского искусства X века, возвращают нас на территорию хазар» (13; 143–145).

Последнее замечание венгерского ученого связано с замечательной археологической находкой, известной как «Сокровище Надь-Сент-Миклоша». Этот

клад, состоящий из 23 золотых сосудов X в., был найден в 1791 г. неподалеку от деревни с этим названием*. А. Барта отмечает, что фигура «князя-победителя», который тащит за волосы пленного, и мифологический сюжет, изображенный на обратной стороне золотого кувшина, как и инкрустация на других украшениях, близки с находками из Нови Павзаре в Болгарии и из хазарского Саркела. Так как венгры и болгары долго находились под господством хазар, этому не приходится удивляться. Так что конный воин, как и весь клад, дает хотя бы некоторое представление об искусстве на территории Хазарской империи и о доминирующем, как того и следовало ожидать, персидском и византийском влиянии**.

Среди венгерских археологов существует направление, представители которого полагают, что мастера золотых и серебряных дел, работавшие в X в. в Венгрии, были в действительности хазарами (74; 66 и далее). Как мы в дальнейшем увидим (см. главу III; 7, 8), во главе мадьяр, мигрировавших в 896 г. на территорию современной Венгрии, стояло взбунтовавшееся хазарское племя каваров, поселившееся вместе с мадьярами на новом месте. Хазары-кавары

* Теперь она принадлежит Румынии и называется Синшиколаул Маре.

** Интересующиеся могут обратиться к прекрасной подборке фотографий в книге Гюлы Ласло «Искусство эпохи переселений» (Gyula Laszlo «The Art of the Migration Period»), хотя к его историческим комментариям следует отнестись с осторожностью.

были известны как искусные мастера золотых и серебряных дел, у которых венгры, изначально не такие умелые, переняли мастерство и навыки. Таким образом получает подкрепление теория о хазарском происхождении по меньшей мере некоторых археологических находок на территории Венгрии, что станет еще очевиднее в свете венгерско-хазарского союза, о котором пойдет речь далее.

14

Кем бы ни был воин с золотого кувшина — венгром или хазарином, — он помогает нам вообразить облик тогдашнего всадника, возможно, из элитных войск. По словам Масуди, «в хазарской армии в настоящее время около семи тысяч* из них садятся на коня вместе с царем, вооруженные луками, облаченные в панцирные шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики, вооруженные, как мусульмане... Никто в том краю не имеет регулярной армии, кроме хазарского царя». Ибн Хаукаль пишет: «На службе у этого царя двенадцать тысяч воинов, и когда один погибает, на его место сразу встает другой».

Перед нами еще один важный ключ к тайне хазарского владычества: постоянная профессиональная армия и преторианская гвардия, которая в мирное время эффективно контролировала весь этниче-

* По Истахри — 12 тысяч.

ский конгломерат, а во время войны служила ядром вооруженной орды, иногда достигавшей, как мы уже знаем, сотни тысяч человек и даже более*.

15

Столицей этой многоликой империи сперва была, видимо, крепость Беленджер в северных предгорьях Кавказа; после арабских рейдов в VIII в. столица была перенесена на западный берег Каспийского моря, в Семендер, и, наконец, в Итиль в дельте Волги.

Существует несколько описаний Итиля, дополняющих друг друга. Город лежал на обоих берегах реки. Восточная часть называлась «Хазаран», западная —

* Согласно Масуди, «царская армия» состояла из мусульман, «бежавших из области Хорезма. Давным-давно, после обращения в ислам, на их землях были война и эпидемия, и они обратились с просьбой об убежище к хазарскому царю... Когда царь хазар воюет с мусульманами, они держатся в его армии отдельно и не нападают на своих единоверцев». То, что армия «состояла» из мусульман, — это, конечно, преувеличение, которому сам Масуди противоречит несколькими строками ниже, когда говорит об «обособленности» мусульманского контингента в хазарской армии. Ибн Хаукаль говорит о том, что «в свите царя 4000 мусульман, и на службе у него 12 000 воинов». Хорезмийцы образовывали внутри армии, вероятно, нечто вроде швейцарской гвардии, и слова их соотечественников о «заложниках» (см. выше, раздел 10) имеют, возможно, отношение именно к ним. Кстати, у византийского императора Константина Багрянородного был элитный корпус хазарских гвардейцев, охранявших ворота его дворца. То была дорогостоящая привилегия: «Охрана имела такой высокий доход, что ей приходилось дорого расплачиваться за свои посты, так что жалованье составляло всего 2,25–4% от этой платы (32; 692–693). Получалось, что хазарин с жалованьем в 7,4 фунта стерлингов платил за право стоять на воротах 302, 8 фунта! (21; 228 прим.)

«Итиль»*; между собой они соединялись наплавным мостом. Западная половина была окружена кирпичной крепостной стеной; там размещались дворцы и дворы кагана и бека, жилища их слуг** и «чистокровных хазар». В стене было четверо ворот, одни из которых выходили на реку. На противоположном, восточном берегу жили «мусульмане и идолопоклонники» (55); здесь находились также мечети, базары, бани и другие общественные службы. Несколько арабских авторов говорят о том, какое впечатление на них произвело количество мечетей в арабском квартале и высота главного минарета. Они также дружно подчеркивают автономию мусульманских судов и духовенства. Вот что пишет об этом ал-Масуди, которого иногда называют «арабским Геродотом», в своем сочинении «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней»: «В хазарской столице по правилу семь судей; два из них для мусульман; два — для хазар, которые судят в соответствии с Торой (по Закону Моисея); два — для христиан, которые судят в соответствии с Евангелием, и один для саклабов (славян), русов и других язычников, которых судят согласно языческому [обычаю], т. е. по велениям разума. (А когда представится случай большой важности, для которого у них нет знания, они собираются у мусульманских кади (судей), судятся

* В разные периоды город был известен под разными названиями: ал-Байда, Белый Город.

** Масуди помещает эти сооружения на острове вблизи западного берега или на полуострове.

перед ними и следуют тому, что надлежит по шариа-ту. [...] Русы и саклабы, которые, как мы уже говорили, язычники, [также] служат в войске царя и являются его слугами). В его стране находится много мусульманских купцов и ремесленников, которые наехали в страну хазарского царя ввиду справедливости и безопасности, [господствующих] там. У них есть соборная мечеть с минаретом, который возвышается над царским замком, а также и другие мечети со школами, в которых дети обучаются Корану. (Если бы мусульмане и христиане вошли бы в соглашение, царь не имел бы средств [противостоять им])».

По прочтении этих строк выдающегося арабского историка, написанных в первой половине X в. (предположительно между 943 и 974 гг.), создается слишком идиллическая картина жизни в хазарском царстве. Вот и в статье «Хазары» «Еврейской энциклопедии» мы читаем: «Во времена, когда в Западной Европе неистовствовали фанатизм, невежество и анархия, царство хазар могло гордиться справедливым и терпимым правлением»*.

Это, как мы видели, верно лишь отчасти. Не существует свидетельств о практике религиозных преследований в Хазарии ни до, ни после перехода в иудаизм. В этом отношении хазарское государство можно считать более терпимым и просвещенным,

* Так сказано в энциклопедии, изданной в 1901–1906 гг. В «Encyclopaedia Judaica» 1971 г. статья о хазарах, написанная Дан-лопом, образцово объективна.

чем Восточно-Римскую империю или ранний ислам. С другой стороны, у них, судя по всему, сохранялись от племенного прошлого варварские обряды. Напомним сведения Ибн Фадлана об умерщвлении людей, принимавших участие в сооружении могилы и погребении кагана. Он же упоминает другой архаичский обычай: «Продолжительность [правления] их царя — сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: „У этого ум уже уменьшился и его суждение [стало] путаным [неясным]“».

Истахри предлагает иную версию:

«Что касается управления ими и правителя, то глава их называется „хакан-хазар“. Он выше царя хазарского, но его самого назначает царь. Когда они желают поставить кого-нибудь этим хаканом, то приводят его и начинают душить шелковым шнурком. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: „Как долго желаешь царствовать?“ — он отвечает: „Столько-то и столько-то лет“. Если он раньше умрет [то его счастье], а если нет, то его убивают по достижении назначенного числа лет царствования».

Дж. Бьюри с сомнением отнесся к этому сообщению, и от него действительно стоило бы отмахнуться, если бы ритуальное цареубийство не было таким распространенным явлением в архаических и традиционных обществах (21; 405). Дж. Фрезер особо подчеркивал связь между представлением о божествен-

ном статусе царя и сакральной необходимостью убивать его по прошествии определенного срока, или в случае, когда его жизненные силы иссякнут, чтобы божественная энергия могла найти новое воплощение*.

В пользу правдивости Истахри говорит то обстоятельство, что об аналогичной экзотической церемонии «удушения» будущего царя у другого народа — кёк-тюрок — говорится в независимом китайском источнике. З. В. Тоган ссылается на сведения французского антрополога Сен-Жюльена, писавшего в 1864 г.: «При возведении государя на престол ближайшие важные сановники сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом?» (28; 269).

Мы не знаем, отказались ли хазары от ритуального убийства царя (если такой ритуал вообще существовал) с переходом в иудаизм; если да, то, значит, арабские авторы переносили сведения об этой практике из прошлого в современность — характерная черта географических сочинений, когда сведения предшественников включаются в актуальный контекст. Как бы то ни было, не приходится сомневать-

* Дж. Фрезер посвятил этой теме специальную статью «Убийство хазарских царей» (*Frazer J. The Killing of the Khazar Kings // Folklore. XXVIII. 1917*).

ся в обожествлении фигуры кагана, независимо от того, приносили ли его в конце концов в жертву. Как уже говорилось, ему поклонялись, но держали почти что в заточении, изоляции от своего народа, а в случае кончины устраивали пышную церемонию похорон. Государственными делами, в том числе военными, занимался бек (именуемый иногда каган-беком), обладавший реальной властью. В этом сходятся и арабские источники, и современные историки; последние обычно характеризуют хазарскую систему правления как «двоевластие», где каган представлял небесную, а бек — светскую власть.

Двойственность власти у хазар иногда сравнивают — скорее всего ошибочно — с диархией в Спарте, а также с внешне тождественным ей двойным правлением у различных тюркских племен. Два спартанских царя происходили из двух главных родов и обладали одинаковой властью; что же касается кочевых племен, управляемых двумя вождями*, то нет указаний на разделение их функций, как у хазар. Правильнее сравнивать хазарский вариант с системой правления, существовавшей в Японии со Средних веков до 1867 г.: светская власть была сосредоточена в руках сёгуна, а микадо являлся объектом поклонения как воплощение божества.

П. Кассель предложил занятную аналогию: он сравнил хазарскую систему управления с шахматами. На шахматной доске двойное царствование олицет-

* Алфолди предполагал, что они возглавляли два крыла Орды; об этом пишет и Данлоп (37; 159).

воряется королем (каган) и ферзем (бек). Король находится в изоляции, охраняемый слугами, имеет мало власти и может совершать только одношаговые ходы. Ферзь, в противоположность ему, выступает самой могущественной фигурой, доминирующей на доске. Тем не менее утрата ферзя не означает конец игры, тогда как падение короля символизирует окончательный разгром, завершение партии (26; 52).

Таким образом, двойное царствование отражает резкое разграничение между священным и мирским в хазарской психологии. Представления о божественной природе кагана явственно проступают в следующем отрывке из Ибн Хаукаля*:

«Хаканство является исключительно принадлежностью известных семей. У хакана власть среди хазар только номинальная, и его только величают, когда входят к нему. Приходят к нему только по необходимости. При входе к нему входящий падает перед ним ничком на землю, поклоняется ему и становится вдали, пока хакан не разрешит ему приблизиться. Когда постигает их тяжелое событие или война, то они выводят хакана, и не взглянет на него ни один из тюрков или других соседних с ними кяфиров (неверных) без того, чтобы не поклонился и не удалился. И никто не воюет с ним из-за великого

* Ибн Хаукаль, арабский путешественник, географ и историк, написал «Книгу путей и стран» примерно в 977 г. Цитируемый ниже отрывок почти дословно повторяет текст Истахри, написанный на сорок лет раньше, однако более понятен, поэтому я оставил выбор на переводе из Ибн Хаукаля, выполненном В. Оусли в 1800 г.

почтения к нему. Когда он умрет, и его похоронят, то не проедет ни один мимо могилы его без того, чтобы не спешиться перед нею и не поклониться праху его; и путник сядет верхом не прежде, чем скроется из виду его могила.

Повиновение их своему царю доходит до того, что, когда иной раз бывает необходимо убиение одного из них, а он бывает наиболее уважаем из них перед царем и занимает весьма значительное место при нем, и в то же время царь не желает его открытой казни, то приказывает ему самому убить себя, а тот удаляется в свой дом и кончает с собой.

Я уже упоминал, что хаканство есть принадлежность известных семей, не имеющих владений и богатств, но иногда бывают среди них богатые. Когда достается кому-нибудь хаканство, то ему присягают, не обращая внимания на его имущественное положение. Мне сообщил человек, которому я доверяю, что он видел на одном из их рынков юношу, продававшего хлеб; и они говорили, что если хакан их погибнет, то никого нет более достойного хаканства, чем он, разве только, что он мусульманин, а назначают на хаканство только иудеи.

У хазар трон под золотым навесом изготавливается только для хакана; шатры хакана, когда разобьют их в случае необходимости в дороге, выше шатров царя, а жилище его в городах выше царского жилища» (58; 189–90).

Отрывок о достойном юноше-хлеботорговце, или чем бы он ни торговал, больше похож на сказку о Ха-

рун ар-Рашиде. Если он был наследником золотого трона, предназначенного для одних иудеев, то почему рос бедным мусульманином? Если попытаться извлечь из этой истории хоть какой-то смысл, то придется заключить, что кагана выбирали в зависимости от достоинств кандидата, но только среди членов «императорского» или «знатного» рода. Так, кстати, полагают и М. И. Артамонов, и З. В. Тоган. Артамонов считает, что у хазар и других тюрков правили выходцы из тюркютской династии, некогда царившие в угасшей тюркской империи (см. выше, раздел 3). З. В. Тоган полагает, что «знатный род», к которому должен принадлежать каган, — это династия Ашина, упоминающаяся в китайских источниках, — подобие аристократов пустыни, происхождением от которых традиционно гордились тюркские и монгольские правители. Это предположение вызывает доверие и помогает как-то примирить противоречивые ценности, провозглашаемые в рассматриваемом отрывке: благородный юноша без гроша за душой — и величие, окружающее золотой трон. Перед нами наложение двух традиций, подобное оптической интерференции двух волновых картин на экране: аскетизма кочевых племен и блеска царского двора, процветающего благодаря торговле и ремеслам подданных и стремящегося затмить соперников в Багдаде и Константинополе. Ведь у истоков религий, исповедуемых в обеих пышных столицах, тоже стояли некогда пророки, вышедшие из пустыни.

Все это не объясняет поразительного разделения божественной и светской властей, уникального для этого периода и региона. Как писал Дж. Бьюри, «мы не знаем, когда реальное правление кагана сменилось божественным бездействием и зачем ему было возвышение до положения, похожего на положение японского императора, когда для процветания государства важно его существование, но не правление» (21; 405).

Вариант ответа на этот вопрос был недавно предложен М. И. Артамоновым. Согласно его предположению, провозглашение иудаизма государственной религией было результатом переворота, превратившего кагана, представителя языческой династии, чьей преданности закону Моисея нельзя было полностью доверять, в подставное лицо. Гипотеза ничем не хуже других — и так же, как другие, мало подкреплённая фактами. Тем не менее вполне вероятно, что эти два события — переход в иудаизм и начало двоецарствия — были каким-то образом связаны между собой*.

* До перехода в иудаизм каган еще играл активную роль — взять хотя бы историю с Юстицианом. Ситуацию затемняет то обстоятельство, что арабские источники часто говорят о «кагане», определенно подразумевая «бека» (поскольку «каганом» у многих племен именовался правитель), а бека именуют по-разному, как явствует из таблицы, составленной В. Ф. Минорским [84; 451]:

Константин		
Багрянородный:	хакан	бек
Ибн Русте:	хазар хакан	айша
Масуди:	хакан	Малик
Истахри:	Малик Хазар	хакан хазар**
Ибн Хаукаль:	хакан хазар	Малик Хазар или бек
Гардези:	хазар хакан	Абшад

** Возможна неверная последовательность правителей.

II ОБРАЩЕНИЕ

1

«Религия евреев, — пишет Дж. Бьюри, — оказала глубокое влияние на исламское вероисповедание и послужила фундаментом для христианства; известны разрозненные случаи новообращения; но переход хазар в веру Иеговы в чистом виде уникален в истории» (21; 401).

Каковы же мотивы этого уникального события? Влезть в шкуру хазарского принца нелегко — тем более что он не снимал кольчугу. Если же рассуждать в терминах силовой политики, которая во все века подчиняется одним и тем же правилам, то напрашивается одна поразительная аналогия.

В начале VIII в. мир был строго разделен между двумя сверхдержавами, олицетворявшими христианство и ислам. Их идеологические доктрины находили выражение в силовой политике, осуществ-

лявшейся классическими методами пропаганды, силового давления и военных захватов. Хазарская империя представляла собой «третью силу», доказавшую свое равенство двум другим и в роли противника, и в роли союзника. Но сохранить независимость Хазария могла, лишь избежав принятия христианства или ислама, в противном случае она оказалась бы подчинена власти византийского императора либо багдадского халифа.

Обе силы упорно старались обратить хазар в христианство или в ислам, однако старания эти приводили лишь к обмену дипломатическими любезностями, династическим бракам и ненадежным военным союзам, основанным на взаимных интересах. Полагаясь на военное могущество и имея в тылу подчиненные племена, Хазарское царство решительно отстаивало свое положение «третьей силы», возглавляющей независимые степные народы.

В то же самое время близкие связи с Византией и халифатом доказали хазарам, что их архаический шаманизм — не только устаревшее варварство по сравнению с великими монотеистическими религиями, но и препятствие на пути к наделению вождей духовной и юридической властью, каковой обладали правители двух мировых теократических держав — халиф и император. Однако обращение в одну из этих религий означало бы подчинение, конец независимости и потому было неприемлемо. Разве не логичнее в этой ситуации было принять вероисповедание,

не связанное с другими двумя, но в то же время послужившее той и другой древней основой?

Однако логика таких умозаключений прозрачна, ибо они делаются задним числом. В действительности обращение в иудаизм требовало гениального провидения. Тем не менее и арабские, и еврейские источники, по-своему детализируя историю обращения, выстраивают логику, схожую с вышеизложенной. Снова процитируем Дж. Бьюри:

«Не вызывает сомнений, что к принятию иудаизма правителя склонили политические соображения. При переходе в магометанство он попал бы в духовную зависимость от халифов, пытавшихся навязать хазарам свою религию, а в христианстве заключалась опасность превратиться в церковного вассала Византийской империи. Иудаизм же был авторитетной религией, священные книги которой почитались и христианами, и магометанами; он возвышал его над невежественными варварами и одновременно гарантировал от вмешательства халифа и императора. Однако, приняв обрезание, он не перенял нетерпимости иудейского культа. Простолюдину было позволено и дальше пребывать в язычестве, поклоняясь прежним идолам» (21; 406).

Обращение хазарского двора имело, несомненно, политические мотивы, но было бы ошибкой воображать, что эти люди слепо, в один присест перешли к исповеданию религии с неведомыми догматами. Напротив, перед обращением они как минимум столе-

тие знакомились с евреями и их религиозной практикой благодаря многочисленным беглецам, спасавшимся от религиозного преследования в Византии и, хоть и в меньшей степени, в завоеванной арабами Малой Азии. Известно, что среди варваров Севера Хазария выделялась как относительно цивилизованная страна, еще не склонившаяся ни к одной из противоборствующих религий, превратившаяся потому в естественное убежище для евреев, спасающихся от византийского ига, насильственного обращения в другую веру и других притеснений. Различные преследования начались при Юстиниане I (527–565 гг.) и приняли особенно жестокие формы в VII в. при Ираклии, в VIII в. при Льве III, в IX в. при Василии и Льве IV и в X в. при Романе. Например, Лев III, правивший два десятилетия непосредственно после обращения хазар в иудаизм, «попытался одним ударом покончить с беспорядком [терпимым отношением к евреям], повелев всем своим подданным-иудеям принять крещение» (109; 61). Несмотря на неудовлетворительное исполнение императорского повеления, оно привело к бегству из Византии значительного количества евреев. Согласно ал-Масуди, ситуация с вероисповеданием в Хазарии выглядела так: «Жители столицы — мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода*. Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида (786–

* Видимо, правящее племя «белых хазар», см. выше, глава I, 3.

814). Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т. е. в 332 году хиджры (943 г.), и носящий имя Роман, обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их [...] и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар». Царь хазар стал иудеем еще в правление халифа Харуна ар-Рашида*, и к нему сошлись евреи из всех земель ислама и из страны греков [Византии]. Нынешний же царь греков, в год хиджры 332 [943–944], силой обратил евреев своего царства в христианство... И многие евреи бежали из страны греков в Хазарию...».

Две последние фразы из процитированных касаются событий, происходивших спустя двести лет после обращения хазар, и демонстрируют постоянство возникновения волн репрессий на протяжении веков. Но евреи были не менее настойчивы. Многих подвергли пыткам, те же, у кого не хватило сил сопротивляться, позднее вернулись к своей вере, «как псы к своей рвоте», если прибегнуть к «изящной» формулировке одного христианского хрониста (109; 84). Не менее живописно описал еврейский автор метод насильственного крещения, примененный при императоре Василии к еврейской общине в Ории, на юге Италии: «Как их принуждали? Любого, кто отказывался принять их ложную веру, клали под дере-

* В промежутке между 786 и 809 гг.; принято считать, впрочем, что ал-Масуди пользовался просто привычным временным ориентиром, а обращение имело место примерно в 740 г.

вянный пресс оливковой давилки и сдавливали наподобие оливок» (109; 88).

В другом еврейском источнике (где «Видение Даниила» рассматривается как древнее пророчество) так говорится о преследованиях при императоре Романе («греческом царе» из свидетельства Масуди): «А потом появится царь, который будет преследовать их, не уничтожая, а милостиво вытесняя из страны» (109; 201).

Единственная милость, проявленная Историей и к беглецам, укрывшимся от пыток, и к тем, кто был доведен притеснениями к бегству, заключалась в существовании Хазарии — и до, и после ее обращения. До обращения она служила убежищем для беглецов, а после превратилась в призрак земли обетованной. Беглецы были представителями более высокой культуры и стали, несомненно, важным фактором формирования космополитизма и терпимости, так поражавших арабских хронистов, упоминавшихся ранее. Их влияние и, наверное, их миссионерский пыл* первыми должны были испытать на себе придворные и знать. Видимо, евреи умело сочетали теологическую аргументацию, мессианские пророчества и разумные соображения по поводу преимуществ, которые получили бы хазары от перехода в «нейтральное» вероисповедание.

* В ту эпоху обращение неверующих силой или убеждением было насущнейшей заботой. О том, что этим занимались и евреи, говорит такой факт: начиная с правления Юстиниана византийские законы грозили суровыми карами за попытки обращения христиан в иудаизм, а евреев, «досаждавших» новообращенным христианам, ждала казнь через сожжение на костре (109; 25).

Изгнанники принесли с собой византийское искусство и ремесла, прогрессивные методы земледелия и торговли, а также еврейскую азбуку. Неизвестно, какой письменностью пользовались хазары раньше, но в «Фихристе» Ибн ан-Надима (94; 37; 119), попытке универсальной библиографии, составленной примерно в 987 г., говорится, что в то время хазары пользовались еврейским алфавитом. Древнееврейский язык служил двоякой цели: был языком науки (как средневековая латынь на Западе) и письменностью для различных языков Хазарии (подобно латинскому алфавиту, которым воспользовались в Западной Европе формировавшиеся языки). Из Хазарии еврейская письменность распространилась, видимо, на прилегающие страны. Отсюда сообщения Коулсона о «надписях на несемитском языке (или, возможно, на двух разных несемитских языках), найденных на двух могильных камнях из Фанагории и Партенита в Крыму и до сих пор не расшифрованных (94; 28)*. (Крым, как мы уже видели, оказывался время от времени под хазарским владычеством, однако там издавна существовала еврейская община, и надписи могли быть сделаны даже раньше обращения хазар.) Некоторые еврейские буквы («шин» и «цадей») попали в кириллицу (94) (12; III; 210, прим. 47); найдены также польские монеты, относящиеся к XII и XIII вв., с надписями по-польски еврейскими бук-

* Эти надписи относятся к другой категории, нежели известные историкам подделки А. Фирковича, см. Приложение III.

вами (например, «Лешек кроль Польски»), рядом с монетами с надписями латинскими буквами. По мнению А. Н. Поляка, «эти монеты окончательно доказывают факт распространения еврейской письменности из Хазарии в соседние славянские страны. Хождение таких монет не имело отношения к религии. Их чеканили потому, что многие в Польше были более привычны к таким буквам, нежели к латинским, не связывая их специально с евреями» (94).

Итак, вызванное, несомненно, чисто практически соображениями и задуманное как хитрый политический маневр обращение привело к таким культурным последствиям, какие вряд ли предвидели его инициаторы. Началом стал еврейский алфавит; три века спустя закат хазарского государства был отмечен неоднократными всплесками мессианского сионизма и появлением псевдомессий, вроде Давида Альроя, героя романа Дизраэли, возглавивших донкихотские походы с целью отвоевать Иерусалим (см. гл. IV, 11).

Вынужденный переход кагана в ислам после понесенного от арабов в 737 г. поражения оказался пустой формальностью, не произведшей, видимо, на окружение кагана никакого впечатления. Добровольное обращение в иудаизм, напротив, привело к глубоким и долговременным последствиям.

2

Обстоятельства обращения затемнены легендарными известиями, однако в главном арабские и еврейские источники сходятся.

Рассказ ал-Масуди о роли евреев в Хазарии, цитировавшийся выше, заканчивается отсылкой к его более раннему сочинению, в котором он описывает эти обстоятельства. Сочинение это утрачено; однако два фрагмента сохранились в изложении более поздних писателей. В первом, принадлежащем перу арабского космографа Димашки (1327 г.), повторяется, что во времена Харуна ар-Рашида император Византии изгнал иудеев из своего государства, и те направились в страну хазар, «где нашли умных и благочестивых людей, объявили им свою веру, а те признали ее наиболее правильной, присоединились к ней» (80; 6).

Второй, гораздо более подробный рассказ содержится в «Книге царств и дорог» ал-Бакри (XI в.):

«Причина обращения в иудаизм царя хазар, прежде язычника, такова. Он принял христианство (см. ниже, гл. IV, 11). Потом он признал его ложность и обсуждал эту тему, сильно его беспокоившую, с одним из своих приближенных. Тот сказал ему: „О, царь, люди Священного Писания делятся на три группы. Созови их и вели привести их доказательства, а затем последуй за тем, у кого правда“.

И послал он к христианам, за епископом. При царе был иудей, опытный в спорах, и он затеял диспут. Он спросил епископа: „Что скажешь о Моисее, сыне Амрана, и о Торе, данной ему свыше?“. Епископ отвечал: „Моисей — пророк, в Торе истина“. Тогда иудей обратился к царю: „Вот он и признал правдивость моей веры. Теперь спроси его, во что верит

он сам“. Царь спросил, и епископ ответил: „Я говорю, что Иисус — мессия, сын Марии, Он — Слово, Он творил чудеса во имя Господне“. И сказал иудей царю: „Он проповедует учение, которого я не знаю, но признает то, что говорю я“. Но епископ не был силен в доказательствах. Тогда царь затребовал мусульманина, и прислали ему ученого, мудрого мужа, мастера доказывать. Но иудей нанял человека, который отравил мусульманина в пути, и тот умер. Так иудею удалось склонить царя к своей вере, и тот принял иудаизм» (37; 90).

У арабских историков был несомненный дар подслащивать пиллюлю. Если бы мусульманский мудрец принял участие в дебатах, то угодил бы в ту же ловушку, что и епископ, так как оба признавали истинность Ветхого Завета, так что защитники Нового Завета и Корана неминуемо проиграли бы со счетом 1:2. Согласие царя с этой аргументацией символично: он изъявляет готовность признать доктрины, разделяемые всеми тремя, — общий знаменатель — и отказывается примыкать к какому-либо из враждующих течений, идущему дальше этого. Опять-таки восторжествовала непредвзятость в применении к теологии.

Из этой истории следует также, как указывает Дж. Бьюри, что еврейское влияние при хазарском дворе, должно быть, стало значительным еще до официального обращения: ведь за епископом и мусульманским ученым пришлось «посылать», тогда как иудей уже находился при царе (21; 408).

3

Перейдем теперь от главного арабского источника по истории обращения — ал-Масуди и переписчиков его сочинений — к основному еврейскому источнику. Это так называемая «Хазарская переписка» — письма на еврейском языке, которыми обменялись еврей Хасдай ибн Шафрут, главный министр Кордовского халифата, и Иосиф, царь хазар, вернее, писцы того и другого. Подлинность этой переписки долго вызывала сомнения, но сейчас она всеми признается, со скидкой на вольности, допускаясь позднее переписчиками.

Обмен письмами имел место, видимо, после 954 и до 962 г., то есть примерно тогда же, когда писал ал-Масуди. Чтобы стала ясна значимость переписки, следует подробнее рассказать о личности Хасдая ибн Шафрута — возможно, самой выдающейся фигуре «золотого века» (900–1200 гг.) еврейства в Испании.

В 929 г. Абд ар-Рахману III, омейядскому правителю, удалось объединить под своей властью территории мавров в южной и центральной части Иберийского полуострова и основать Западный халифат. Его столица Кордова стала жемчужиной арабской Испании и центром европейской культуры с библиотекой в 400 тысяч томов. Хасдай, родившийся в 910 г. в Кордове в зажиточной еврейской семье, привлек внимание халифа как врач, на счету которого были замечательные исцеления. Абд ар-Рахман назначил

его своим придворным лекарем и настолько доверял его суждениям, что сначала поручил ему привести в порядок финансы государства, потом сделал министром иностранных дел, распутывающим сложные дипломатические узлы в отношениях нового халифата с Византией, германским императором Оттоном, с Кастилией, Наваррой, Арагоном и другими христианскими королевствами севера Испании. Хасдай проявил себя настоящим *homo universale* за столетия до Ренессанса: в промежутках между государственными делами он находил время для перевода на арабский язык медицинских трактатов, переписки с премудрыми раввинами из Багдада и наставлений еврейским грамматикам и поэтам.

Совершенно очевидно, что это был просвещенный, правоверный иудей, использовавший свои дипломатические контакты для сбора информации о еврейских общинах, рассеянных по миру, и ходатайств в их пользу при малейшей возможности. Особенно его беспокоило преследование евреев в Византийской империи при Романе (см. выше, раздел 1). К счастью, он обладал немалым влиянием при византийском дворе, где были жизненно заинтересованы в благожелательном нейтралитете Кордовы во время кампаний Византии против мусульманского Востока. Ведя переговоры, Хасдай использовал их как возможность для вмешательства в защиту византийского еврейства — очевидно, успешного (109; 100, см. прим.).

По признанию самого Хасдая, впервые он услышал о существовании независимого еврейского царства от купцов из Хорасана, но усомнился в правдивости их сведений. Позднее он расспросил членов византийской дипломатической миссии в Кордове, и те подтвердили рассказ купцов, дополнив его важными фактами о хазарском царстве, включая имя царя, правившего на тот момент, — Иосиф. Тогда Хасдай решил послать к царю Иосифу гонцов с письмом.

Письмо (подробнее о нем ниже) содержит список вопросов о хазарском государстве, народе, способе правления, войске и так далее, включая проблему принадлежности Иосифа к какому-либо из двенадцати колен Израилевых. Это как будто свидетельствует о том, что хазары-иудеи, по мнению Хасдая, были выходцами из Палестины, подобно испанским евреям, а то и представляли собой одно из Потерянных Колен. Иосиф, не будучи евреем по происхождению, не принадлежал, разумеется, ни к одному из этих Колен; в своем «*Ответе Хасдаю*» он, как мы увидим, приводит генеалогию другого рода, однако главное его намерение — снабдить Хасдая подробным, пусть и легендарным рассказом об обращении, состоявшемся двумя столетиями раньше, и обстоятельствах, которые привели к этому выбору.

Повествование Иосифа начинается с панегирика предку, царю Булану, великому завоевателю и мудрецу, «изгнавшему гадателей и идолопоклонников со своей земли». Потом царю Булану явился во

сне ангел, призвавший его поклоняться единственному истинному Богу и пообещавший, что за это Он «благословит и умножит потомство Булана, отдаст ему в руки врагов его и сохранит его царство во веки веков». Здесь угадываются мотивы Завета из Книги Бытия; по всей видимости, хазары тоже претендовали на статус избранного народа, заключившего союз с Господом, хотя и не происходившего из Авраамова семени. Но в этом месте рассказ Иосифа делает неожиданный поворот. Царь Булан полон желанием служить Господу, но сталкивается с некоей трудностью:

«Он отвечал и сказал ангелу, который говорил с ним: „Ты знаешь, господин мой, помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, [ты знаешь], что я возложил свое упование на тебя. Но народ, над которым я царствую, [люди] неверующие. Я не знаю, поверят ли они мне. Если я нашел милость в твоих глазах и на меня снизошло милосердие твое, явись к такому-то, главному князю их, и он поможет мне в этом деле“. Всесвятой — благословен он — исполнил желание его, и явился тому князю во сне. Когда он встал утром, он пошел и рассказал [это] царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ и рассказал им все это. Они одобрили это, приняли [новую] веру и стали под покровительством Шехины (букв. „пребывание Божие“, „слава Господня“).».

Ни в Книге Бытия, ни в арабских источниках, рассказывающих об обращении, ничего не сообща-

ется о князе, согласие которого было так важно для успеха подобного мероприятия. Это является очевидным свидетельством хазарского двоецарствия. «Главный князь» — это, видимо, бек; но нельзя исключать и противоположного: что «царь» — бек, а «князь» — каган. К тому же, согласно арабским и армянским источникам, предводитель хазарской армии, вторгшейся в Закавказье в 711 г. (то есть за несколько лет до предполагаемой даты обращения), звался «Булханом» (21; 406, см. прим.).

Далее в письме Иосифа говорится о том, как ангел снова явился царю и сказал ему: «„Вот небеса и небеса небес не вмещают меня, но ты [все же] построй храм во имя мое“. Он отвечал и сказал: „Владыка мира, я очень стыжусь перед тобой, что у меня нет серебра и золота, чтобы выстроить его, как следует, как мне хочется“. Он сказал ему: „Крепись и мужайся! Возьми с собой все твои войска и иди в страну Руд-лан (вар. Д-ралан, т.е. Дарьяльское ущелье) и страну Ардил (город Ардебиль в Азербайджане). Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и отдам их в твою руку. Я приготовил тебе два склада: один серебра и один золота. Я буду с тобой и охраню тебя [везде], куда ты пойдешь. Ты возьмешь [это] имущество, вернешься благополучно [к себе] и построишь храм во имя мое“. Он поверил ему и поступил так, как он приказал ему». Это соответствует походу Булана-Булхана перед обращением, а также сообщениям арабских источников, что хазары одно время

владели на Кавказе серебряными и золотыми месторождениями (37; 227). Булан следует наставлениям ангела, возвращается с победой и добычей и устраивает «скинию, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. До настоящего дня они хранятся в моем распоряжении (т. е. у царя Иосифа)».

В письме Иосифа, написанном во второй половине X в., больше чем через 200 лет после событий, которые он описывает, безусловно, перемешаны факты и легенды. Перечисление скудного убранства святого места резко контрастирует с перечислением нынешних богатств его страны, которому посвящена немалая часть письма. Времена предка Булана кажутся Иосифу далекой древностью, когда благочестивый, но бедный царь вынужден был ограничиться шатром в качестве священной скинии.

До этого момента письмо Иосифа оставалось всего лишь предисловием к истинной драме, каким предстает в его рассказе обращение. Видимо, отказ Булана от идолопоклонства в пользу «единственного истинного Бога» был только первым шагом. Предстоял еще выбор между тремя монотеистическими религиями. Во всяком случае, именно это следует из письма Иосифа:

«После этого слух о нем [царе Булане] распространился по всей земле, и услышали о нем царь Эдома (т.е. царь христиан) и царь исмаильтян и прислали к нему своих посланцев с великим имуществом и

многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, чтобы склонить его [перейти] в свою веру. Но царь был мудр и приказал привести [также] мудреца из израильтян, хорошо разузнал, расследовал и расспросил [его], а [затем] свел их вместе, чтобы они выяснили [истину] о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не соглашались ни в чем [друг с другом]».

Перед нами «мозговой трест» или «круглый стол», как у ал-Масуди, с той разницей, что мусульманина никто заблаговременно не отравил. Дискуссия протекает примерно в том же русле. После долгих и тщетных споров царь устраивает трехдневный перерыв, чтобы оппоненты поостыли, а затем применяет новый метод: вызывает каждого по отдельности. Христианин на вопрос, которая из двух других религий ближе к истине, отвечает: «Иудейская». Такой же ответ дает царю на его вопрос мусульманин. Нейтралитет снова приносит плоды.

4

Итак, обращение состоялось. Что еще узнаем мы из знаменитой «Хазарской переписки»?

Начнем с самого письма Хасдая. Зачином в нем выступают еврейские стихи в модном тогда стиле «пийют» — напыщенные строки со скрытыми намеками и загадками, часто в форме акростиха. Поэма прославляет ратные подвиги адресата, царя Иосифа; в то же время начальные буквы строк образуют ак-

ростих, складывающийся в полное имя автора: Хасдай бар Исаак бар Шафрут, за которым следует имя «Менахем бен Шарук». Менахем был знаменитым еврейским поэтом, лексикографом и грамматиком, секретарем и протеже Хасдая. Видимо, получив задание придать посланию царю Иосифу как можно более изящный вид, тот воспользовался этим как возможностью обессмертить собственное имя, вставив его в акrostих после имени патрона. До наших времен сохранилось еще несколько сочинений Менахема бен Шарука, так что в авторстве этой части письма Хасдая можно не сомневаться (см. Приложение III).

После стихотворной хвалы, комплиментов и дипломатических красотей письмо живописует процветание арабской Испании и благоденствие евреев под дланью халифа Абд ар-Рахмана, «какого прежде не ведали...»: «Бедные овцы, которые были в печали, поднялись на спасение, а руки угнетателей их ослабели, их рука перестала наказывать и стало легче их ярмо, благодаря милосердию Бога нашего. Да будет известно господину моему, царю, что имя страны, внутри которой мы проживаем, на священном языке — Сефарад, а на языке исмаильтян, жителей этой страны — ал-Андалус (Испания)».

Далее Хасдай объясняет, что впервые прослышал о существовании иудейского царства от хорасанских купцов, потом, уже подробнее — от византийских посланцев. Вот что те ему поведали:

«Я спросил их об этом деле, и они ответили мне, что действительно дело обстоит так и что имя цар-

ства — ал-Хазар; что между ал-Кустантинией [Константинополем] и их страной 15 дней пути*, но что „сухим путем между нами [и ими] находится много народов“; что имя царя, царствующего [теперь над ними], Иосиф; что „корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары“; что „они с нами в дружбе и у нас почитаются“**, что „между нами и ими [постоянный] обмен посольствами и дарами“; что они обладают [военной] силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают [на войну] по временам».

Эти сведения, сообщенные Хасдаем хазарскому царю о его собственной стране, очевидно, преследовали цель спровоцировать Иосифа на подробный ответ. Психологический прием удался: Хасдай знал, наверное, что критиковать ошибочные утверждения гораздо проще, чем излагать какие-либо темы, не зная, насколько они интересны адресату.

Далее Хасдай упоминает свои предыдущие попытки связаться с Иосифом. Начиная с отправки гонца, некоего Исаака бар Натана, получившего наказ добраться до хазарского двора. Однако Исаак не проник дальше Константинополя, где с ним учтиво

* Видимо, если следовать так называемым «хазарским путем»: из Константинополя через Черное море, потом вверх по Дону, волоком с Дона на Волгу, вниз по Волге до Итиля. Альтернативный, более короткий маршрут вел из Константинополя к восточному побережью Черного моря.

** Строчка «... у нас почитаются» переключается с отрывком из Константина Багрянородного об особой золотой печати, которой запечатывались письма к кагану. Во времена Испанского посольства Константин был императором Византии.

обошлись, но не дали продолжить путь. И можно понять почему: учитывая двойственность отношения империи к иудейскому царству, в интересы Константина вовсе не входило способствовать союзу между Хазарией и Кордовским халифатом, где главным министром оказался еврей. Пришлось посланцу Хасдая вернуться в Испанию ни с чем. Но вскоре представилась новая возможность: в Кордову прибыло посольство из Восточной Европы. В нем были, в частности, два еврея, мар Саул и мар Иосиф, вызвавшие переправить письмо Хасдая царю Иосифу. (Судя по ответу Иосифа Хасдаю, передано оно было третьим лицом, неким Исааком бен Елиезером.)

Итак, изложив во всех подробностях историю написания своего письма и попыток его отправить, Хасдай задает ряд прямых вопросов, отражающих его жадный интерес к сведениям обо всем, что касается Хазарии, начиная с ее географии и кончая соблюдением Субботы. Заключительный пассаж письма Хасдая звучит уже совсем не так, как начало:

«Испытующий сердца и исследующий помыслы знает, что я сделал это не ради славы, а чтобы [только] разыскать и узнать истину, [а именно] существует ли [где-либо] место, где имеется светоч и царство у израильской диаспоры, и где не господствуют над ними и не управляют ими. Если бы я узнал, что то, что я слышал, верно, я бы пренебрег своим почетом и отказался бы от своего сана, оставил бы свою семью и пустился бы странствовать по горам и холмам,

по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь, чтобы повидать его величие, его славу и высокое положение. [...] Еще одна удивительная просьба есть у меня к моему господину: чтобы он сообщил своему рабу, есть ли у нас указание касательно подсчета [времени] „конца чудес“ (т. е. времени окончательного избавления еврейского народа), которого мы ждем вот уже столько лет, переходя от пленения к пленению и от изгнания к изгнанию. Какая может быть [еще] надежда у ожидающего, чтобы сдерживаться в таком состоянии, и как я могу успокоиться [и не думать] о разрушении нашего великолепного храма, об уцелевших от меча, которые попали в огонь и воду, [не думать] о нас, которые остались в малом числе из множества, сошли с высоты славы и пребываем в изгнании и не имеем сил [слушать], когда нам говорят каждый день: „у каждого народа есть [свое] царство, а о вас не вспоминают на земле“».

Начинается письмо с прославления благоденствия евреев в Испании, но конец его дышит горечью изгнания, религиозным рвением и мессианской надеждой. Однако эти противоположные чаяния всегда, на протяжении всей истории сосуществовали в разбитом еврейском сердце. Противоречивость письма Хасдая придает ему дополнительную достоверность. Другой вопрос, насколько серьезно было его предложение поступить на службу к хазарскому царю. На этот вопрос у нас нет ответа. Возможно, не было его и у самого Хасдая.

5

Ответ царя Иосифа не так искусен и трогателен, как письмо Хасдая. И неудивительно: как замечает П. Кассель, «ученость и культура царили не среди иудеев на Волге, а на реках Испании». Квинтэссенция «Ответа» — уже изложенная выше история обращения. Иосиф, несомненно, тоже прибег к помощи писца, возможно, грамотного беглеца из Византии. И все же «Ответ» звучит ветхозаветно, тогда как Хасдай предстает, скорее, блестящим государственным деятелем образца десятого столетия.

«Ответ» начинается с громких приветствий, повтора содержания письма Хасдая и гордого утверждения, что Хазарское царство есть опровержение лжи, будто «скипетр Иуды навеки выпал из еврейских рук» и «что нет больше в мире места для их собственного царства». Далее следует не совсем понятное замечание насчет того, что «давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма с счастливыми пожеланиями. Это было сохранено в наших книгах, известно всем старейшинам нашей страны на всем востоке, как ты и упоминаешь»*.

* Это может быть ссылкой на еврейского путешественника IX в. Эльдада га Дани, чьи фантастические рассказы, популярные в Средние века, включают упоминания Хазарии, населенной, по словам сочинителя, тремя потерянными коленами Израилевыми и собирающей дань с 28 соседних царств. Эльдад побывал в Испании примерно в 880 г., а вопрос о том, посещал ли он Хазарию, остается открытым. Хасдай мельком упоминает о нем в своем письме Иосифу, словно спрашивая, как с ним быть.

Далее Иосиф излагает генеалогию своего народа. Даже будучи ярким еврейским патриотом, гордым тем, что держит «скипетр Иуды», он не может утверждать и не утверждает, что властвует над людьми семитского происхождения. Он прослеживает их предков не до Сима, а до третьего сына Ноя, Яфета, точнее, до внука Яфета Тогармы, предка всех тюркских племен. «Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый — Агийор, [затем] Тирас, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-на, Хазар, З-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы приходим от сыновей Хазара; это седьмой [из сыновей]».

Не очень понятно, что означают некоторые из этих названий племен, записанные еврейскими буквами, но это несущественно; самое характерное в этом упражнении по генеалогии — смешение Книги Бытия с тюркской племенной традицией*.

Покончив с генеалогией, Иосиф кратко упоминает военные захваты своих предков, дошедших с мечом до Дуная; далее следует пространный рассказ об обращении Булана. «С этого самого дня и впредь, — продолжает Иосиф, — помогал ему всемогущий Бог и укрепил его силу. Он сам и его рабы совершили над собою обрезание, и [затем] он послал [посланцев] и доставил [к себе] некоторых из мудрецов израильских, и те объяснили ему Закон [Моисея] и изложили ему в порядке все заповеди». После оче-

* Это также проливает свет на частое отождествление хазар с «народом Магога», а Магогом, согласно Книге Бытия, X. 2–3, звали оклеветанного дядю Тогармы.

редных хвастливых заявлений о военных победах, покоренных народах и т.д. идет немаловажный текст:

«После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обадыя. Он был человек праведный и справедливый. Он обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома учения (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дал им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги [Священного Писания], Мишну, Талмуд и весь порядок молитв».

Получается, что примерно через два поколения после Булана имело место религиозное возрождение или реформация (возможно, сопровождавшаяся государственным переворотом, как предполагает М. И. Артамонов). Действительно, иудизация хазар проходила скорее всего в несколько этапов. Мы помним об изгнании Буланом «гадателей и идолопоклонников», произошедшем еще до явления ему ангела, и о Завете «Истинного Бога» еще до того, как стало ясно, что это за Бог — еврейский, христианский или мусульманский. Весьма вероятно, что обращение царя Булана и его последователей тоже было всего лишь промежуточным шагом, что иудаизм, в который они перешли, был примитивен или рудиментарен, опирался только на Библию и не знал Талмуда, писаний раввинов и вытекающих из всего этого ритуалов. В этом отношении они походили на караимов — фундаменталистскую секту, зародившуюся

ся в VIII в. в Персии и распространившуюся по всему миру, особенно в «Новой Хазарии», то есть Крыму. Д. М. Данлоп и некоторые другие авторитетные исследователи предположили, что в промежутке между правлением Булана и Обадии (т. е. примерно между 740 и 800 гг.) в стране доминировала некая форма караимского иудаизма и что ортодоксальный «раввинский» иудаизм был внедрен только в ходе религиозной реформы Обадии. Это важное обстоятельство, так как караимская вера скорее всего просуществовала в Хазарии до самого конца последней, а деревни тюркоязычных евреев-караимов, безусловно, хазарского происхождения, сохранились до наших дней (см. ниже, глава V, 4).

Итак, иудаизация хазар представляла собой постепенный процесс, который, начавшись по политической необходимости, медленно завладел их сознанием и в конце концов, в период заката, вызвал к жизни мессианство. Их религиозные убеждения пережили крушение государства и сохранились, как мы дальше увидим, в хазарско-еврейских местечках России и Польши.

6

Обмолвившись о религиозных реформах Обадии, Иосиф приводит список его наследников:

«После него воцарился его сын Езекия, после него его сын Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обадьи, его сын Исаак, его сын Завулон, его сын

Манассия, его сын Нисси, его сын Менахем, его сын Вениамин, его сын Аарон и я, Иосиф, сын упомянутого Аарона. Все мы — царь, сын царя. Чужой не сидит на престоле наших предков, но [только] сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков».

Далее Иосиф пытается ответить на вопрос Хасдая о размерах и топографии его страны. Однако при дворе у него не нашлось, видимо, осведомленного человека, равного арабским географам по знаниям, так что его туманные замечания о других странах и народах мало что добавляют к тому, что мы знаем от Ибн Хаукаля, ал-Масуди и из других арабских и персидских источников. Он утверждает, будто собирает дань с тридцати семи народов, что выглядит преувеличением; Д. М. Данлоп предполагает, правда, что девять из них — племена, жившие в самом сердце Хазарии, а остальные двадцать восемь хорошо согласуются с упоминаемыми Ибн Фадланом двадцатью пятью женами, каждая из которых была дочерью вассального царя (а также согласуются с сомнительными рассказами Эльдада га Дани). Следует также иметь в виду большое количество славянских племен, обитавших в верхних притоках Днепра, которые, как мы увидим, действительно платили дань хазарам.

Как бы то ни было, в письме Иосифа нет упоминания о царском гареме: в нем говорится только об одной царице и ее «служанках и евнухах». Все они жили в одном из трех районов, составлявших Итиль,

столицу Иосифа. «Живут в нем иудеи, исмаильтяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями*. (Он невелик и занимает в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между стенами его тянется [в ту и другую сторону] река.) Мы живем всю зиму в городе, а в месяце Нисане выходим из города и идем каждый к своему полю и саду и к своей [полевой] работе. Каждый из [наших] родов имеет еще известное [наследственное] владение, [полученное им] от своих предков. Они отправляются [туда] и располагаются в его пределах в радости и с песнями; никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных случайностей. (А я, мои князья и слуги, отправляемся и идем на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-р-шан (?), и оттуда идем вокруг [нашей страны], пока не приходим к концу [нашего] города. Таковы размеры нашей страны и место нашего отдыха.) Страна [наша] не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть [также] в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много вся-

* Разделение Итиля на три части упоминается, как мы уже знаем, и в некоторых арабских источниках.

ких фруктовых деревьев. [...] С помощью всемогущего я живу спокойно».

Следующий отрывок посвящен срокам «конца чудес»:

«Наши глаза устремлены к Господу, нашему Богу, и к мудрецам израильским, к академии, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии. Мы далеки от Сиона, но до нас дошел слух, что по множеству наших грехов спутались подсчеты, так что мы ничего не знаем. Но да будет угодно Богу сделать [это] ради своего великолепного имени; да не будет ничтожно в его глазах разрушение его храма, упразднение служения ему [в нем] и все беды, которые нас постигли, и да осуществит он в отношении нас слова [Писания]: и вдруг войдет в храм свой. У нас же в руках только пророчество Даниила. Да ускорит Бог, Бог Израиля, спасение и да соберет наших изгнанников и наших рассеяных [единоплеменников], при жизни нашей и твоей».

Последний абзац в письме Иосифа — это ответ на прозрачное предложение Хасдая поступить на службу к царю хазар:

«Ты упомянул [также] в своем письме, что желаешь видеть меня. И я очень стремлюсь и хочу видеть твое приятное [для меня] лицо, твою [всеми] почитаемую мудрость и твое величие. О, если бы случилось [так], как ты говоришь, и я удостоился бы иметь общение с тобой и видеть твое почтенное и вожденное лицо. Ты был бы для меня отцом, а я был бы

тебе сыном, твоим устам повиновался бы весь мой народ и согласно твоему слову и правильному решению я бы [сам] выходил и входил (т. е. действовал, распоряжался)».

Есть в письме Иосифа место, где говорится о текущей политике, но в туманных выражениях:

«Я живу у входа в реку [Итиль — Волгу] и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним [т.е. в земли арабов на побережье Каспия]. <Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну.> Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил [в покое], они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада».

Здесь Иосиф изображает себя защитником Багдадского халифата от набегов скандинавов-русов (см. гл. III). Это может показаться бестактностью, если вспомнить о вражде между омейядским Кордовским халифатом, которому служит Хасдай, и аббасидским Багдадским халифатом. С другой стороны, причуды византийской политики по отношению к Хазарии диктовали Иосифу необходимость выступать в роли защитника ислама, невзирая на распри двух халифатов. Во всяком случае, он мог надеяться, что Хасдай, изощренный дипломат, поймет его намек.

Встреча между корреспондентами этой переписки — если даже они серьезно относились к ее возможности — так и не состоялась. Больше ни одного их

письма — если таковые посылались — не сохранилось. Факты, содержащиеся в «Хазарской переписке», немногочисленны и мало что добавляют к тому, что нам известно из других источников. Но очаровывают причудливые фрагментарные картины, встающие перед мысленным взором при чтении, образы, словно выхватываемые прожектором из густого тумана, окутывающего глубокую старину.

7

Среди других еврейских источников выделяется «кембриджский документ» (названный по его теперешнему местонахождению — библиотеке Кембриджского университета). Обнаружен он был в конце XIX в. вместе с другими бесценными документами в Каирской генизе — хранилище древней синагоги — ученым из Кембриджа Соломоном Шехтером. Документ очень плохо сохранился: это письмо (или копия письма) примерно в сто строк на древнееврейском языке; начало и конец отсутствуют, так что невозможно понять, кто его написал и кому. Каган Иосиф упоминается в нем как современник и величается «моим господином», Хазария фигурирует как «моя страна», так что появляется повод предположить, что письмо написано хазарским евреем — придворным кагана Иосифа при жизни последнего, то есть практически в то самое время, когда велась «Хазарская переписка». Некоторые авторитетные исследователи предполагают даже, что оно адресовалось

Хасдаю ибн Шафруту и было передано в Константинополе неудачливому посланцу Хасдая Исааку бар Натану, который вернулся с ним в Кордову (в Каир оно попало после изгнания евреев из Испании). В любом случае, в самом документе содержатся доказательства того, что он был создан не позднее XI в., а скорее всего еще при жизни Иосифа, в X в.

В нем приводится очередная легенда об обращении, но главное его значение политическое. Автор говорит о нападении на Хазарию алан, подстрекаемых византийцами, при отце Иосифа, Аароне Благословенном. Ни один греческий либо арабский источник эту кампанию, кажется, не упоминает. Правда, в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанном в 947–950 гг., есть примечательное место, придающее достоверность сообщению неизвестного автора письма:

«О Хазарии, как нужно и чьими силами воевать [с ними]. [Знай], что узы (гуззы) способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как и правитель Алании. [Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии».

Если судить по «Письму Иосифа», князь алан платил ему дань. Не важно, соответствовало это ре-

альности или нет, но отношение князя алан к кагану, вероятно, было таким же неприязненным, как и у царя болгар. Пассаж из сочинения Константина, раскрывающий механизмы внешней политики византийцев, когда с помощью алан можно было причинить ущерб хазарам, иронически перекликается с целями миссии Ибн Фадлана, имевшего ту же самую задачу. Видимо, во времена Иосифа византийско-хазарское сближение осталось в далеком прошлом. Но речь об этом впереди, в главе III.

8

Спустя примерно столетие после «Хазарской переписки» и предполагаемого времени составления «кембриджского документа» Иегуда Галеви написал свою знаменитую некогда книгу «Хазары». Галеви (1085–1141) считается величайшим еврейским поэтом Испании; книга его была тем не менее написана по-арабски и лишь позднее переведена на древнееврейский; она имеет подзаголовок: «Книга аргументов и доказательств в защиту презираемой веры».

Галеви был еврейским патриотом и умер во время паломничества в Иерусалим; «Хазары», написанные им за год до смерти, — это философский трактат, главная мысль которого в том, что еврейский народ выступает единственным посредником между Богом и остальным человечеством. В конце истории все народы будут обращены в иудаизм; обраще-

ние хазар он расценивает как символ или знамение этого predeterminedного итога.

Несмотря на название, в трактате мало говорится о самой стране хазар, которая служит лишь фоном для очередной легенды об обращении с участием царя, ангела, еврейского мудреца и др. и для философски-теологических диалогов царя с представителями трех религий.

Тем не менее несколько фактических ссылок свидетельствуют о том, что Галеви либо читал переписку Хасдая и Иосифа, либо располагал иными источниками информации о Хазарии. Так, там сообщается, что после явления ангела царь хазар «открыл тайну сна полководцу своей армии»; «полководец» этот присутствует на сцене и дальше, что служит еще одним свидетельством разделения ролей между каганом и беком. Галеви упоминает также «истории» и «книги хазар», в связи с чем на память приходят «наши книги» из «Ответа Иосифа», в которых содержались государственные документы. Наконец, в двух местах своей книги Галеви говорит о времени обращения: «400 лет назад» и «в 4500 году» (по еврейскому летоисчислению). То и другое указывает на 740 г. как наиболее вероятный. Но все это, конечно, очень бедный фактический улов из книги, пользовавшейся огромной популярностью у евреев в Средние века. С другой стороны, человека Средневековья занимали не столько факты, сколько предания, а евреев больше интересовали сроки пришествия Мес-

сии, нежели географические сведения. Арабские географы и хронисты зачастую также преувеличивали расстояния, пользовались мифической хронологией и легко сдвигали границу между фактами и вымыслом.

То же самое приходится сказать об известном еврейском путешественнике раввине Петахии из немецкого города Регенсбурга, побывавшем в 1170–1185 гг. в Восточной Европе и Западной Азии. Описание его путешествия «Сивув га-олам» («Кругосветное путешествие») было составлено кем-то из учеников на основе его записей или под диктовку. Там говорится об изумлении праведного рабби, наблюдавшего нехитрые обычаи хазар-иудеев к северу от Крыма, которые он объяснял их приверженностью каримской ереси:

«⟨Настоящих евреев нет в земле кедров [т. е. кочевников], а живут там только *миним* [еретики]⟩. Когда раби Петахия спросил их, почему они не веруют словам и преданиям мудрецов, они отвечали: „Потому что этому предки нас не учили“. Накануне субботы, они нарезают весь хлеб, который едят в субботу; едят его впотьмах и сидят весь день на одном месте. Молитва их в этот день состоит только из чтения псалмов, (и когда раби Петахия прочел им наши молитвы и молитву после еды, установленные Талмудом, то это им очень понравилось; причем они сказали, что отроду не слышали и не знают, что такое Талмуд)» (12; III; 201f).

Раввин был так рассержен, что когда прошел землю хазарскую, на что у него ушло восемь дней, он, рассказывая об этом, обмолвился лишь о печальных песнях женщин, оплакивающих умерших некогда родителей, и вое собак, вторящем им (37; 220).

Тем не менее он говорит, что видел в Багдаде посланцев Хазарского царства, искавших бедствующих ученых мужей из Месопотамии и даже из Египта, чтобы те «обучили их детей Торе и Талмуду».

Немногочисленные еврейские путешественники с Запада, отваживавшиеся на опасное путешествие на Волгу, сообщали о встречах с иудеями-хазарами во всех главных центрах цивилизованного мира. Раввин Петахия встречал их в Багдаде, Вениамин Тудельский, другой знаменитый путешественник XII в., видел знатных хазар в Константинополе и Александрии; Ибрагим бен Джауд, современник Иегуды Галеви, сообщает, что видел в Толедо «некоторых их потомков, изучавших премудрость» (12; III; 203). По традиции их считают хазарскими принцами — невольно вспоминаются индийские князья, заканчивавшие Кембридж...

Тем не менее отношение к хазарам лидеров ортодоксального еврейства на Востоке, сосредоточенных в талмудической академии Багдада, отмечено заметной двойственностью. «Гаон» («превосходительство» по-еврейски), возглавлявший академию, был духовным предводителем еврейских общин, разбросанных по всему Ближнему и Среднему Востоку, тогда как

«Экзиларх», или «глава изгнания», олицетворял мирскую власть над этими относительно автономными сообществами. Гаон Саадия (882–942), самый известный среди духовных «превосходительств», оставивший огромное письменное наследие, неоднократно упоминал хазар. Так, он говорит об одном месопотамском еврее, отправившемся в Хазарию на поселение, словно такое случалось чуть ли не ежедневно. Он же туманно пишет о хазарском дворе, а в другом месте объясняет, что в библейском выражении «Хирам из Тира» Хирам — не имя собственное, а царский титул, «подобно правителю-халифу у арабов и царю-кагану у хазар».

Итак, Хазария пользовалась известностью и в прямом, и в метафорическом смысле среди вождей религиозной иерархии восточного еврейства; но в то же время на хазар поглядывали с опаской — по этническим причинам, а также из-за того, что подозревали их в склонности к караимской ереси. Еврейский автор XI в. Яфет ибн Али, сам караим, объясняет слово «мамзер» («побочный ребенок»), приводя в пример хазар, ставших иудеями, но не принадлежавших к еврейскому народу. Его современник, Якоб бен Рубен, выражает противоположное настроение, говоря о хазарах как о «единственном народе, не влащущем ярмо изгнания, великих воинах, не платящих дани неевреям».

Обобщая дошедшие до нас еврейские источники о хазарах, чувствуешь, что их современники испытывали смешанные чувства: восхищение, скепсис и,

главное, недоумение. Воинственные тюрки-иудеи казались, наверное, раввинам невидалью, вроде единорога, подвергнутого обрезанию. За тысячу лет рассеяния евреи забыли, что значит иметь царя и страну; Мессия был для них реальнее кагана.

В качестве постскриптума к арабским и еврейским источникам, относящимся к Обращению, следует отметить, что всем им предшествует один христианский источник. Точно неизвестно, но, видимо, до 864 г. вестфальский монах Христиан Друтмар из Аквитании написал на латыни трактат «Пояснения к Евангелию от Матфея», в котором обмолвился, что «под небом, там, где не найти ни одного христианина, существует народ, именуемый Гог и Магог, и народ этот гунны; одно из его племен, под именем газары, обрезано и исповедует во всей его полноте иудаизм». Это — примечание к словам из Евангелия от Матфея*, как будто не имеющее к нему ни малейшего отношения; более эта тема в трактате не поднимается.

9

Примерно тогда же, когда Друтмар записал то, то что знал понаслышке об иудеях-хазарах, один знаменитый христианский миссионер пытался по поручению византийского императора обратить их в христианство. Это был сам святой Кирилл, «апос-

* 24 Матф. 14: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец».

тол славян», которому приписывают изобретение славянского алфавита — кириллицы. Ему и его старшему брату святому Мефодию император Михаил III доверил по совету патриарха Фотия (видимо, человека хазарского происхождения, ибо известно, что однажды император обозвал его в гневе «хазарской мордой») эту и другие прозелитские миссии.

Миссионерские усилия Кирилла, увенчавшиеся успехом среди славянских народов Восточной Европы, у хазар пропали даром. Он достиг их земель через крымский Херсон, где, как считается, провел полгода, изучая еврейский язык, готовясь к миссии; затем добрался «хазарским путем» — через волок между Доном и Волгой — до Итиля, а оттуда отправился по берегу Каспийского моря (точно не говорится, куда именно) на встречу с каганом. Последовали обычные теологические диспуты, мало подействовавшие на хазарских иудеев. Даже льстивое «Житие Константина» (в крещении Кирилла) признает всего лишь, что Кирилл произвел на кагана хорошее впечатление, добился крещения нескольких человек и освобождения двухсот пленных христиан, отпущенных каганом в качестве жеста доброй воли. Это было наименьшее, что тот мог сделать для императорского посланца, добравшегося до него с такими трудами.

Дополнительный свет проливают на эти события знатоки славянской филологии. Традиция приписывает Кириллу изобретение не только кириллицы, но

и глаголического алфавита, который, по утверждению С. В. Барона, «использовался до XVII в. в Хорватии. Из еврейского алфавита он заимствовал не менее одиннадцати букв, отчасти представляющих славянские звуки, что давно признано» (это буквы А Б В Г Е К П Р С Ш Т). Так получает еще одно подтверждение гипотеза о влиянии еврейского алфавита на распространение грамотности среди соседей хазар.

III УПАДОК

1

Как пишет Д. Синор, «во второй половине VIII в. хазарская империя достигла зенита славы» (110). Речь идет о промежутке времени между обращением Булана в иудаизм и религиозной реформой Обадии. Из этого не следует, что хазары были обязаны своим успехом иудейской религии. Дело обстояло, скорее, наоборот: они могли позволить себе стать иудеями, потому что были сильны в экономическом и в военном отношении.

Живым символом их могущества был император Лев Хазар, правивший в Византии в 775–780 гг., прозванный так по матери, хазарской принцессе Чичак, создательнице новой придворной моды. Как мы помним, ее замужество состоялось вскоре после крупной победы хазар над мусульманами в битве при

Ардебиле, упомянутой в письме Иосифа и в других источниках. Как замечает Д. М. Данлоп, «эти два события, скорее всего, не связаны одно с другим» (37; 177).

Однако в обстановке шпионажа и интриг, свойственных тому периоду, династические браки и помолвки могли быть опасными. Они то и дело становились причинами или предлогами для войн. Начало этой тенденции положил еще Аттила, прежний владыка хазар. По преданию, в 450 г. Аттила получил послание, а также обручальное кольцо от Гонории, сестры западно-римского императора Валентиниана III. Сия романтическая и одновременно властолюбивая особа умоляла вождя гуннов спасти ее от судьбы, лучше которой даже смерть, — насильственного брака с престарелым сенатором — и в подтверждение мольбы прислала кольцо. Аттила не замедлил объявить ее своей невестой и потребовать в качестве приданого половину Империи; Валентиниан отказался, и тогда Аттила вторгся в Галлию.

В хазарской истории отмечено несколько вариаций этой абсолютно типичной истории. Мы помним, как разгневан был царь булгар насильственным увозом его дочери и что именно этот инцидент вынудил его обратиться к халифу с просьбой построить ему крепость — форпост для противостояния хазарам. Если верить арабским источникам, похожие инциденты (хоть и с другими подробностями) привели в

конце VIII в., после продолжительного периода мира, к новым хазарско-мусульманским войнам.

Ат-Табари пишет, что в 798 г.* халиф приказал наместнику Армении укрепить границу с хазарами женитьбой на дочери кагана. Наместник этот происходил из могущественного рода Бармесидов (в памяти возникает принц из «Тысячи и одной ночи», пригласивший нищего на пир, где на столе красовались одни богатые крышки, а под ними было пусто...). Бармесид согласился, и к нему доставили хазарскую принцессу вместе со свитой и роскошной кавалькадой (см. I, 10). Однако она умерла при родах, новорожденный тоже не выжил; ее придворные, вернувшись в Хазарию, нашептали кагану, что ее отравили. Каган тут же вторгся в Армению и захватил (согласно двум арабским источникам) 50 тысяч пленных (37; 181). Халифу пришлось выпустить из тюрем тысячи преступников и вооружить их, чтобы противостоять хазарскому нападению.

В арабских источниках можно прочесть по крайней мере еще об одном случае неудавшегося династического брака, за которым последовало вторжение хазар; вдобавок «Грузинская хроника» рассказывает мрачную историю, тоже достойную того, чтобы фигурировать в этом списке: о принцессе из царского рода, избежавшей яда, но все равно покончившей с собой, чтобы не оказаться на ложе у кагана. Подробности и даты здесь, как всегда, сомнительны ([80; 5; 416][37; 42 прим.][21; 408]), как и истинные при-

* Дата, возможно, неточная.

чины военных кампаний. Однако настойчивое повторение в хрониках сюжета о принцессах в роли обменного товара и отравленных царицах свидетельствует, что эта тема сильно повлияла как на народное воображение, так и на политические события.

2

С начала IX в. о хазарско-арабских войнах больше ничего не было слышно. Видимо, несколько десятилетий хазары наслаждались миром — во всяком случае, хроники о них почти не упоминают, а в истории отсутствие новостей — очень отрадная новость. На южных границах страны установился мир, отношения с халифатом регулировались негласным пактом о ненападении, не говоря об отношениях с Византией — определенно дружественных.

Тем не менее, в середине этого относительно идиллического периода произошел зловеющий эпизод, ставший предзнаменованием новых опасностей. Примерно в 833 г. хазарский каган и бек направили к императору Восточной Римской империи Феофилу посольство с просьбой прислать опытных архитекторов и мастеров для строительства крепости в излучине Дона. Император с готовностью откликнулся на просьбу и направил в Черное море флот, который, миновав Азовское море, достиг устья Дона и той стратегической точки, где предстояло вырасти крепости. Так родился Саркел — знаменитая крепость и район бесценных археологических находок, дав-

ших ключи к хазарской истории (пока место раскопок не затопило Цимлянское водохранилище, связанное с каналом Волга-Дон). Константин Багрянородный, подробно описывающий это событие, указывает, что в тех местах не было камня, поэтому Саркел возвели из кирпича, обожженного в специально построенных печах. Он обходит молчанием тот любопытный факт (открытый советскими археологами, когда участок еще оставался доступным для раскопок), что в распоряжении строителей были также мраморные колонны византийского происхождения (датированные VI в.) и извлеченные, наверное, из каких-то византийских развалин. Показательный пример имперской бережливости! (13; 27 и далее)

Потенциальным противником, для отражения которого византийцы и хазары возводили свою внушительную крепость, были могущественные и внушающие страх новые фигуры на мировой сцене, которых на Западе звали викингами или скандинавами, а на Востоке — росами или русами.

За два века до этого воинственные арабы взяли цивилизованный мир в гигантские клещи: левый фланг армады устремился через Пиренеи, правый через Кавказ. Теперь, в век викингов, история сотворила нечто вроде зеркального отражения давних процессов. Взрыв, двинувший мусульман в завоевательные походы, произошел на крайнем юге известного тогда мира, в Аравийской пустыне. В набег устремились викинги с крайнего Севера, из Скандина-

вии. Арабы продвигались на север по суше, скандинавы плыли на юг по морям и рекам. Арабы вели, по крайней мере так они полагали, Священную войну, а викинги занимались заурядным пиратством и грабежом; однако, с точки зрения жертв одних и других, результаты оказались примерно одинаковыми. Ни в том, ни в другом случае историкам никак не удастся предоставить убедительные объяснения экономических, экологических или идеологических причин, буквально в мгновение ока превративших спокойные на первый взгляд регионы — Аравию и Скандинавию — в вулканы бьющей через край жизненной энергии и бесстрашия. Силы обоих извержений хватило всего на два века, однако этого оказалось достаточно, чтобы навсегда оставить след в судьбах мира. Оба потока эволюционировали за отведенные им судьбой двухвековые отрезки от варварства и тяги все крушить к замечательным достижениям культуры.

Примерно в то самое время, когда хазары и византийцы совместно строили Саркел, предвидя нападение викингов на востоке, западная ветвь последних уже освоила все главные водные пути Европы и завоевала половину Ирландии. За следующие десятилетия они завершили колонизацию Ирландии, захватили Нормандию, успели несколько раз разграбить Париж, нападали на Германию, дельту Роны, появлялись в Генуэзском заливе, обогнули Иберийский полуостров и атаковали Константинополь со Средиземного моря и через Дарданеллы — одно-

временно с нападением русов, спустившихся по Днепру и пересекших Черное море. Как писал А. Дж. Тойнби, «в IX в., когда росы посягнули на хазар и на Восточно-Римскую империю, скандинавы промышляли нападениями, захватами и колонизацией по широкой дуге, концы которой упирались на юго-западе... в Северную Америку, а на юго-востоке в... Каспийское море» (114; 547).

Неудивительно, что в литаниях Запада появилась особая молитва: *A fugate Normannorum libera nos Domine* («Избави нас, Боже, от злодеев-норманнов»). Неудивительно также, что Константинополю понадобились союзники-хазары в роли щита, защищающего от драконов, вырезанных на носках кораблей викингов, подобно тому, как они же понадобились двумя веками ранее, чтобы отразить нашествие войск под зелеными знаменами Пророка. Теперь, как и тогда, хазары были обречены принять на себя острие атаки и увидеть разрушение своей столицы.

Не только Византия имела основания испытывать благодарность к хазарам, не позволявшим флотилиям викингов спускаться с севера по великим водным путям. Теперь становится понятнее загадочное место в письме Иосифа Хасдаю, написанном веком позже: «Я живу у входа в реку [Итиль — Волгу] и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним [т. е. в земли арабов на побережье Каспия]. (Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну). Я веду с ними упорную войну».

3

Ту ветвь викингов, которых византийцы окрестили «росами», арабские хронисты называли «варягами». Наиболее вероятное происхождение слова «рос», по А. Дж. Тойнби, — «от шведского слова «rödher», что означает «весло; гребля» (114; 446, см. прим.). Под названием «варяги» у арабов и в древнерусской «Повести временных лет» фигурируют скандинавы; Балтийское море именовалось у них «Варяжским» ([114; 446] [21; 422 прим.]). Эта ветвь викингов происходила из восточной Швеции, тогда как Западная Европа стонала от набегов норвежцев и датчан, однако действовали все они по единому принципу. Набеги были сезонными, с опорных пунктов на стратегически расположенных островах, служивших цитаделями, складами оружия и базами снабжения для нападений на материк. Там, где условия благоприятствовали, грабительские налеты и торговля по принципу «отдай» уступали место более-менее постоянным поселениям и смешению с покоренным местным населением. Проникновение викингов в Ирландию началось с захвата острова Рехру (Ламсбэй) в Дублинском заливе; Англия была завоевана с острова Тенет; проникновение на европейский континент началось с овладения островами Волкерен (у голландского побережья) и Нуармутье (в устье Луары).

На восточном краю Европы скандинавы действовали примерно так же. Преодолев Балтийское море и Финский залив, они отправились вверх по реке

Волхов, к озеру Ильмень, где нашли подходящий остров — Холмгард исландских саг. На нем выросло их поселение, потом превратившееся в город Новгород. Оттуда они предпринимали разбойничьи экспедиции в южном направлении: по Волге к Каспийскому морю, по Днепру в Черное море.

Первый из этих маршрутов лежал через территории воинственных булгар и хазар, второй — по землям различных славянских племен, заселявших северо-западную окраину Хазарской империи и плативших дань кагану: в районе теперешнего Киева жили поляне, к югу от Москвы — вятичи, к востоку от Днепра — радимичи, на реке Десне — северяне и т. д.* Славяне, развившие более совершенные методы земледелия, были более мирными, чем их «тюркские» соседи на Волге, и, выражаясь словами Дж. Бьюри, стали «естественными жертвами» скандинавских разбойников. Недаром те предпочли Волге и Дону Днепр, невзирая на его опасные пороги. Именно Днепр стал «Великим водным путем» — «Austrvegr» («Восточный путь») скандинавских саг — из Балтийского моря в Черное, а значит, в Константинополь. Они даже дали скандинавские названия семи главным порогам, дублирующие славянские; Константин Багрянородный добросовестно приводит обе версии — например, «Варуфорос» (древнеисландское *bärufors* и «Вольный» по-славянски).

* Сведения Константина Багрянородного и автора «Повести временных лет» в вопросах названий этих племен, территорий их расселения и подчинения хазарам в основном совпадают.

Варяги-русы были, видимо, наделены сочетанием качеств, уникальным для всех викингов: пираты и грабители, они были одновременно образцовыми торговцами, хоть и вели торговлю только по собственным правилам, насаждая их мечом и боевым топором. В меновой торговле меняли меха, мечи и янтарь на золото, однако наибольший интерес для них представляли рабы. Арабский хронист той эпохи писал:

«На этом острове [Новгород] людей 100000, и они постоянно нападают на славян на своих лодках, хватают славян, превращают их в своих рабов и везут к хазарам и болгарам на продажу [вспоминается невольничий рынок в Итиле, описанный Масуди]. Землю они не обрабатывают, не сеют, а живут ограблением славян. Когда у них рождается ребенок, они кладут перед ним обнаженный меч, и отец говорит: „Нет у меня ни золота, ни серебра, ни богатства, которое я мог бы тебе передать; вот твое наследство, оно обеспечит тебе достаток“».

Современный историк С. Мак-Эвиди делает изящное обобщение:

«Деятельность викингов-варягов, развертывавшаяся от Исландии до границ Туркестана и от Константинополя до Полярного круга, отличалась невероятной активностью и дерзостью; жаль, что столько усилий было израсходовано на разбой. Герои-северяне не опускались до торговли, если им удавалось захватить желаемое силой; они предпочитали запят-

нанное кровью золото стабильному коммерческому доходу» (79; 58).

Итак, флотилии русов, устремлявшиеся на юг в летний сезон, были одновременно торговыми караванами и военными армадами; обе роли существовали неразрывно, так что никогда нельзя было определить, когда купцы превратятся в воинов. Флотилии были колоссальные. Ал-Масуди рассказывает об армаде русов, пришедшей в Каспий из Волги (в 912–913 гг.), в составе «около 500 судов, с сотней людей на каждом». Из этих 50 тысяч, по его словам, 35 тысяч погибли в бою*. Возможно, ал-Масуди преувеличивает, но несильно. Даже только начав совершать свои подвиги (примерно в 860 г.), русы пересекли Черное море и устроили блокаду Константинополя флотом примерно из 200–230 кораблей.

Учитывая непредсказуемость и легендарное вероломство этих непобедимых завоевателей, византийцы и хазары были вынуждены принимать решение, что называется, на ходу. На протяжении полутора столетий после возведения крепости с русами то вели непримиримые войны, то заключали торговые соглашения и обменивались посольствами. Очень медленно, постепенно северяне брались за ум, строили постоянные поселения, «ославянивались», смешиваясь со своими подданными и вассалами, и в итоге перешли в византийскую веру. К этому времени — концу X в. — «русы» стали называться «рус-

* См. ниже, глава IV, 1.

скими». Первые князья и знать русов еще носили скандинавские имена, хоть и «ославяненные»: Hgðrek стал Рюриком, Helgi Олегом, Helga Ольгой и т. п. Торговый договор, подписанный Византией с князем Игорем в 945 г., содержит список имен пятидесяти его спутников, из которых только три славянские, остальные скандинавские (114; 446). Однако сын Ингвара и Хельги получил славянское имя Святослав, после чего процесс ассимиляции набрал темп, варяги постепенно утратили идентичность обособленной группы, и скандинавская традиция навсегда исчезла из русской истории.

Нелегко представить себе этих странных людей, казавшихся грубыми и жестокими даже в ту варварскую эпоху. Хроники дают необъективную картину, ведь их составляли представители народов, страдавших от пришельцев с Севера; с позиций самих этих пришельцев история так и не была рассказана, потому что подъем скандинавской литературы произошел уже после эпохи викингов, когда их подвиги стали легендой. И все же в ранних произведениях нашла отражение их необузданная жажда сражений и особая ярость, охватывавшая их в таких случаях; существовало даже специальное слово для этого состояния: berserksgangr — «путь берсерка».

Их образ настолько сбивал с толку арабских хронистов, что те противоречили не только друг другу, но и каждый — сам себе, уже через несколько строк. Наш старый знакомый Ибн Фадлан испытывал непреодо-

лимое отвращение к неопрятности и непристойности русов, встреченных им на Волге, в землях булгар. Вот что он пишет о них, прежде чем перейти к хазарам:

«Они грязнейшие из творений Аллаха, — (они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они, как блуждающие ослы). [...] У них обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы самой грязной водой, какая только бывает, и самой нечистой. А это [бывает] так, что девушка является каждый день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Он же моет в ней свои руки, свое лицо и все свои волосы. И он моет их и вычесывает их гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее и не оставляет ничего из грязи, чего бы он ни сделал в эту воду. Когда же он покончит с тем, что ему нужно, девушка несет лохань к сидящему рядом с ним, и [тот] делает то же, что сделал его товарищ. И она не перестает подносить ее от одного к другому, пока не обнесет ею всех, находящихся в [этом] доме, и каждый из них сморкается, плюет и моет свое лицо и свои волосы в ней» (127; 85 и далее).

В то же время Ибн Русте пишет совсем иное: «Любят опрятность в одежде; (даже мужчины носят золотые браслеты. С рабами обращаются хорошо). Об одежде заботятся, потому что занимаются торговлей» (78; 214). Этим, правда, и ограничивается.

Ибн Фадлан возмущается тем, что русы, включая их царя, публично совокупаются и испражня-

ются, хотя Ибн Русте и Гардизи о таких отвратительных привычках не ведают. Впрочем, их впечатления не менее сомнительны и непоследовательны.

Вот что пишет Ибн Русте: «Гостям оказывают почет и обращаются хорошо с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, помогают последнему и защищают его» (78; 214).

Однако чуть ниже он рисует совсем другую картину, иллюстрирующую нравы русов: «Никто из них не испражняется наедине: трое из товарищей сопровождают его непременно и оберегают. Все постоянно носят при себе мечи, потому что мало доверяют они друг другу и потому что коварство между ними дело обыкновенное: если кому удастся приобрести хотя бы малое имущество, то уже родной брат или товарищ тотчас же начинает завидовать и домогаться, как бы убить его и ограбить» (78; 215).

Что же касается их воинских достоинств, то все источники единодушно утверждают: «Русы — мужественны и смелы. Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего. Женщинами побежденных пользуются сами, а мужчин обращают в рабство. Ростом они высоки, красивы собою и смелы в нападениях. (Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях)» (78; 214–215).

4

Теперь та же угроза нависла и над хазарами.

Саркел был выстроен вовремя: благодаря этой крепости они могли наблюдать за передвижениями флотилий русов в излучине Дона и по волго-донскому волоку («хазарскому пути»). В целом создается впечатление, что в первое столетие присутствия русов на исторической сцене (примерно 830–930 гг.) их грабительские походы были направлены, в основном, против Византии (где была надежда захватить добычу побогаче), тогда как отношения с хазарами были, главным образом, торговыми, хоть и не без трений и постоянных стычек. Так или иначе, хазарам удавалось контролировать торговые пути и взимать десятую часть со всех товаров, проходивших через их страну в сторону Византии или мусульманских стран.

При этом они оказывали на скандинавов определенное культурное влияние, поскольку те, при всей необузданности, выказывали искреннюю готовность учиться у народа, с которым контактировали. О степени этого влияния говорит, например, заимствование титула «каган» первыми русами — правителями Новгорода. Это подтверждают и византийские, и арабские источники; так, Ибн Русте, описав остров, на котором построили Новгород, указывает: «Есть у них царь, именуемый каган-рус». Более того, Ибн Фадлан сообщает, что у царя русов есть заместитель, который командует войсками и замещает его у его

подданных. З. В. Тоган отмечает, что такая передача военных функций была неизвестна германским народам Севера, чьи конунги должны были быть первыми среди воинов; З. В. Тоган заключает, что русы определенно заимствовали хазарскую систему двойного правления. Это не так уж невероятно, если учитывать, что хазары были наиболее процветающим и культурным народом из всех, с которыми у русов имелся территориальный контакт на ранней стадии их завоеваний. Причем контакт, видимо, очень тесный, ибо в Итиле выросла целая колония купцов-русов, а в Киеве поселилось много евреев-хазар.

Увы, по прошествии тысячи с лишним лет после рассматриваемых событий советский режим сделал максимум усилий для того, чтобы искоренить память об исторической роли хазар и их культурном наследии. 12 января 1952 г. лондонская «Таймс» опубликовала заметку под заголовком: «Умаление древнерусской культуры. Отповедь советскому историку». Речь шла о критике газетой «Правда» советского историка, преуменьшившего достижения древнерусской культуры. Историком этим был профессор М. И. Артамонов, повторивший на заседании Отделения истории и философии Академии наук СССР теорию, изложенную им в книге 1937 г.: будто древний Киев многим обязан хазарам. Он изобразил их передовыми людьми, ставшими жертвами агрессивных устремлений русских.

«Проф. Артамонов, не считаясь с фактами, снова представил хазар жертвой „агрессивных“ устремлений русских. Касаясь восточного похода Святослава, М. И. Артамонов заявил, что Саркел „следует рассматривать как один из важнейших форпостов русской политической и культурной экспансии (?!) на Восток“. Все эти рассуждения, — писала „Правда“, — не имеют ничего общего с историческими фактами [...]. Хазарский каганат, представлявший собой примитивное объединение различных племен, не играл никакой положительной роли в создании государственности восточных славян. К тому же государственные образования у восточных славян, как повествуют древние источники, возникли задолго до известий о хазарах [...]. Что касается Хазарского каганата, то он не только не способствовал развитию древнего русского государства, а, наоборот, тормозил процесс объединения восточнославянских племен и рост русской государственности. Хазары совершали на славян опустошительные набеги и держали в порабощении некоторые из этих оседлых племен с широко развитыми земледелием и ремеслами. [...]. Извращая историю древней Руси, проф. Артамонов пытается приспособить историю к своей надуманной схеме. Во имя этой ложной схемы он превозносит хазарское „наследство“, проявляет непонятное любование хазарской культурой. [...] Материалы, полученные нашими археологами, говорят о высоком уровне культуры древней Руси. Только попи-

рая историческую правду, пренебрегая фактами, можно говорить о превосходстве культуры хазар, от которой не сохранилось ни одного значительного памятника. Даже городская культура хазарской столицы была завозной или созданной руками пришлых мастеров — хорезмских, византийских, русских и других. В идеализации Хазарского каганата приходится видеть явный пережиток порочных взглядов буржуазных историков, принижавших самобытное развитие русского народа. Ошибочность этой концепции очевидна. Такая концепция не может быть принята советской исторической наукой».

М. И. Артамонов, которого я часто цитирую, опубликовал в 1937 г., помимо многочисленных статей в научных журналах, первую книгу о ранней истории хазар. Его главный труд, «История хазар», видимо, готовился к изданию, когда «Правда» нанесла свой удар. В итоге книга была напечатана только спустя десять лет, в 1962 г., причем заканчивалась она покаянием, практически перечеркивающим все, что говорилось в самой книге, то есть, по существу, дело всей жизни автора. Вот наиболее выразительные отрывки:

«Хазарское царство распалось и развалилось на куски, большая часть которых слилась с родственными народами, а меньшинство, засевшее в Итиле, утратило национальную принадлежность и превратилось в паразитический класс с иудейской окраской.

Русские никогда не отворачивались от культурных достижений Востока... Но у итильских хазар рус-

ские ничего не переняли. Так же, кстати, воспринимали воинствующий хазарский иудаизм другие народы: венгры, болгары, печенеги, аланы и половцы... Необходимость борьбы с эксплуататорами из Итиля способствовала объединению гуззов и славян вокруг киевского Золотого трона, а это объединение, в свою очередь, создало возможность и перспективу для бурного роста не только русской государственности, но и древнерусской культуры. Эта культура всегда была оригинальной и никогда не зависела от хазарского влияния. Те незначительные восточные элементы в культуре русов, которые были заимствованы у хазар и которые обычно подразумеваются, когда поднимается проблема культурных связей между русами и хазарами, не проникли в сердцевину русской культуры, а остались поверхностными, просуществовали недолго и мало значили. Они совершенно не позволяют говорить о „хазарском“ периоде в истории русской культуры».

Так диктат партийной линии завершил процесс уничтожения, начатый затоплением руин Саркела.

5

Активный торговый и культурный обмен не мешал русам постепенно вгрызаться в Хазарскую империю, отбирая у нее славянских подданных и вассалов. Согласно «Повести временных лет», к 859 г., то есть лет через двадцать пять после постройки Саркела, дань от славянских народов была поделена меж-

ду хазарами и варягами. Варяги собирали дань с чуди, кривичей и других северных славянских племен, тогда как за хазарами осталась дань вятичей, северян и, главное, полян из центрального региона, где располагается Киев. Но так продолжалось недолго. Спустя три года, если доверять датировке в «Повести временных лет», ключевой днепровский город Киев, ранее находившийся под хазарским сюзеренитетом, перешел к русам.

Как впоследствии выяснилось, то было решающее событие русской истории, хоть и произошло оно без вооруженной борьбы. Согласно «Повести временных лет», в Новгороде в то время правил полуполю-легендарный князь Рюрик (Hrōrekr), властвовавший над всеми поселениями викингов, северными славянами и некоторыми финскими племенами. Двое из людей Рюрика, Аскольд и Дир, путешествуя вниз по Днепру, увидели укрепление на возвышенности, и увиденное им понравилось; им объяснили, что это город Киев, «платящий дань хазарам». «Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде». Лет через двадцать родич Рюрика Олег выступил в поход и, придя к Киеву, казнил Аскольда и Диру, а сам сел на киевское княжение.

Вскоре Киев превзошел по своему значению Новгород: он стал варяжской столицей и «матерью городов русских»; княжество с этим названием стало колыбелью первого русского государства.

В Письме Иосифа, написанном примерно через сто лет после занятия Киева русами, он больше не упоминается в числе хазарских владений. Однако влиятельные хазарско-иудейские общины выжили и в Киеве, и во всем княжестве, а после окончательного уничтожения их родины на подмогу им прибыли многочисленные хазары-эмигранты. В русских летописях постоянно упоминаются герои из «земли жидовской»; «Хазарские ворота» в Киеве сохранили до Нового времени память о прежних владыках.

6

Мы уже подошли ко второй половине IX в. и, прежде чем продолжить рассказ о русской экспансии, должны обратить внимание на очень важные события в истории степных народов, особенно венгров. События эти происходили параллельно с усилением власти русов и непосредственно влияли на хазар, а также на этническую карту Европы.

Венгры были союзниками хазар, и союзниками добровольными, с самого зарождения Хазарской империи. «Проблема их происхождения и ранних кочевий давно озадачивает ученых», — пишет С. А. Маккартни (78; стр. I); он же называет это одной из сложнейших исторических загадок» (78; стр. V). Все, что мы знаем об их происхождении определено, — это то, что они состояли в родстве с финнами и что их язык принадлежит к так называемой финно-угорской языковой группе, вместе с языками вогулов и ос-

тяков, населяющих леса Северного Урала. Получается, что они изначально были чужими славянским и тюркским степным народам, среди которых жили, — этнический курьез, сохранившийся до наших времен. Современная Венгрия, в отличие от других малых стран, не имеет языковых связей с соседями; венгры остались этническим анклавом посреди Европы, числа в дальней родне разве что финнов.

Когда-то, в первые века христианской эры, это кочевое племя было вытеснено с прежней своей территории на Урале и мигрировало через степи на юг, чтобы остановиться в междуречье Дона и Кубани. Так они стали соседями хазар еще до того, как те приобрели значимость. Некоторое время они оставались частью федерации полукочевников, оногуров («Десяти стрел», или десяти племен; считают, что название «венгры» является славянским производным от этого слова [114; 419], [78; 176]); сами же они с незапамятных времен называли себя «мадьярами».

Примерно с середины VII до конца IX в. они, как уже говорилось, оставались подданными Хазарской империи. Примечательно, что за все это время, пока другие племена увлеченно воевали друг с другом, не было зафиксировано ни одного вооруженного конфликта между хазарами и венграми, хотя по отдельности они то и дело воевали со своими близкими и дальними соседями: волжскими булгарами, дунайскими болгарами, гуззами, печенегами и так далее, не говоря об арабах и русах. Перефразируя русские ле-

тописи и арабские источники, А. Дж. Тойнби пишет, что «все это время венгры собирали для хазар дань со славянских и угро-финских народов в черноземной зоне к северу от собственно венгерской степной территории и в лесах дальше к северу. Свидетельством использования самого слова „мадьяры“ в тот период являются сохранившиеся топографические названия в этой части северной России. Названия эти, видимо, отмечают места бывших венгерских передовых постов и гарнизонов» (114; 418). Из того, что венгры доминировали над соседями-славянами и собирали с них дань, А. Дж. Тойнби делает вывод, что «хазары использовали венгров как своих агентов, хотя венгры, несомненно, умели извлекать из этого пользу для себя» (114; 454).

Появление русов полностью взорвало эту прибыльную ситуацию. Приблизительно тогда же, когда был построен Саркел, венгры совершили бросающийся в глаза переход на западный берег Дона. Начиная с 830 г. почти весь народ переселился в район между Доном и Днепром, названный позже Леведией. Причины этой миграции активно обсуждаются историками; объяснение, предложенное А. Дж. Тойнби, — самое последнее и одновременно самое правдоподобное:

«Мы можем... заключить, что венгры занимали степь к западу от Дона с разрешения их хазарских сюзеренов... Поскольку Степная страна принадлежала прежде хазарам, а венгры были союзниками и под-

данными хазар, можно сделать вывод, что венгры поселились на этой хазарской территории не вопреки воле хазар... Действительно, напрашивается заключение, что хазары не только позволили венграм поселиться к западу от Дона, но и поселили их там в своих хазарских интересах. Переселение подчиненных народов из стратегических соображений практиковалось и ранее создателями кочевых империй... На новом месте венгры должны были помогать хазарам контролировать продвижение русов на юго-восток и на юг. Переселение венгров на правобережье Дона стояло в одном ряду со строительством на восточном берегу Дона крепости Саркел» (114; 454).

7

Почти полвека все было тихо. За это время отношения между венграми и хазарами сделались еще теснее; кульминацией стали два события, надолго запечатлевшиеся в венгерской народной памяти. Сначала хазары одарили их царем, основавшим первую венгерскую династию; потом несколько хазарских племен примкнули к венграм и глубоко преобразовали их этнический характер.

Первый эпизод описан Константином Багрянородным в сочинении «Об управлении империей» (около 950 г.) и подтверждается тем фактом, что названные им имена появляются в независимом сочинении — первой венгерской хронике (XI в.). Константин сообщает, что до вмешательства хазар во

внутренние дела венгерских племен у них не было верховного владыки, только племенные вожди; самый выдающийся из них звался Леведия (отсюда позднее появилось название «Леведия»):

«Турок (мадьяр) было семь племен, но архонта (князя) над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой».

Очередной неудачный династический союз... Однако каган был полон решимости укрепить связи между Леведией и его племенами и Хазарским царством:

«Через недолгое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, [требующее], чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: „Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего наро-

да и чтобы ты повиновался слову и повелению нашему».

Однако Леведия оказался гордецом; выразив положенную по такому случаю признательность, он отказался от предложения стать марионеточным царьком и предложил вместо этого оказать такую милость другому воеводе, Алмуцу, либо сыну Алмуца, Арпаду. Тогда каган, «довольный этими речами», отправил Леведию с почетным эскортом назад к его народу; царем был назван Арпад. Церемония возведения Арпада была проведена по обычаю хазар, которые подняли его на щите. «До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода».

День, когда Константин написал эти слова, относился примерно к 950 г., то есть со времени изображенных событий минуло столетие. Арпад повел своих мадьяр на завоевание Венгрии, а его династия правила до 1311 г., так что его имя венгерские школьники узнают одним из первых. Хазары приложили руку ко многим историческим событиям.

8

Влияние второго эпизода на венгерский национальный характер было еще более значимым. Константин сообщает, не называя даты, о бунте (*apostasia*) части хазарского народа против их господ. «Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у

них восстание против своей власти, и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками (венграми) в земле печенегов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой — язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующих и по сей день» (31; гл. 39–40).

Желая расставить точки над *i*, Константин начинает следующую главу с перечисления «родов каваров и турок (венгров)». Первым в перечне стоит тот род, что отделился от хазар, «вышеназванный род каваров...» и т. д. (114; 426). Род, именовавший себя мадьярами, назван только третьим по счету.

Выглядит это так, словно венграм перелили — и метафорически, и буквально — хазарскую кровь. Это привело к целому ряду последствий. Во-первых, мы с удивлением узнаем, что по меньшей мере до середины X в. в Венгрии говорили одновременно по-венгерски и по-хазарски. Это странное обстоятельство комментируют несколько современных специалистов. Так, Дж. Бьюри пишет: «Результатом этого двуязычия стал смешанный характер современного

венгерского языка, что используют в своей аргументации противные стороны в споре об этнической принадлежности венгров» (114; 426). А. Дж. Тойнби отмечает, что хотя венгры давным-давно утратили двуязычие, на начальной стадии их государственности дело обстояло иначе, о чем свидетельствуют двести слов, заимствованных из тюркского языка (близкого чувашскому), на котором говорили хазары (114; 427) (см. выше, главу I, 3).

Венгры, подобно русам, также переняли форму хазарского двоецарствия. Гардизи пишет: «Их начальник выступает в поход с двадцатью тысячами всадников; этого начальника зовут кенде. Кенде — титул их главного царя; титул того начальника, который заведует делами, — дьюла; мадьяры делают то, что приказывает дьюла». Есть основания считать, что первыми «дьюлами» Венгрии были кабары (78; 127 и далее).

Есть также основания предполагать, что среди взбунтовавшихся племен кабаров, которые фактически стали возглавлять венгерские племена, были евреи либо приверженцы «иудейской религии» (12; III; 211, 332). Очень может быть, что, как предполагают М. И. Артамонов и А. Барта, «apostasias» кабар была каким-то образом связана с религиозными реформами царя Обадии либо стала реакцией на них (13; 99, 113). Раввины, толкующие закон, строгие диетические требования, талмудическая казуистика — все это пришлось, наверное, не по нутру воинам-

степнякам в сверкающих доспехах. Если они и исповедовали иудейскую религию, то, скорее, на манер древних евреев из пустыни, а не как раввины-ортодоксы. Возможно, они были даже последователями фундаменталистской секты караимов и попали в разряд еретиков. Но факты в защиту такого предположения отсутствуют.

9

Тесное взаимодействие хазар и венгров закончилось в 896 г., когда венгры, простившись с евразийскими степями, пересекли Карпаты и завоевали территории, ставшие с той поры их родиной. Обстоятельства этого переселения вызывают споры, но в общих чертах ясны.

В последние десятилетия IX в. в сложной мозаике кочевых племен появился еще один элемент — дикое племя печенегов*. Скучные сведения об этом тюркском племени представлены у Константина Багрянородного: он характеризует их как жадных до ненасытности варваров, которые могли за хорошую мзду воевать с другими варварами и с русами. Они кочевали между Волгой и Уралом под хазарским сюзеренитетом; Ибн Русте утверждает, что хазары подвергали их земли ежегодным набегам для сбора дани (37; 105).

К концу IX в. с печенегами приключилась беда (для кочевников обычная): их вытеснили с родных

* Или пачинаков, по-венгерски — «besenyök».

земель восточные соседи. Соседями этими были гуззы (или огуззы), так не понравившиеся Ибн Фадлану, — одно из многочисленных тюркских племен, отрывавшихся время от времени от центральноазиатского причала и перемещавшихся к западу. Потесненные печенеги попытались задержаться в Хазарии, но хазары дали им отпор*. Печенеги продолжили движение на запад и, форсировав Дон, оказались на территории венгров. Те, в свою очередь, были вынуждены отойти на запад, в район между Днестром и Сиретом, названный ими «Этелькёз» (венгр. *Etel-Köz* — «междуречье»). Они оказались там примерно в 889 г., но в 896 г. печенеги, вступив в союз с дунайскими болгарами, нанесли новый удар, после чего венгры оказались в теперешней Венгрии.

Такова в общих чертах история венгерского исхода из восточных степей и разрыва венгеро-хазарских связей. Историки расходятся в подробностях процесса: некоторые утверждают, причем с пылом, что венгры потерпели от печенегов одно, а не два поражения, и что «Этелькёз» — всего лишь другое название мифической Леведии (78); но мы в эти предрассудки знатоков вдаваться не будем. Более интригующим выглядит очевидное противоречие между образом венгров — могучих воинов и их бесславным бегством с удобных земель. Из «Хроники Хинкмара Реймского» мы узнаем, что в 862 г. они совершили

* Одна из возможных интерпретаций слов Константина: «Гуззы и хазары воевали с печенегами» (21; 424).

набег на империю восточных франков — первое из вторжений варваров, будораживших Европу на протяжении всего следующего столетия (78; 71). Сообщается и об ужасающей встрече святого Кирилла, «апостола славян», с венгерской ордой, имевшей место в 860 г., когда тот направлялся в Хазарию. В тот момент, когда он молился, они напали на него, «воя, как волки». Впрочем, святость уберегла его от беды (78; 71). В другой хронике говорится о конфликте, имевшем место в 881 г., где столкнулись, с одной стороны, интересы венгров и кабаров, а с другой — франков (78; 76). По сообщению Константина (гл. 40), спустя десять лет венгры «переправились [через Дунай] и, воюя против Симеона [царя дунайских болгар], наголову разбили его, наступая, дошли до Преслава и заперли его в крепости по названию Мундрага, вернувшись затем в свою землю» (31; гл. 40).

Как же совместить все эти героические свершения с серией одновременных отступлений, в результате которых мадьяры откатились с Дона в Венгрию? Как представляется, ответом может послужить отрывок из сочинения Константина, следующий сразу за только что процитированным:

«После того как Симеон вновь помирился с василевсом ромеев и обрел безопасность, он снесся с пачинакитами (печенегами) и вступил с ними в соглашение с целью нападения на турок (мадьяр) и уничтожения их. Когда турки отправились в военный

поход, пачинакиты вместе с Симеоном пришли против турок, истребили целиком их семьи и беспощадно прогнали оттуда турок, охраняющих свою страну. Турки же, возвратясь и найдя свою страну столь пустынной и разоренной, поселились в земле, в которой проживают и ныне (т. е. в Венгрии)».

Иными словами, когда большая часть войска венгров «ушла в поход», их земли и семьи подверглись нападению; судя по упомянутым выше хроникам, венгры часто уходили в дальние походы, оставляя свои очаги почти без защиты. Такая опасная привычка выработалась у них в период, когда их непосредственными соседями были сюзерены-хазары да миролюбивые славянские племена. Но с появлением жадных до земель печенегов ситуация изменилась. Несчастье, описанное Константином, было, возможно, последним в череде схожих бед, после чего венгры решили искать себе новое, безопасное место за горами, в стране, которую знали по двум предыдущим походам.

В пользу этой гипотезы говорит еще одно соображение. Видимо, традиция совершать набеги сформировалась у венгров только во второй половине IX в. — примерно тогда, когда произошло то самое вливание хазарской крови. Результат получился двойственным. Кабары, «воины более опытные и более мужественные», стали, как мы видели, главным племенем и заразили новых родичей духом авантюризма, вскоре превратившим их в «бич Европы», подоб-

ный их предшественникам-гуннам. К тому же они обучили венгров «своеобразной и характерной тактике, применявшейся с незапамятных времен всеми тюркскими народами — гуннами, аварами, турками, печенегами, команам, но только ими..., когда легкая кавалерия изображала бегство, стреляя на скаку, а потом внезапно снова мчалась на врага с волчьим воем» (78; 123).

Эти методы приносили неизменный эффект в IX и X вв., когда венгерские набеги не давали покоя Германии, Балканам, Италии и даже Франции, однако на печенегов они почти не действовали, потому что те поступали так же, и от их воя тоже стыла кровь в жилах...

Таким образом, косвенно, по дьявольской логике истории, хазары способствовали созданию венгерского государства, а сами исчезли в тумане веков. Маккартни, рассуждая таким же образом, пошел еще дальше, подчеркивая решающую роль, сыгранную переходом кабар:

«Ядро венгерской нации, настоящие финно-угры, сравнительно (хоть и не совсем) мирные, оседлые земледельцы, поселились в холмистой области к западу от Дуная. Долину Алфолд заняло кочевое племя кабар — настоящие тюрки, скотоводы, всадники и бойцы, движущая сила и войско нации. Именно этот народ занимал в эпоху Константина почетное место „первой венгерской орды“. Я считаю, что именно кабары устраивали из степей набеги на русов и

славян, вели кампанию против болгар в 895 г.; во многом именно они еще полвека после того наводили ужас на половину Европы» (78; 112).

Тем не менее венграм удалось сберечь свою этническую идентичность. «Основная тяжесть шестидесятилетней непрекращающейся свирепой войны легла на кабар, ряды которых чрезвычайно поределли. Тем временем настоящие венгры, жившие относительно мирно, численно значительно увеличились» (78; 123). Несмотря на период двуязычия, они сумели сохранить свой финно-угорский язык, невзирая на немецкоязычное и славяноязычное соседство в отличие от дунайских болгар, утративших прежний тюркский язык и говорящих теперь на одном из славянских языков.

Однако влияние кабар ощущалось в Венгрии и дальше, и даже после того, как их разделили Карпаты, связи между хазарами и венграми прервались не полностью. По данным А. А. Васильева, в X в. венгерский герцог Таксони пригласил не установленное количество хазар поселиться на его землях. Не исключено, что среди этих переселенцев было немало хазарских евреев. Можно также предположить, что и кабары, и позднейшие иммигранты привезли с собой некоторых из прославленных ремесленников, научивших венгров своему искусству (115; 262) (см. гл. I, 13).

В процессе овладения новым постоянным местожительством венграм пришлось вытеснить прежних

жителей, моравов и дунайских болгар, оказавшихся в итоге на своих теперешних территориях. Другие их славянские соседи — сербы и хорваты — остались на своих традиционных землях. Так в результате цепной реакции, начавшейся на далеком Урале — гуззы потеснили печенегов, те венгров, те болгар и моравов, — карта Центральной Европы стала приобретать свой сегодняшний облик. Место меняющегося калейдоскопа заняла знакомая нам чересполосица.

10

Но вернемся к русам, которых мы оставили в момент бескровного захвата Киева людьми Рюрика, имевшего место примерно в 862 г. В это же время печенеги потеснили на запад венгров, лишая хазар защиты на западном фланге. Возможно, это объясняет ту легкость, с какой русы овладели Киевом.

Однако ослабление военной мощи хазар сделало и византийцев беззащитными перед рейдами русов. Примерно тогда же, когда Рюрик обосновался в Киеве, корабли русов спустились вниз по Днепру, пересекли Черное море и атаковали Константинополь. Дж. Бьюри выразительно описывает эти события:

«В июне 860 г. император (Михаил III) выступил со всей своей армией против сарацин. Он успел далеко уйти, когда, получив неожиданные вести, поторопился вернуться в Константинополь. Войско русов проплыло на двухстах судах по Черному морю,

вошло в Босфор, подвергло разграблению монастыри и пригороды на берегах пролива и захватило Княжеский остров. Жители города были совершенно деморализованы внезапно обрушившимся на них ужасом и неспособны что-либо предпринять. Войска [Тагмата], обычно стоявшие в окрестностях города, находились далеко, с императором..., а флот отсутствовал. Опустошив пригороды, варвары приготовились атаковать город. В момент кризиса достойно себя повел святейший патриарх Фотий; он взял на себя задачу вернуть отвагу соотечественникам... Он выразил общие чувства, когда назвал нелепостью то, что над столицей империи, „царицей почти всего мира“, измывается шайка славян, злобная и невежественная толпа. Но еще большее впечатление на чернь произвели чудеса, которые он успешно творил и в предыдущие осады. Вокруг городских стен торжественно пронесли покрыва Богоматери; все верили, что, обмокнув их в море, можно поднять ураган. Ураган не поднялся, но вскоре русы стали отходить, и мало кто из ликующих горожан не связал освобождение с вмешательством Царицы Небесной» (21; 419).

Добавим для пикантности, что патриарх Фотий, спасший своим красноречием имперский город, был той самой «хазарской мордой» (cazaropгTswrou), отправившей святого Кирилла в его миссионерский поход. Что касается отхода русов, то он был вызван поспешным возвращением греческой армии и фло-

та; но патриарх действительно помог горожанам сохранить самообладание в момент тревожного ожидания.

Любопытные комментарии к этому эпизоду можно найти у А. Дж. Тойнби. Он пишет, что в 860 г. русы «были, возможно, ближе к захвату Константинополя, чем когда-либо потом» (114; 448). Он разделяет точку зрения некоторых русских историков, что нападение днепровской флотилии восточных скандинавов, преодолевшей Черное море, было скоординировано с одновременной атакой флота западных викингов, подошедших к Константинополю из Средиземного моря, через Дарданеллы:

«А. А. Васильев, Пашкевич и Г. В. Вернадский склонны полагать, что встреча двух флотилий в Мраморном море была хорошо подготовлена, что дает основания полагать, что над всем этим планом поработал один крупный стратег. Они высказывают предположение, что новгородский Рюрик и ютландский Рорик — одно и то же лицо» (114; 447).

Из этого можно заключить, каков был калибр неприятеля, с которым пришлось иметь дело хазарам. Византийская дипломатия без промедления отдала ему должное и затеяла двойную игру, то ведя войны, то занимаясь умиротворением завоевателя в благочестивой надежде, что русы рано или поздно будут обращены в христианство и присоединятся к пастве Восточной патриархии. Что касается хазар, то они были важным активом на тот

момент, но могли быть преданы при первой же представившейся подходящей или даже малоподходящей возможности.

11

На протяжении двух следующих столетий в византийско-русских отношениях вооруженные конфликты чередовались с договорами о дружбе. Воевали в 866 (осада Константинополя), 907, 941, 944, 969–971 гг.; договоры заключались в 838–839, 861, 911, 945, 957, 971 гг. О содержании этих в разной степени секретных договоров нам известно мало, однако даже то, что мы знаем, свидетельствует о чрезвычайной сложности дипломатической игры. Через несколько лет после осады Константинополя тот же патриарх Фотий сообщает, что русы прислали в Константинополь послов и — в соответствии с византийской формулой, предписанной для новообращенных, — «молили императора о крещении». Дж. Бьюри так комментирует это: «Мы не знаем, какие сообщества русов и в каком количестве представляло это посольство, но цель, видимо, была в принесении извинений за недавний рейд и, возможно, в освобождении пленных. Несомненно, некоторые русы были согласны креститься..., но семя упало на не слишком плодородную почву. Еще сто лет мы ничего не слышим о христианстве на Руси. Однако договор, заключенный между 860 и 866 гг., имел, видимо, иные последствия» (21; 422).

К последствиям относилась служба скандинавских моряков в византийском флоте — к 902 г. их там насчитывалось семьсот человек. Появилась также знаменитая «варяжская дружина» — элитная часть из русов и других наемников-северян, включая даже англичан. По договорам 945 и 971 гг. русские правители Киевского княжества даже брали на себя обязательство посылать войска византийскому императору по его запросу (114; 448). При Константине Багрянородном, то есть в середине X в., в Босфоре постоянно стоял флот русов — уже не для того, чтобы осаждать Константинополь, а чтобы торговать. Торговля была отрегулирована до тонкостей (за исключением моментов вооруженных стычек): согласно «Повести временных лет», по договорам 907 и 911 гг. русским визитерам разрешалось входить в Константинополь только через одни ворота, группами не более пятидесяти человек, в сопровождении государственного мужа; во время пребывания в городе они должны были получать столько хлеба, сколько им требовалось, а также помесечно — запасы другой провизии сроком до шести месяцев, включая хлеб, вино, мясо, рыбу, фрукты, а «баню им устраивают, сколько захотят». Для обеспечения бесперебойности поставок сбыт провизии на черном рынке за наличные карался отсечением руки. Одновременно союзников настойчиво пытались обратить в православие во имя конечной цели — мирного сосуществования с набирающим мощь народом.

Но от этих попыток было мало пользы. Согласно «Повести временных лет», когда Олег, правитель Киева, заключил в 907 г. договор с византийцами, императоры Лев и Александр (соправители), «обязались уплачивать дань и ходили по взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном их богом, и Волосом богом скота, и утвердили мир» (102; 65).

Минуло почти полвека, отгремело несколько сражений, состоялось несколько договоров — и Святая Церковь оказалась в одном шаге от победы: в 957 г. киевская княгиня Ольга (вдова князя Игоря) приняла крещение во время своего государственного визита в Константинополь (если не была окрещена еще до отъезда — по этому поводу существуют разные мнения).

В «Книге о церемониях византийского двора» описаны пиры и увеселения в честь Ольги, хотя не говорится, как княгиня отнеслась к механическим игрушкам, выставленным в тронном зале, — например, к рычащей фигуре льва. (Другой высокий гость, епископ Луипранд, признается, что смог сохранить хладнокровие только потому, что был заранее предупрежден о готовящихся сюрпризах). Церемониймейстер, которым выступал сам Константин, видимо, сбивался с ног, ибо Ольга была не единственной женщиной в делегации: женщинами были и все ее ближайшие приближенные; мужчины — дипломаты и совет-

ники числом 82 человека — скромно держались в хвосте русской процессии» (114; 504)*. Перед началом пира произошло небольшое недоразумение, символичное для деликатных отношений между Русью и Византией. Появившись в тронном зале, византийские дамы согласно протоколу пали ниц перед императорским семейством. Ольга осталась стоять, «но было с удовлетворением отмечено, что она несильно, но все же заметно склонила голову. Чтобы указать ей ее место, ее усадили, по примеру государственных гостей-мусульман, за отдельный стол» (114; 504).

«Повесть временных лет» предлагает иную, сильно приукрашенную версию этого государственного визита. Когда был поднят непростой вопрос о крещении, Ольга заявила: „Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, — иначе не крещусь“. И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: „Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков“. И дал ей заповеди о церковном уставе и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая. [...] После крещения призвал ее царь и сказал ей: „Хочу взять тебя в

* Девять Ольгиных родственников, двадцать дипломатов, сорок три торговых советника, два переводчика, шесть слуг дипломатов и собственный переводчик Ольги.

жены себе“. Она же ответила: „Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, — ты сам знаешь“. И сказал ей царь: „Перехитрила ты меня, Ольга“» (102; 82).

Когда Ольга вернулась в Киев, «прислал к ней греческий царь послов со словами: „Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда де возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе — челядь, воск и меха и воинов в помощь“. Отвечала Ольга через послов: „Если ты также постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе“. И отпустила послов с этими словами» (102; 83).

Ольга-Хельга была, наверное, настоящей амазонкой скандинавских кровей. Как уже говорилось, она была вдовой князя Игоря, считающегося сыном Рюрика и представленного в «Повести временных лет» жадным, безрассудным и жестоким правителем. В 941 г. он напал на византийцев с большим флотом. С пленными русы поступили так: «одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню» (102; 72). В конце концов они потерпели поражение от византийского флота, обрушившего на них греческий огонь. «Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду мор-

скую, стремясь спастись. И так остаток их возвратился домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. „Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их“»*. За этим столкновением с интервалом в четыре года последовал очередной договор о дружбе. Русы как морской народ были поражены «греческим огнем» сильнее, чем другие враги Византии, и «небесные молнии» стали сильным аргументом в пользу греческой церкви. Тем не менее готовность к крещению еще не наступила.

В 954 г., после убийства Игоря древлянами, славянским племенем, которое он обложил непосильной данью, Ольга стала киевской правительницей. Свое правление она начала с мести древлянам: сначала велела похоронить заживо послов древлян, приехавших договариваться о мире; потом заперла в бане и спалила заживо делегацию знатных древлян; последовали новые массовые убийства, а в конце концов был спален дотла главный город древлян. До крещения кровожадность Ольги была поистине ненасытной. Но став христианкой, она, как утверждает все та же русская летопись, была «предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла; как луна

* А. Дж. Тойнби без колебаний называет таинственное оружие греков «напалмом». Это был химикат неизвестного состава, возможно, производное нефти, самовоспламенявшееся при контакте с водой и не смывавшееся ею.

в ночи, так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи». Отсюда было уже недалеко до канонизации Ольги как первой святой русской православной церкви.

12

И все-таки, несмотря на шум, поднявшийся из-за крещения Ольги и ее государственного визита в Константинополь, последнее слово в бурном диалоге греческой церкви и русов еще не было сказано. Сын Ольги Святослав остался язычником, отказавшись прислушаться к материнским увещаниям. «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал» (102; 84) — в первую очередь с Хазарией и Византией. Только в 988 г., в княжение его сына, Владимира Святого, правящая русская династия окончательно перешла в вероисповедание греческой православной церкви — примерно тогда же, когда венгры, поляки и скандинавы, включая жителей далекой Исландии, оказались в лоне римской католической церкви. Начал оформляться длительный религиозный раскол мира; в этом контексте иудеи-хазары превратились в анахронизм. Нарастающая близость между Константинополем и Киевом, невзирая на все взлеты и падения в их отношениях, постепенно свела на нет значение Итиля; присутствие хазар на русско-византийских торговых путях и необ-

ходимость отдавать им десятую часть от стоимости растущего товаропотока стали обременительны и для византийской казны, и для русских вооруженных купцов.

Симптоматичной для меняющегося отношения Византии к прежним союзникам была уступка русским Херсона. Несколько веков византийцы и хазары то воевали, то интриговали, стремясь отстоять владение этим важным крымским портом; но когда в 987 г. Владимир занял Херсон, византийцы даже не стали протестовать. Как выразился Дж. Бьюри, «то была не слишком большая жертва на алтарь нерушимого мира и дружбы с русским государством, набравшим силу» (21; 418).

Возможно, Херсоном и стоило пожертвовать; но пренебрежение союзом с хазарами, как доказало время, было проявлением близорукости.

IV КРУШЕНИЕ

1

Рассказывая о русско-византийских отношениях в IX–X вв., я имел возможность пользоваться двумя подробными источниками: сочинением Константина Багрянородного «Об управлении империей» и древнерусской «Повестью временных лет». Но что касается русско-хазарского противостояния в тот же период, к которому мы теперь обращаемся, то по этому поводу сопоставимые материалы отсутствуют; архивы Итиля, если таковые и существовали, утрачены, и чтобы разобраться в истории Хазарского каганата в последнее столетие его существования, нам придется снова довольствоваться разрозненными намеками, выуживаемыми из сочинений арабских хронистов и географов.

Рассматриваемый период длился примерно с 862 г., когда русы заняли Киев, и примерно до 965 г., ког-

да Святослав разрушил Итиль. После утраты Киева и ухода венгров за Карпаты прежние вассалы Хазарии на западе (не считая некоторых районов Крыма) вышли из-под контроля кагана, поэтому киевский князь мог свободно призвать славянские племена днепровского бассейна прекратить выплаты дани хазарам (102; 84).

Хазары, возможно, примирились бы с потерей ведущей роли на западе, если бы не усиливающееся проникновение русов на восток, в низовья Волги и на берега Каспийского моря. Земли мусульман, прилегающие с юга к Хазарскому морю, — Азербайджан, Ширван, Табаристан и другие — были приманкой для флотилий викингов, которые были не прочь и пограбить их, и устроить там фактории для торговли с халифатом. Однако подступы к Каспию контролировались хазарами, чья столица Итиль находилась как раз в дельте Волги; так же обстояло дело в прошлом с подступами к Черному морю, пока хазары удерживали Киев. Контроль выражался в том, что русам приходилось испрашивать разрешения на проход каждой флотилии и платить десятипроцентный таможенный сбор — ущемление и для гордости, и для кармана.

Какое-то время сохранялось хрупкое равновесие. Караваны русов платили положенную мзду, выходили в Хазарское море и вели торговлю с прибрежными жителями. Но, как мы уже видели, торговля часто сменялась грабежом. Между 864 и 884 гг. от-

ряд русов напал на порт Абескун в Табаристане (37; 238). Нападение было отбито, но в 910 г. русы вернулись, разграбили город и окрестности и увели взятых в плен мусульман, чтобы продать их на невольничьих рынках. Хазарам это, видимо, создало большую проблему из-за их дружественных отношений с халифатом и наличия в хазарской армии дружины наемников-мусульман. Спустя три года, в 913 г., дошло до вооруженного столкновения, закончившегося резней.

Это важное событие, уже вкратце упоминавшееся (глава III, 3), было подробно описано ал-Масуди, тогда как в «Повести временных лет» о нем умалчивается. Ал-Масуди повествует, как «после 300 года хиджры (912–913 гг.) флот русов из 500 судов, с сотней людей на каждом» приблизился к хазарской территории:

«Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снесли с хазарским царем [прося разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку (канал, на котором стоит их столица?) и таким образом достичь Хазарского моря, [...] с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это [беззаконие], и они вошли в пролив, достигли устья реки [Дона] и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки [Волги], по которой они спустились в город Атиль и,

пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море, а оттуда [поплыли] в город Амоль (в Табаристане). Названная река [Волга] велика и несет много воды. Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтеносную область (Апшерон) и [на земли, лежащие] по направлению к Азербайджану. [...] Русы проливали кровь, делали что хотели с женщинами и детьми и захватывали имущество. Они рассылали [отряды], которые грабили и жгли».

Не пощадили они даже город Ардебиль в трех днях пути от моря. Когда люди опомнились и взялись за оружие, русы, верные своей классической стратегии, покинули берег и укрылись на островах вблизи Баку. Сделав приготовления, местные жители поплыли к ним на своих лодках и торговых судах, «но русы направились к ним, и тысячи мусульман были убиты и потоплены. Русы пробыли на этом море много месяцев. [...] Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки [Волги] и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними. [...] Ларисийцы [наемники-мусульмане в хазарском войске] и другие мусульмане царства [узнали] о том, что натворили [руссы] и сказали царю: „Предоставь нам [расправиться] с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев, пролили их кровь и полонили

женщин и детей“. Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними.

Мусульмане собрали войско и спустились вниз по реке, ища встречи с ними. Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда. Мусульман было 15 тысяч на конях и в [полном] снаряжении; с ними были и некоторые из христиан, живущих в городе Атиль. Битва между ними длилась три дня, и Аллах даровал победу мусульманам. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслось из них около 5 тысяч, которые на своих судах пошли к той стороне, которая ведет к стране Буртас. Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к болгарам-мусульманам, которые [также] поубивали их. Насколько можно было подсчитать, число тех, кого мусульмане убили на берегу Хазарской реки, было около 30 тысяч, и с того времени русы не возобновляли того, что мы описали».

Так повествует о провале похода русов на Каспий в 912–913 гг. ал-Масуди. Разумеется, он пристрастен. Хазарский правитель изображен двояким интриганом: сначала он выступает пассивным сообщником мародеров-русов, потом позволяет своим людям напасть на них, однако предупреждает об осаде, устроенной «мусульманами» под его же командованием. «Мусульманами» ал-Масуди называет даже болгар, хотя Ибн Фадлан, побывавший у них

спустя десять лет, считает, что им еще далеко до обращения. Однако даже сквозь религиозную необъективность у ал-Масуди можно разглядеть дилемму, или даже несколько дилемм, относящихся к хазарскому правлению. Возможно, беды, постигшие жителей прибрежных районов Каспия, их не очень опечалили: те времена не располагали к сантиментам. Но что, если хищники-русы, завоевав Киев и Приднепровье, получают точку опоры на Волге? Кроме того, очередной рейд русов на Каспий мог бы вызвать гнев халифа, который обрушился бы не на самих русов из-за их недосыгаемости, а на неповинных — вернее, почти неповинных — хазар.

Отношения каганата с халифатом были мирными, но мир держался на волоске, как следует из рассказа Ибн Фадлана об очередном инциденте. Рейд русов, описанный ал-Масуди, имел место в 912–913 гг., а Ибн Фадлан побывал у болгар в 921–922 гг. Вот что он пишет:

«У мусульман в этом городе [Итиле есть] соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней [есть] высокий минарет и несколько муэззинов. И вот, когда в 310 г. х. [922 г.] до царя хазар дошла [весть], что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет был разрушен, казнил муэззинов и сказал: „Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть“» (127).

Перед нами свидетельство стратегии взаимного устрашения и осознания возможности расширения конфликта. Кроме того, мы еще раз видим, что хазарским правителям была небезразлична судьба евреев в других частях света.

2

Отчет ал-Масуди о рейде русов на Каспий в 912–913 гг. заканчивается словами: «Того, что мы описали, русы с этого года уже не повторяли». По горькому совпадению, слова эти были написаны в 943 г., как раз в год, когда русы снова устремились на Каспий с еще более крупным флотом; однако знать этого ал-Масуди не мог. После катастрофы 913 г. они на протяжении 30 лет не навевывались в эти края, а теперь снова, видимо, почувствовали силу и решили попробовать; немаловажно, что эта попытка совпала по времени (год-два не в счет) с их походом на Византию под водительством безрассудного Игоря, чье войско пострадало от «греческого огня».

Новое вторжение оказалось успешнее: русы захватили плацдарм на Каспии, заняли город Бердаа на реке Куре и продержались там целый год. Но потом их поразила эпидемия, а уцелевшие были вынуждены покинуть город. На этот раз арабские источники не упоминают хазарского участия ни в грабежах, ни в боях. Это упущение восполняет каган Иосиф, писавший спустя несколько лет в своем письме Хасдаю: «Я живу у входа в реку [Итиль-Волгу] и не пус-

каю русов, прибывающих на кораблях, проникать к нам [т. е. в земли арабов на побережье Каспия]. Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну*.

Независимо от того, участвовала ли на этот раз в боях хазарская армия, факт остается фактом: через несколько лет хазары решили закрыть русам проход в Хазарское море, так что после 943 г. о походах русов на Каспий больше ничего не слышно.

То было очень важное решение, принятое, судя по всему, под влиянием мусульманского населения Хазарии, которое вовлекло каганат в «тяжелые войны» с русами. Об этих войнах мы, правда, ничего не знаем, помимо слов Иосифа в письме. Возможно, дело ограничивалось единичными столкновениями. Единственным исключением является крупная кампания 965 г., упомянутая в «Повести временных лет» и приведшая к распаду Хазарской империи.

3

Предводителем похода был киевский князь Святослав, сын Игоря и Ольги. Выше мы уже отметили, что он «легко ходил в походах, как пардус, и много

* В так называемой «пространной редакции» Письма (см. Приложение III) фигурирует еще одна фраза, с которой вольно обошлись переписчики: «Если бы я их оставил [в покое], они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада». Впрочем, русы продержались на Каспии не считанные часы, а целый год, поэтому эти слова выглядят пустой похвальбой; но если заглянуть в будущее, то к словам кагана придется отнести серьезнее...

воевал» — фактически, большую часть своего княжения он провел в военных походах. Несмотря на настойчивые уговоры матери, он отказывался от крещения, «говоря: „Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться“». В «Повести временных лет» сообщается также, что «в походах он не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: „Хочу на вас идти“» (102; 84).

Кампании против хазар летописец посвящает несколько строк, прибегая к обычному для описания битв лаконичному стилю: «Пошел Святослав на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: „Кому дань даете?“. Они же ответили: „Хазарам — по щелягу от рала даем“. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял» (102; 84).

Белой Вежей («Белым Замком») славяне называли Саркел, знаменитую хазарскую крепость на Дону; однако знаменательно то, что о разрушении Итиля, столицы каганата, в русской летописи не упоминается. К этой теме мы еще вернемся.

В летописи сообщается далее, что Святослав «победил ясов и касогов»; на следующий год он пошел на дунайских болгар, одолел их, но потерпел пора-

жение от византийцев. На пути в Киев был убит печенегами, те «взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» (102; 90).

Ряд историков рассматривают победу Святослава как конец Хазарии, но это, как мы увидим, совершенно неверно. Разрушение Саркела в 965 г. символизировало конец Хазарской империи, но не хазарского государства — точно так же, как конец Австро-Венгерской империи в 1918 г. не стал концом Австрии как национального государства. Хазарский контроль над далекими славянскими племенами, простиравшийся, как мы видели, до верховьев Днепра, остался в прошлом; но сердце Хазарии, бывшее между Кавказом, Волгой и Доном, осталось нетронутым. Подступы к Каспийскому морю оставались закрыты для русов, и об их попытках снова туда прорваться более ничего не было слышно. А. Дж. Тойнби верно замечает, что «русам удалось уничтожить хазарскую степную империю, но единственной хазарской территорией, которую они приобрели, оказалась Тмутаракань на Таманском полуострове, да и это приобретение было эфемерным... Лишь в середине XVI века московиты окончательно завоевали все течение Волги, ...вплоть до места ее впадения в Каспийское море» (14; 451).

4

После гибели Святослова вспыхнул раздор между его сыновьями, в котором победил младший, Владимир. Он начал жизнь язычником, как его отец, но,

подобно своей бабке Ольге, закончил кающимся грешником, крестился и был впоследствии канонизирован. Однако в юности Владимир, будущий святой, действовал так, словно знал девиз святого Августина: «Боже, одари меня добродетельностью, но не сейчас». В «Повести временных лет» об этом говорится суровым тоном:

«Был же Владимир побежден вожделением [...] Наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в этом, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. „Велик Господь и велика крепость его, и разуму его нет конца“» (102; 94).

Крещение Ольги, даже вместе с сыном, в 957 г. не имело последствий. Но крещение Владимира в 989 г. стало колоссальным событием, оказавшим огромное влияние на судьбы мира.

Ему предшествовали дипломатические маневры и теологические дискуссии с представителями четырех главных религий — нечто очень похожее на дебаты, предшествовавшие обращению хазар в иудаизм. Рассказ «Повести временных лет» об этом теологическом диспуте постоянно вызывает в памяти повествование еврейских и арабских источников об

обращении царя Булана; однако исход был совершенно иным.

На сей раз соперников было не трое, а четверо: раскол греческой и латинской церквей в X в. уже стал свершившимся фактом, хотя официально был оформлен только в XI в.

Приступая к рассказу о крещении Владимира, летописец сначала напоминает о победе, одержанной им над волжскими булгарами, после которой был подписан договор о дружбе. «Сказали булгары: „Да будет между нами мир, покуда не поплывут камни и не потонет солома“». Владимир вернулся в Киев, и булгары отправили к нему мусульманскую религиозную миссию с целью обращения его в ислам. Владимира пытались соблазнить рассказом о радостях рая, где у каждого мужчины будет по семьдесят прекрасных женщин. Владимир слушал одобрительно, но когда речь зашла о запрете на свинину и вино, не выдержал. «Руси есть веселие пить, не можем без того быть» — произнес он сакраментальную фразу.

За мусульманами последовала германская делегация, отстаивавшая достоинства римско-католической церкви. Но и она преуспела не больше, поскольку одним из основных требований называли строгий пост. На это Владимир ответил: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не прияли этого...» (102; 97).

Третья миссия состояла из хазарских иудеев. Она оказалась в наихудшем положении. Владимир спросил, почему евреи больше не владеют Иерусалимом.

Те ответили: «„Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам“. Сказал на это Владимир: „Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны: если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?“».

Четвертым, последним посланцем был ученый, присланный византийскими греками. Для начала он обрушился на мусульман, которые „прокляты сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморы, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их. [...] Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут по бороде и поминают Магомета“. [...]. Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: „Нечистое это дело“» (102; 98).

Далее византийский мудрец обвинил евреев в распятии Христа, а римских католиков — правда, уже не с таким негодованием — в «несоблюдении Обрядов». После этих предисловий он пространно изложил Ветхий и Новый Завет, начиная с сотворения мира. Однако убедить Владимира до конца ему не удалось. На настойчивые предложения принять крещение тот ответил: «Подожду еще немного». После этого он отправил собственных послов, «мужей славных и умных, числом десять» в разные страны... В итоге они ему сообщили, что византийское богослужение привлекательнее всех остальных: «ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на

небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом».

Однако Владимир никак не мог решиться. Летопись продолжает без видимой логики: «И когда прошел год, в 6496 [988 г.] пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий» (102; 111). (Как мы помним, контроль над этим важным крымским портом долго друг у друга отстаивали византийцы и хазары.) Доблестные херсониты не пожелали покориться. Дружинники Владимира насыпали вокруг городских стен земляной вал, но «корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю и носили ее себе в город и ссыпали посреди города». Потом изменник пустил стрелу в лагерь русов с запиской: «„Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока“. Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: „Если сбудется это, — крещусь!“» (102; 112).

Ему удалось лишить город воды, и Херсон сдался. Тогда Владимир, позабыв про свой обет, «послал к царям Василию и Константину сказать: „Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу“. И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: „Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и цар-

ство небесное восприимешь, и с нами единовен будешь».

Так и произошло. Владимир в конце концов принял крещение и женился на византийской принцессе Анне. Еще через несколько дней православие стало официальной религией не только правителей, но и народа Руси, а с 1037 г. главой русской церкви стал константинопольский патриарх.

5

То был грандиозный триумф византийской дипломатии. Вернадский называет это «одним из резких поворотов, придающих такую занимательность изучению истории... Любопытно было бы порассуждать, по какому пути пошла бы история Руси, если бы русские князья приняли одну из других мировых религий [иудаизм или ислам] вместо христианства... Обращение в ту или иную веру обязательно предопределило бы будущее культурное и политическое развитие России. Переход в ислам вовлек бы Россию в круг арабской, то есть азиатско-египетской культуры. Заимствование у германцев римско-католической веры превратило бы Россию в страну латинской или европейской культуры. Только иудаизм или православие гарантировали бы стране культурную независимость и от Европы, и от Азии» (117; 29, 33).

Однако более, чем независимость, России были необходимы союзники, а Восточно-Римская импе-

рия, несмотря на испорченные нравы, оказалась предпочтительнее благодаря своей силе, культуре и развитой торговле, чем шаткая империя хазар. Нельзя недооценивать и изощренность в государственном управлении византийцев, более ста лет шедших к цели и достигших ее. Наивный рассказ о том, как Владимир оттягивал крещение, предлагаемый русским летописцем, не дает представления о дипломатическом маневрировании и напряженном торге, предшествовавших эпохальному решению, как и о византийской опеке князя и его подданных. Херсон был, очевидно, частью запрошенной цены; то же самое относится к династическому браку с принцессой Анной. Но самой важной составляющей сделки оказался конец византийско-хазарского союза, направленного против русов, на смену которому пришел союз последних с византийцами, обращенный против хазар. Через несколько лет, в 1016 г., русская и византийская армии совместными усилиями вторглись в Хазарию, нанесли поражение ее правителю и «подчинили страну» (см. ниже, гл. IV, 8).

Впрочем, охлаждение теплого некогда отношения к хазарам началось, как мы видели, еще при Константине Багрянородном, за полвека до принятия Владимиром православия. Как мы помним, Константин рассуждал о том, как именно и чьими силами воевать с хазарами. За процитированным текстом (II, 7) следует такой отрывок:

«[Знай], что правитель Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. (Если этот правитель постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир). [Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами» (31; гл. 10–12).

А. Дж. Тойнби, цитирующий эти строки, делает следующее не лишнее трогательности замечание:

«Если бы отрывок из наставления Константина Багрянородного по ведению внешней политики Восточно-Римской империи попал в руки хазарского кагана и его министров, они бы возмутились. Они заявили бы, что Хазария — одно из самых мирных государств на свете и что даже если в былые времена она была воинственной, ее оружие никогда не было направлено против Восточно-Римской империи. Действительно, две державы никогда не воевали друг с другом, более того, Хазария часто воевала с врагами Восточно-Римской империи, причем выгоду из этого извлекала только последняя. Возмож-

но, именно хазарам Империя обязана своим выживанием под непрерывными ударами правителя сасанидской Персии Хосрова II Парвиза и арабов-мусульман... Впоследствии давление на империю арабов ослаблялось силой хазарского оборонительно-наступательного сопротивления арабскому продвижению на Кавказ. Дружба между Хазарией и Империей была символически скреплена двумя брачными союзами между представителями двух императорских семейств. Почему же Константину взбрело на ум досаждать Хазарию, натравляя на нее соседей?» (114; 508).

Ответ на риторический вопрос А. Дж. Тойнби прост: византийцы руководствовались принципами *Realpolitik*, да и век не располагал к сентиментальности. Как и наш, впрочем.

6

Но политика эта оказалась близорукой. Обратимся еще раз к Дж. Бьюри: «Первым принципом политики Империи в этой части мира было поддержание мира с хазарами. Диктовалось оно прежде всего географическим положением Хазарской империи, расположенной между Днестром и Кавказом. С VII в., когда Ираклий обратился к хазарам за помощью в отражении нападений со стороны Персии, до X в., когда сила Итиля пошла на спад, императоры последовательно шли именно этим путем. Императору

был выгоден реальный контроль кагана над соседями-варварами» (21; 414).

Теперь этот контроль как будто перешел от хазарского кагана к киевскому князю. Однако реальным он не стал. Хазары были степным тюркским народом и умели отражать накатывающиеся волны тюркских и арабских завоевателей: они не только устояли, но и подчинили себе болгар, башкир, печенегов, гуззов и др. В отличие от них, русы и их подданные-славяне не могли справиться с воинственными кочевниками-степняками, русам нечего было противопоставить их мобильной стратегии и тактике вылазок*. Под непрерывным давлением кочевников центры власти на Руси постепенно перемещались из южных степей на лесистый Север, в Галицкое, Новгородское и Московское княжества. Византийцы рассчитывали, что функцию Итиля в роли защитника Восточной Европы и центра торговли возьмет на себя Киев; однако вместо этого Киев быстро пришел в упадок. Заканчивалась первая глава русской истории, сменившаяся периодом хаоса и бесконечных междоусобиц дюжины независимых княжеств.

Так создавался вакуум власти, в который хлынула новая волна кочевников, вернее, новое ответвление наших старых знакомых гуззов, которых Ибн Фадлан считал еще более отталкивающими, чем другие варварские племена, каковые он был вынужден посетить. Этот новый «языческий недруг», как отзы-

* Выдающийся древнерусский эпос «Слово о полку Игореве» описывает неудачный поход русских против половцев.

вается о них автор «Повести временных лет», получил у русских название «половцы», у византийцев — «команы», у венгров — «куны», у родственников им самим тюрок — «кипчаки». Они властвовали в степях до самой Венгрии с конца XI до XIII в., когда их обратило в бегство монгольское нашествие*. Несколько раз они воевали с Византией. Другая ветвь гуззов, именуемая «сельджуками» (название происходит от их правящей династии), победила в историческом сражении в Манцикерте (1071 г.) византийскую армию и пленила императора Романа IV Диогена. С тех пор византийцы уже не могли помешать тюркам захватить большую часть провинций Малой Азии — сегодняшнюю Турцию — бывших раньше сердцевиной Восточной Римской империи.

Остается лишь гадать, пошла бы история иным путем, если бы Византия не отказалась от своей прежней политики, оправдывавшей себя на протяжении трех предшествующих веков, — от опоры на хазар в отражении мусульманских, тюркских и скандинавских захватчиков. Как бы то ни было, Realpolitik Империи оказалась не очень реалистичной.

7

Темными веками для причерноморских степей стали два столетия владычества команов, равно как монгольский период, поэтому поздняя история ха-

* Значительная часть команов, спасаясь от монголов, получила убежище в Венгрии в 1241 г. и смешалась с местным населением. В Венгрии до сих пор распространена фамилия «Кун».

зар покрыта еще более плотным мраком неизвестности, чем их первые шаги.

Упоминания о хазарском государстве в период его окончательного упадка содержатся, главным образом, в мусульманских источниках; однако, как нам предстоит убедиться, они так неясны, что почти каждое имя, дата и географическое название допускают несколько интерпретаций. Историкам, изголодавшимся по фактам, не остается ничего, кроме выбеленных костей и почти несбыточной надежды, что для них найдется чем поживиться.

В свете сказанного в предыдущих главах складывается впечатление, что решающим событием, ускорившим закат хазарского могущества, стала не победа Святослава, а крещение Владимира. Насколько важна была в действительности эта победа, которую историки девятнадцатого века дружно отождествили с концом хазарского государства? Как мы помним, в древнерусской «Повести временных лет» упоминается только разрушение Саркела, то есть крепости, а не столицы Итиля. Об ограблении и опустошении последнего мы знаем из нескольких арабских источников, так настойчиво указывающих на эти обстоятельства, что их нельзя проигнорировать; однако так и остается невыясненным, кто ограбил столицу. Ибн Хаукаль, главный источник, говорит, что это учинили русы, которые «совершенно разрушили Хазаран, Семендер и Итиль», полагая, как видно, что Хазаран и Итиль — разные города, хотя, как нам извест-

но, то были города-близнецы. Приводимая им дата также отличается от даты падения Саркела в русской летописи, каковое падение Ибн Хаукаль вообще не упоминает, подобно тому, как в «Повести временных лет» не говорится о разрушении Итиля. В связи с этим И. Маркварт предположил, что Итиль пал не от рук русов Святослава, дошедших только до Саркела, а был сметен некоей новой волной викингов. Еще больше усложняет ситуацию другой арабский источник: в тексте Ибн Мискавейха сказано, что в роковом 965 г. на Хазарию обрушились «тюрки». «Тюрками» он мог назвать, как предполагает В. В. Бартольд, тех же русов. Однако точно так же речь могла идти, например, о печенегах. Видимо, сколько ни гадай, мы никогда не узнаем, кто разрушил Итиль.

Но насколько сильно он был разрушен? Наш главный источник, Ибн Хаукаль, сначала называет разрушение Итиля «совершенным», но потом, через несколько лет, пишет, что «Хазаран — по-прежнему центр, где сходятся торговые пути русов». Получается, что слова о «совершенном разрушении» могли быть преувеличением. Это тем более вероятно, что он же говорит о «совершенном разрушении» города Булгар, столицы волжских булгар. Но ущерб, причиненный русами этому городу, не мог быть слишком сильным, так как мы знаем, что в 976–977 гг., всего лет через десять после похода Святослава, там опять чеканилась монета, а в XIII в. Булгар все еще

был крупным городом. Как считает Д. М. Данлоп, «все утверждения, что в X в. русские разрушили Хазарию, восходят к Ибн-Хаукалю... Ибн-Хаукаль, однако, с не меньшей убежденностью говорит о разрушении Булгара на Средней Волге. Но известно, что ко времени монгольского нашествия в XIII в. Булгар процветал. Может быть, и разрушение Хазарии оказалось временным?» (37; 250).

Очевидно, так оно и было. Хазаран-Итиль, как и все остальные «города» хазар, состоял по большей части из шатров, деревянных построек и «круглых домов» — глинобитных хижин, восстановить которые почти так же легко, как разрушить. Каменными были только общественные здания и дворец кагана.

Тем не менее урон был велик, не случайно сразу несколько арабских источников говорят о временном переселении жителей на каспийское побережье и на острова. Так, Ибн Хаукаль говорит о бегстве хазар от русов из Итиля на один из островков «нефтеносной области» (Баку) и о последующем возвращении в Итиль и Хазаран с помощью мусульманского шаха Ширвана. Это звучит правдоподобно, ибо население Ширвана не питало любви к русам, ранее грабившим их побережье. Другие арабские хронисты, Ибн Мискавейх и Мукаддаси, писавшие позже Ибн Хаукаля, тоже говорят об исходе хазар и об их возвращении назад с помощью мусульман. По словам Ибн Мискавейха, все они, расплачиваясь за помощь, «приняли ислам, кроме их царя». Мукаддаси

предлагает другую версию, не имеющую отношения к вторжению русов: он говорит всего лишь, что обитатели хазарского города уплыли в море и вернулись обращенными в ислам. О степени достоверности его писаний можно судить хотя бы по тому, что он помещает Булгар ближе к Каспийскому морю, чем Итиль, а это все равно что передвинуть Глазго южнее Лондона*.

Как ни сбивчивы и ни пристрастны все эти упоминания, какая-то доля истины в них все же присутствует. Психологический шок, вызванный нашествием, бегство в море и необходимость расплачиваться с мусульманами за их помощь — все это могло привести к сделке, по которой мусульманская община Хазарии получила больше прав в решении государственных дел. Вспоминается подобная сделка с Мерваном двумя веками раньше (см. гл. I, 7), которую заключил сам каган, но она не оставила, впрочем, следа в истории хазар.

Согласно еще одному арабоязычному автору — ал-Бируни, умершему в 1048 г., — в его время Итиль лежал «в развалинах», или, правильнее, снова в развалинах (128; 206). Его опять восстановили, но теперь уже под названием «Саксин»**. Последний неоднократно фигурирует в хрониках уже в XII в. как «большой город на Волге, которому нет равных в

* Однако это не помешало В. В. Бартольд у назвать его «одним из величайших географов всех времен» (37; 245).

** Есть основания предполагать, что Саксин вырос на месте Хазарана-Итиля или неподалеку, а название представляет собой измененное старое название «Саррисин» (37; 248).

Туркестане» (Ахмат Туси, XII в.; цит. по 128; 205); согласно одному из источников, город этот погиб при наводнении. Еще через сто лет на его месте выстроил свою столицу монгольский правитель Бату (37; 249).

Суммируя сведения о катастрофе 965 г., содержащиеся в древнерусской «Повести временных лет» и арабских источниках, мы можем заключить, что Итиль был разрушен (неизвестно, в какой степени) при набегах русов или других захватчиков, но потом восстановлен. Хазарское государство вышло из этого испытания крайне ослабленным. Однако нет сомнений, что в сильно сузившихся границах оно продержалось еще как минимум двести лет, то есть до середины XII в., а возможно — хотя и более сомнительно — до середины XIII в.

8

Первые неарабские упоминания Хазарии после трагического 965 г. содержатся в путевых заметках Ибрагима ибн Якуба, испанского посланника к Оттону Великому: предположительно в 973 г. он отзываясь о хазарах как о процветающем народе (12; IV; 174).

Следующим в хронологическом порядке является упоминание в древнерусской «Повести временных лет» неудачной попытки иудеев из Хазарии, прибывших в Киев в 986 г., обратиться к князю Владимиру в иудаизм.

XI в. начинается уже упоминавшейся совместной кампанией византийцев и русов в 1016 г. против Хазарии, когда эта страна снова была побеждена. Об этом событии сообщает весьма надежный источник — византийский хронист XII в. Кедрин (37; 251). Для победы над каганатом потребовались немалые силы: Кедрин пишет о византийском флоте и целой армии русов. Хазары, судя по всему, не были пассивными жертвами: сказались то ли тюркские этнические корни, то ли вера Моисея, то ли то и другое, вместе взятое. Победенного хазарского правителя Кедрин именует Георгием Цулом. «Георгий» — христианское имя; как известно из ранних свидетельств, в армии кагана были и христиане, и мусульмане.

Следующее упоминание хазар — лаконичная запись в древнерусской «Повести временных лет» за 1023 г., согласно которой «пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами»*. Мстислав был князем недолговечного княжества Тмутараканского с центром в хазарском городе Таматарха (ныне Тамань) на восточном берегу Керченского пролива. Это, как уже говорилось, была единственная хазарская территория, занятая русами после их победы в 965 г. Хазары в войске Мстислава были, видимо, местными жителями, поставленными русским князем под свои знамена.

Еще через семь лет (в 1030 г.) хазарская армия якобы отразила курдское вторжение, уничтожив де-

* Касоги, или кашаки, — кавказское племя, подчинявшееся хазарам; об их родстве с казаками можно лишь гадать.

сять тысяч противников и захватив много скарба. Это можно было бы считать еще одним свидетельством выживания хазарского государства, если бы этому сообщению можно было верить. К сожалению, оно содержится в одном-единственном арабском источнике XIII в., у Ибн ал-Асира, считающегося не слишком достоверным.

Продвигаясь в нашей хронологии дальше и не пренебрегая никакими фактами, мы наталкиваемся на любопытный рассказ о малоизвестном христианском святом, Евстратии. Примерно в 1100 г. он находился в плену в крымском Херсоне, где с ним дурно обращался «хозяин-еврей», навязывавший ему ритуальную пасхальную трапезу (12; IV; 192). Принимать на веру злоключения Евстратия не приходится (считается, например, что он живым провисел, распятый, на кресте пятнадцать дней), однако обращает на себя внимание сильное еврейское влияние в городе, номинально принадлежавшем христианам, который византийцы пытались отобрать у хазар и который был захвачен Владимиром, но позднее, в 990 г., был возвращен Византии.

Сильны они были и в Тмутаракани. В русской летописи не очень внятно говорится, что в 1079 г. «Олега Святославича хазары, захватив, отправили за море, в Царьград». Видимо, византийцы по своему обыкновению интриговали, поддерживая одного из русских князей в его борьбе с конкурентами. Но для нас важно то, что хазары сохраняли влияние в русском городе, раз смогли захватить и отправить в дальний

путь русского князя. Спустя четыре года Олег, договорившись с византийцами, получил разрешение вернуться в Тмутаракань, где он «перебил хазар, причастных к убийству брата его и умышлявших против него самого». Брат его был в действительности убит кипчаками в тот же год, когда хазары захватили Олега. Не они ли стояли за этим убийством? Или они стали жертвами интриганов-византийцев, натравливавших друг на друга русов и хазар? Так или иначе, близится конец XI в., а хазары по-прежнему не сходят со сцены.

Спустя несколько лет, в 1106 г., согласно лаконичному упоминанию в русской «Повести временных лет», половцы, т. е. команы, совершили набег на «Заречьск» (окрестности Киева). Русский князь отрядил за ними погоню под командованием трех воевод: Яна, Путяти и «хазара Ивана». Это последнее упоминание хазар в «Повести временных лет», заканчивающейся 1116 г.

Но во второй половине XII в. два персидских поэта — Хакани (примерно 1106–1190 гг.) и более известный Низами Гянджеви (примерно 1141–1203 гг.) упомянули в своих эпических произведениях совместное русско-хазарское нашествие на Ширван, происшедшее при их жизни. Хотя это и поэтические свидетельства, их можно принимать всерьез, поскольку оба большую часть жизни прослужили чиновниками на Кавказе и отлично знали кавказские племена. Хакани рассказывает о «хазарах из Дербента» и об

ущелье, служащем проходом с Кавказа к Черному морю, через которое хазары совершали в добрые старые времена (VII в.) набеги на Грузию, прежде чем перешли к оседлому образу жизни. Уж не вернулись ли они под конец к кочевым привычкам юности народа?

После (хотя не исключено, что до) этих персидских свидетельств остаются только короткие и сердитые замечания знаменитого еврейского путешественника раввина Петахии из Германии, которые мы уже цитировали (гл. II, 8). Помнится, его так удручила талмудическая безграмотность крымских иудеев-хазар, что, пересекая собственно Хазарию, он уже ничего не слышал, кроме женского плача и собачьего лая. Что это — всего лишь гипербола, порожденная острым неудовольствием, или описание фактического состояния территории после недавнего набега команов? Путешествовал Петахия примерно между 1170 и 1185 гг.; близился к концу XII в., и владыками степи стали кипчаки.

С началом XIII в. тьма еще больше сгущается, и даже наши скудные источники почти полностью иссякают. Впрочем, существует еще одно свидетельство, принадлежащее выдающемуся очевидцу. Речь идет о последнем упоминании хазар как народа, датируемом 1245–1247 гг. К этому времени монголы уже изгнали команов из Евразии и образовали величайшую империю кочевников, какую только знал мир, простиравшаяся от Венгрии до Китая.

В 1245 г. папа Иннокентий IV отправил посольство к Бату, внуку Чингисхана, правителю западной части Монгольской империи, чтобы исследовать возможности сотрудничества с новой силой общемирового масштаба, а также, несомненно, добыть сведения о ее военной мощи. Главой миссии был шестидесятилетний францисканец Иоанн де Плано Карпини. Он был современником и учеником святого Франциска Ассизского и при этом опытным путешественником и дипломатом Святой Церкви, занимавшим высокий пост в церковной иерархии. Посольство выехало на Пасху 1245 г. из Кельна, проехало Германию, переправилось через Днепр и Дон и годом позже достигло столицы Бату и его Золотой Орды в дельте Волги, города Сарай-Бату (прежде Саксин, еще раньше — Итиль).

Вернувшись на Запад, брат Иоанн де Плано Карпини написал знаменитый труд «*Historia Mongolorum*». Помимо огромного количества исторических, этнографических и военных сведений, он содержит список народов, обитающих в областях, через которые проезжало посольство. Перечисляя народы Северного Кавказа, автор упоминает, наряду с аланами и черкесами, «хазар, исповедующих иудейскую религию». Перед нами, как уже говорилось, последнее упоминание хазар, перед тем как окончательно опустился занавес истории.

Однако память о них не стиралась еще долго. Генуэзские и венецианские купцы упорно называли

Крым «Газарией» — слово, встречающееся в итальянских документах вплоть до XVI в. К тому времени оно, правда, превратилось всего лишь в географическое название, плохо различимый след исчезнувшего народа.

9

Однако даже после того, как политическое могущество иудеев-хазар иссякло, их влияние продолжало ощущаться самым неожиданным образом в судьбах различных народов.

Обратимся к истории турок-сельджуков, основателей исламской Турции. К концу X в. это ответвление гуззов откочевало к югу, в окрестности Бухары, откуда впоследствии вторглось в византийскую Малую Азию и захватило ее. Прямого отношения к нашей истории сельджуки не имеют, зато имеют косвенное, поскольку великая Сельджукская династия была, как кажется, тесно связана с хазарами. Об этом сообщает Бар Гебрей (1226–1286), один из крупнейших сирийских писателей и ученых; как видно из его имени, он происходил из иудеев, но перешел в христианство и уже в возрасте двадцати лет был посвящен в епископы.

Бар Гебрей сообщает, что отец Сельджука Тукак был полководцем в войске хазарского кагана и что после его смерти сам Сельджук, основатель династии, воспитывался при дворе кагана. Но необузданный юноша был непочтителен с каганом и вызвал

гнев хатун, царицы, в результате чего либо сам уехал, либо был изгнан от двора (37; 260).

Другой источник того же времени, «История Алеппо» Ибн ал-Адима, также сообщает об отце Сельджука, как об «одном из выдающихся тюрок-хазар» (128; 143); третий источник, Ибн Хассул, сообщает, что Сельджук «поранил царя хазар мечом и ударил булавой...» (128; стр. XXVII). Вспоминается двойственное отношение гуззов к хазарам, о котором рассказывал в своих путевых заметках Ибн Фадлан.

Таким образом, сначала хазары и основатели Сельджукской династии были тесно связаны, а потом произошел разрыв. Вызван он был, видимо, переходом сельджуков в ислам (тогда как другие племена гуззов, например команы, так и остались язычниками). Тем не менее и после разрыва хазарско-иудейское влияние оставалось какое-то время преобладающим. Один из четырех сыновей Сельджука был наречен еврейским именем Израиль, а один из внуков — Даудом (Давидом). Д. М. Данлоп, обычно не склонный к необдуманным утверждениям, замечает: «В свете вышесказанного допустимо предположение, что эти имена стали следствием религиозного влияния хазар на главные роды гуззов. „Молитвенный дом“ у гуззов, который упоминает Закарийя ал-Казвини, вполне мог быть синагогой» (37; 261).

Повторим также следом за М. И. Артамоновым, что и у другого ответвления гуззов, команов, встречались еврейские имена. Так, сыновей куманского князя Кобяка звали Исаак и Даниил.

10

Там, где исчерпаны исторические средства, на помощь приходят легенды и фольклор.

Древнерусская «Повесть временных лет» была составлена монахами, поэтому она насыщена религиозными рассуждениями и пространными библейскими экскурсами. Однако параллельно с церковными писаниями, на которые опирается этот документ, киевский период русской истории породил также светскую литературу — так называемые былины, героический эпос или фольклорные песни, посвященные в основном свершениям великих героев и полупоэтических князей. Наиболее известно уже упоминавшееся «Слово о полку Игореве», где повествуется о поражении, нанесенном половцами князю Игорю. Былины передавались из уст в уста и, как утверждает Г. В. Вернадский, «пелись крестьянами в отдаленных деревнях северной России еще в начале XX века» (117; 44).

Разительный контраст эпоса и «Повести временных лет» заключается в том, что в нем прямо не упоминаются ни хазары, ни их страна, а просто говорится о стране евреев («земля жидовская») и о ее жителях («жидовины-богатыри»), властвовавших в сте-

пях и боровшихся с русскими князьями. Один такой эпический герой был, согласно эпосу, гигантом-евреем, пришедшим из «земли жидовской» в степь Цецар под горой Сорочин; только отвага богатыря из дружины князя Владимира, Ильи Муромца, спасла княжеское войско от евреев (93; гл. VII). Эта легенда существует в нескольких версиях, и поиск степи Цецар и горы Сорочин превратился для историков в увлекательную игру. Однако, как подчеркивает А. Н. Поляк, «главное — то, что в глазах русского народа соседняя Хазария в заключительный период ее существования была просто „еврейским государством“, а ее войско — „войском евреев“» (93). Этот взгляд сильно отличается от тенденции арабских хронистов подчеркивать важную роль наемников-мусульман в хазарском войске и пересчитывать итильские мечети (забывая подсчитать синагоги).

Легенды, ходившие среди евреев Запада в Средние века, представляют собой любопытную параллель русским былинам. Еще раз процитируем А. Н. Поляка: «Распространенная еврейская легенда не помнит „хазарского“ царства, а помнит царство „красных евреев“». Вот как это комментирует С. Барон:

«Евреям других стран было лестно, что где-то существует независимое еврейское государство. Народное воображение находило на этом поле чрезвычайно плодородную почву. Подобно тому, как славянский эпос говорит под влиянием библей-

ских тенденций о „евреях“, а не о хазарах, евреи Запада долго еще тешились романтическими баснями о „красных евреях“, возможно, обязанных цветом кожи родству многих хазар с монголами» (12; т. III; 204).

11

Наполовину легендарный, наполовину исторический фольклор, связанный с хазарами, дождался Нового времени и так увлек Бенджамина Дизраэли, что тот написал на этом материале историко-любовный роман «Дивное сказание об Альрое».

В XII в. в Хазарии зародилось мессианское движение, рудиментарная попытка еврейского «крестового» похода с целью завоевания Палестины силой оружия. Инициатором движения выступил хазарский еврей, некий Соломон бен Дуи (или Руи, или Рой), которому помогали его сын Менахем и один писец из Палестины. «Они писали письма всем евреям, ближним и дальним, во всех землях вокруг... Говорили, что пришло время, когда Бог соберет Израиль, народ Свой из всех земель в Иерусалим, священный город, и что Соломон бен Дуи — Элия, а сын его — Мессия»*.

* Основными источниками об этом движении являются: путевые заметки путешественника-еврея Вениамина Тудельского (см. гл. II, 8); враждебный комментарий арабского автора Яхьи ал-Магриби; две рукописи на древнееврейском языке, найденные в Каирской генизе (см. гл. II, 7). Все вместе складывается в противоречивую мозаику; я следовал осторожной интерпретации С. Барона (т. III, с. 204; т. IV, с. 202–204 и прим.).

Призывы эти адресовались, очевидно, еврейским общинам Среднего Востока и вряд ли возымели большое действие, потому что следующий эпизод имел место лишь спустя двадцать лет, когда молодой Менахем назвался Давидом Альроем и принял звание Мессии. Хотя движение зародилось в Хазарии, центр его скоро переместился в Курдистан. Там Давид собрал внушительную военную силу — видимо, из местных евреев, усиленных хазарами, — и завладел стратегической крепостью Амади к северо-востоку от Мосула. Оттуда он, возможно, надеялся пройти до Эдессы, прорваться с боями через Сирию и оказаться в Святой земле.

Вся эта затея была, может быть, и не таким уж донкихотством, как кажется теперь, если учесть постоянные распри между разными мусульманскими армиями и постепенный распад оплотов крестоносцев на Ближнем Востоке. Более того, некоторые мусульманские командиры, по всей видимости, вынашивали план своеобразного еврейского крестового похода против христиан.

Давид определенно зажег в сердцах евреев Среднего Востока горячие мессианские ожидания. Один из его посланцев прибыл в Багдад, где наставлял евреев — возможно, с излишне убедительной экзальтацией — выйти в назначенную ночь на плоские крыши их домов, откуда они на облаках перелетят напрямиком в лагерь мессии. Немалое количество евреев провели ту ночь на крышах в тщетном ожидании волшебного перелета.

Однако раввинская иерархия Багдада, боясь репрессий со стороны властей, враждебно отнеслась к псевдо-Мессии и грозила ему изгнанием. И неудивительно, что вскоре Давид Альрой был убит — видимо, во сне и, как считается, собственным тестем, подкупленным недругами.

Давид остался в народной памяти, так что когда Вениамин Тудельский проезжал через Персию спустя двадцать лет, «он слышал восхищенные рассказы о вожде». Этим культ не ограничился. Существует теория, по которой шестиконечный «щит Давида», красующийся на флаге современного государства Израиль, превратился в национальный символ как раз во время похода Давида Альроя. «Именно тогда, — пишет С. Барон, — как предполагают, шестиконечный „щит Давида“, прежде бывший частью орнамента или магической эмблемой, стал превращаться в главный национально-религиозный символ еврейства. Длительное время используемый вперемежку с пентаграммой и „печатью Соломона“, он с XIII в. приписывался в мистических и этических текстах германского происхождения Давиду, а в 1527 г. появился в Праге на еврейском флаге» (12; т. III).

С. Барон делает, правда, оговорку, что связь между Альроем и шестиконечной звездой «еще требует дальнейшего прояснения и доказательств». Тем не менее мы полностью согласны со словами, которыми С. Барон заканчивает главу о Хазарии:

«Своим пятисотлетним существованием и последующими отголосками в жизни общин Восточной Европы этот заметный эксперимент по еврейскому государственному строительству оказал, несомненно, больше влияния на еврейскую историю, чем мы пока в состоянии представить».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НАСЛЕДИЕ

V ИСХОД

1

Свидетельства, представленные на предыдущих страницах, говорят о том, что вопреки традиционным взглядам, господствовавшим среди историков XIX в., после разгрома русами в 965 г. хазары утратили империю, но сохраняли до XIII в., хоть и в более тесных рубежах, независимость и иудейскую веру. Кажется, они даже вернулись до некоторой степени к прежним хищническим замашкам. С. Барон пишет по этому поводу:

«В целом уменьшившееся хазарское царство выжило. Оно более или менее эффективно оборонялось от недругов до середины XIII в., когда пало жертвой великого монгольского нашествия, начатого Чингисханом. Но даже тогда оно упорно сопротивлялось, пока не сдались все его соседи. Его население было в значительной степени растворено в Золотой Орде,

разместившей центр своей империи на хазарской территории. Но и до, и после изменений, внесенных монгольским вторжением, хазарский ствол пускал побеги в окружающих славянских землях и в итоге способствовал созданию крупных центров еврейства в Восточной Европе» (12; III; 206).

Значит, именно здесь следует искать колыбель самой многочисленной и культурно доминирующей части современного еврейства.

«Побеги», о которых говорит Барон, в действительности начали ветвиться задолго до уничтожения хазарского государства монголами, подобно тому, как древнееврейская нация стала образовывать диаспору задолго до разрушения Иерусалима. Семитские племена с берегов Иордана и тюрко-хазарские племена Поволжья были, разумеется, разделены огромными расстояниями, но у них было по меньшей мере два общих свойства. Те и другие жили в стратегически важных узлах, где пересекались торговые пути, соединявшие Восток и Запад, Север и Юг; это обстоятельство предопределило их превращение в народы торговцев, предприимчивых путешественников, «безродных космополитов», как их окрестила враждебная пропаганда. Одновременно закрытое по отношению к внешним явлениям вероисповедание укрепляло тенденцию держаться друг друга, образовывать собственные общины со своими местами отправления культа, школами, жилыми кварталами, даже гетто (первоначально добровольными) в любом

городе или стране, где они оседали. Это редкое сочетание охоты к перемене мест и «ментальности гетто», усиленное мессианскими ожиданиями и гордыней «избранного народа», было присуще и древним израильтянам, и средневековым хазарам, пусть последние и происходили не от Сима, а от Яфета.

2

Хорошим примером этих явлений служит «хазарская диаспора» в Венгрии.

Как мы помним, задолго до уничтожения кагана-та несколько хазарских племен, известных под названием «кабары», примкнули к мадьярам и откочевали в Венгрию. Позже, в X в., венгерский герцог Таксони призвал на поселение в своих владениях вторую волну хазарских эмигрантов (см. гл. III, 9). Еще через два века, в 1154 г., Иоанн Киннам, византийский хронист, писал о части венгерской армии в Далмации, придерживающейся еврейского Закона (12; III; 212). Возможно, в Римскую эпоху на территории будущей Венгрии могло оказаться какое-то количество «настоящих евреев», но не вызывает сомнений, что большая часть немалой доли современного еврейства вынырнула из миграционных волн хазар-кабар, сыгравших определяющую роль в ранней венгерской истории. Как свидетельствует Константин, страна была первоначально не только двуязычной, но имела даже некое двоецарствие, вариант хазарской системы правления: царь делил власть с главно-

командующим, носившим титул «дьюла» (это по сей день распространенное венгерское имя). Такая система просуществовала до конца X в., когда святой Стефан перешел в католическую веру и победил восстание Дьюла, который был, как того следовало ожидать, хазаром, «державшимся своей веры и отказывающимся стать христианином»*.

Этот эпизод положил конец двоецарствию, но не влиянию хазарско-еврейской общины в Венгрии. Отзвук этого влияния можно расслышать в «Золотой Булле», венгерском эквиваленте «Великой хартии вольностей», изданной в 1222 г. королем Андре II, согласно которой евреям запрещалось выступать в роли чеканщиков монеты, сборщиков налогов и контролеров королевской соляной монополии; надо полагать, до этого многие евреи осуществляли названные привилегированные функции. Однако некоторые залетали и повыше. Так, при короле Андре хранителем доходов королевской казны был граф Тека — еврей хазарского происхождения, богатый землевладелец и, судя по всему, гений финансов и дипломатии. Его подпись красуется на различных мирных договорах и финансовых соглашениях, в том числе на том, которое гарантировало выплату 2000 марок австрийским монархом Леопольдом II венгерскому королю. Трудно не вспомнить об аналогичных функциях при дворе халифа Кордовы, исполнявшихся испанским евреем Хасдаем ибн Шафрутом.

* Anonomi Gesta Hungarorum; цит. по 78; 188 и далее.

Сравнение схожих ситуаций из истории палестинской диаспоры на Западе и хазарской диаспоры на Востоке позволяет легче провести аналогию между ними.

Стоит также упомянуть, что когда взбунтовавшаяся знать вынудила короля Андре подписать скрепя сердце «Золотую Буллу», Тека так и остался при своей должности вопреки духу и букве документа. Королевский казначей исполнял прежние обязанности еще целых 11 лет, пока, зная о папском давлении на короля, не счел за благо подать в отставку и податься в Австрию, где его приняли с распростертыми объятиями. Тем не менее сын короля Андре Бела IV добился от папы разрешения снова призвать его к венгерскому двору. Тека послушно возвратился и погиб во время монгольского вторжения*.

3

Таким образом, хазарское происхождение доминирующего численно и социально элемента в еврейском населении Венгрии в Средние века хорошо документировано. Может показаться, что Венгрия представляет особый случай ввиду давних венгерско-хазарских связей; но на самом деле «прилив» хазар в Венгрию был всего лишь частью массовой миграции из восточных степей на запад, в Восточную и

* Выражаю благодарность миссис Ст. Г. Сондерс, привлечшей мое внимание к истории Теки, которая, судя по всему, не нашла должного отражения в литературе о хазарах. См. «The Universal Jewish Encyclopaedia»; статья «Тека».

Центральную Европу. Хазары — не единственный народ, побеги которого проросли в Венгрии. Так, немалое число печенегов, преследовавших венгров от самого Дона, сами были вынуждены просить разрешения осесть на венгерской территории, когда их изгнали с места команы; последних постигла точно такая же судьба, когда они спустя век, теснимые монголами, получили в количестве 40 тыс. человек «вместе со своими рабами» убежище от венгерского короля Белы (37; 262).

В относительно спокойные времена это движение евразийских народов на Запад почти замирало, но порой превращалось в массовое паническое бегство. Последствия монгольского нашествия, если воспользоваться метафорой, выглядят как последствия землетрясения, обусловленного тектоническим сдвигом. Воины Темучина, именуемого Чингисханом («Покоритель Вселенной»), вырезали население целых городов, дабы другие не оказывали сопротивления; использовали пленников в качестве живого щита; разрушили оросительную систему дельты Волги, которая обеспечивала земли хазар рисом и другими основными продуктами; превратили плодородные степи в «Дикое поле», как позже их назвали русские, — бескрайнее пространство, без земледельцев и пастухов, пересекаемое редкими всадниками-наемниками, спешащими на службу к тому или иному враждующему правителю, или беглыми людьми (94; гл. IX).

«Черная смерть» 1347–1348 гг. ускорила неуклонное сокращение населения в бывшем сердце Хазарии между Кавказом, Доном и Волгой, где культура степняков достигла наивысшего уровня. Там рецидив варварства стал по контрасту более заметным, чем в соседних областях. Барон пишет, что «уничтожение или бегство умелых еврейских земледельцев, ремесленников и торговцев привело к возникновению вакуума, который начал там заполняться лишь сравнительно недавно» (12; III; 206).

Уничтожена была не только Хазария, но и страна волжских булгар, а также последние кавказские твердыни алан и половцев и южные русские княжества, включая Киевское. В период распада Золотой Орды, начавшегося в XIV в., анархия усугубилась, если такое еще было возможно. «Почти во всей европейской степи бегство было единственным выходом для населения, желавшего сохранить жизнь и средства к существованию» (94; гл. IX). Миграция на более безопасные пастбища была длительным процессом, не прерывавшимся на протяжении нескольких веков. Исход хазар был частью общей картины.

Как уже говорилось, этому исходу предшествовало образование хазарских колоний и поселений в различных местах Украины и юга России. В Киеве процветающая еврейская община существовала и до захвата города у хазар русами, и после этого. Схожие колонии имелись в Переяславле и в Чернигове.

Примерно в 1160 г. киевский раввин Моше учился во Франции, а черниговский раввин Абрахам учился в 1181 г. в талмудической школе в Лондоне. В «Слове о полку Игореве» упомянут знаменитый русский поэт Коган — видимо, сочетание слов «коэн» (священник) и «каган» ([94; гл. VII], [12; III; 218 и прим.]). Через некоторое время после разрушения Саркела, названного русами «Белая Вежа», хазары построили город с таким же названием вблизи Чернигова (20).

На Украине и в Польше очень много древних топонимов, происходящих от слов «хазар» и «жид» (еврей): Жидово, Козаржевск, Козара, Козарзов, Жидовска Воля, Жидадице и т. д. Некогда это были, наверное, деревни или временные лагеря хазарско-еврейских переселенцев на запад (цит. по 94). Схожие названия можно найти в Карпатских горах и в Татрах, а также в восточных провинциях Австрии. Даже старые еврейские кладбища в Кракове и Сандомире называются «Кавиори» — слово, имеющее скорее всего хазарско-кабарское происхождение.

Главный маршрут хазарского исхода вел на запад, однако некоторые никуда не двинулись, а остались в Крыму и на Кавказе, где образовали еврейские анклав, сохранившиеся до Нового времени. В древней хазарской твердыне Таматархе (Тамань) на восточном берегу Керченского пролива существовала якобы династия еврейских князей, правившая в XV в. под опекой Генуэзской республики, а позднее —

крымских татар. Последний в династии, князь Захария, вел переговоры с московским князем, приглашавшим Захарию в Москву и предлагавшим привилегии русского боярина в обмен на крещение. Захария отказался, но А. Н. Поляк высказывает предположение, что в иных случаях «восхождение хазарско-еврейских элементов на высокие должности в Московском государстве было, возможно, одним из факторов, приведших к появлению ереси „жидовствующих“ среди русских священников и вельмож в XVI в. и секты „субботников“, соблюдающих Субботу, по-прежнему распространенной среди казаков и крестьян» (94; гл. IX).

Другой рудимент хазарского народа — «горские евреи» на северо-востоке Кавказа, сохранившие обычаи тех давних времен, когда другие их соотечественники подались на запад. Их насчитывается около 8 тысяч, и проживают они по соседству с потомками других древних племен — кипчаков и огузов. Они называют себя «горскими евреями» и пользуются языком татов, заимствованным у другого кавказского племени; больше о них почти ничего не известно*.

Хазарские анклавы сохранились и в Крыму, а также, без сомнения, в других местностях, входивших

* Приведенные выше сведения взяты из статьи А. Н. Книпер «Народы Кавказа» в энциклопедии «Британника», издание 1973 г. [69], опирающейся на новые советские источники. Книга «Долина забытого народа» (George Sava Valley of the Forgotten People, London, 1946) содержит описание якобы имевшего место посещения горских евреев — мелодраматическое, но, увы, лишенное фактической информации.

некогда в состав каганата. Однако все это не более чем исторические курьезы в сравнении с основным потоком хазарской миграции в Польшу и Литву — и с грандиозными проблемами, мучающими в связи с этим историков и антропологов.

4

Области на востоке Центральной Европы, где поселились в относительной безопасности еврейские эмигранты из Хазарии, к концу первого тысячелетия нашей эры только формировали свое политическое лицо.

Примерно в 962 г. несколько славянских племен образовали союз под главенством сильнейшего среди них, полян, ставший ядром польского государства. Получается, что становление польского государства началось примерно тогда же, когда пришло в упадок хазарское (Саркел был разрушен в 965 г.). Показательно, что евреи играют важную роль в одной из ранних польских легенд, относящихся к образованию Польского королевства. В ней рассказано, как союзные племена решили избрать себе короля и остановились на еврее по имени Авраам Проковник (12; III; 217 и прим.). Возможно, это был богатый и образованный хазарский купец, чьим опытом решили воспользоваться обитатели лесной славянской глуши, а возможно, речь идет о вымышленной фигуре; но даже во втором случае напрашивается вывод, что такие евреи пользовались

большим уважением. Так или иначе, Авраам проявил неожиданную скромность и сложил корону в пользу местного крестьянина по имени Пяст, ставшего основателем династии Пястов, правившей Польшей примерно с 962 по 1370 г.

Независимо от того, реальное лицо Авраам Проконник или вымышленное, существует много свидетельств, что еврейские иммигранты из Хазарии приветствовались как ценное дополнение к экономике страны и государственному управлению. Поляки при династии Пястов и их балтийские соседи литовцы быстро расширяли свои границы и остро нуждались в притоке людей для освоения территорий и создания городской цивилизации*. Сначала они поощряли приезд немецких крестьян, горожан и ремесленников, позднее — мигрантов с территорий, занятых Золотой Ордой, включая армян, южных славян и хазар**.

* Начиная с 1386 г. была заключена серия договоров, объединивших два народа в Польском королевстве. Для краткости я буду пользоваться термином «польские евреи», имея в виду обе страны, невзирая на тот факт, что в конце XVIII в. Польша была поделена между Россией, Пруссией и Австрией, а ее жители превратились официально в подданных этих стран. Так называемая «черта оседлости», введенная в имперской России для евреев в 1792 г., совпадала с землями, аннексированными у Польши, а также частично распространялась на Украину. «Черта» не действовала только для некоторых привилегированных категорий евреев, которых по переписи 1897 г. насчитывалось всего 200 тыс., тогда как внутри черты, т. е. на прежней польской территории, евреев набралось около 5 млн.

** Польша и Венгрия тоже ненадолго — в 1241–1242 гг. — подверглись монгольскому нашествию, но оккупированы не были, что и предопределило их дальнейшую историю.

Не все переселения были добровольными. В число переселенцев входили военнопленные, например, крымские татары, которых принуждали возделывать земли литовских и польских землевладельцев в завоеванных южных провинциях (под конец XIV в. княжество Литовское простерлось от Балтийского до Черного моря). Однако уже в XV в. турки-оттоманы, покончив с Византией, двинулись на север, и землевладельцы переселили людей из своих владений в пограничных областях дальше в глубь континента (94; гл. IX).

Среди подвергнутых насильственному переселению было немало количество караимов — последователей иудейской фундаменталистской секты, отвергающей учение раввинов. Согласно традиции, пронесенной караимами вплоть до наших дней, их предки были пригнаны в Польшу великим литовским князем-воином Витольдом в конце XIV в. в качестве военнопленных, захваченных в Солхате (Крым) (94; гл. IX). В пользу этой версии говорит тот факт, что в 1388 г. Витольд даровал хартию прав евреям Троки, так что французский путешественник Гильбер де Ланноа обнаружил там «множество евреев», говоривших не на языке местных жителей и не по-немецки, а на собственном наречии (94; гл. IX). Этот язык был — и остается — тюркским, причем самым близким среди живых языков к *lingua cumanica*, на котором говорили на бывших хазарских территориях во времена Золотой

Орды. По утверждению А. Зайончковского, этот язык по-прежнему остается языком устной речи и религиозного культа в общинах караимов, оставшихся в Троки, Вильне, Паневежисе, Луцке и Галиче (94; гл. IX). Сами караимы утверждают, что до Великой эпидемии 1710 г. в Польше и Литве насчитывалось от 32 до 37 их общин.

Свой древний диалект они называют «язык кедар»; помнится, в XII в. раввин называл их земли к северу от Черного моря «землей Кедар». Кстати, то, что он про них рассказывал, — сидение всю субботу в темноте, игнорирование учения раввинов — соответствует нравам секты. А. Зайончковский, крупный современный тюрколог, вообще считает караимов самыми близкими сегодняшними родственниками древних хазар с лингвистической точки зрения (125; см. по 35; 212). О причинах сохранения этой общины ее древнего языка на протяжении пятисот лет, хотя основная часть иудеев-хазар отказалась от него в пользу идиша, речь впереди.

5

Польское королевство с самого начала, еще при династии Пястов, приняв католичество, стало ориентироваться на Запад. Однако по сравнению с западными соседями это была отсталая в культурном и экономическом отношении страна. Отсюда политика привлечения иммигрантов — немцев с запада, армян и евреев-хазар с востока — и всяческие послаб-

ления для них, вплоть до королевских хартий, подробно описывавших их обязанности и особые привилегии.

По Хартии, изданной Болеславом Благочестивым в 1264 г. и подтвержденной Казимиром Великим в 1334 г., евреи получили право иметь свои синагоги, школы и суды; владеть земельной собственностью и заниматься любой торговлей и деятельностью по своему выбору. При правлении короля Стефана Батория (1575–1586) евреи получили собственный парламент, заседавший дважды в год и обладавший властью обкладывать единоверцев налогами. В истории хазарских иудеев, потерявших страну, открылась новая глава.

Яркой иллюстрацией их привилегированного положения может служить краткое послание, выпущенное во второй половине XIII в., предположительно папой Клементом IV, и адресованное неназванному польскому принцу. В этом документе папа доводит до сведения адресата, что римское священство осведомлено о существовании в нескольких польских городах большого количества синагог — не менее пяти на один город*. Папа сожалеет о том, что синагоги эти, как сообщают, выше костелов, величественнее и наряднее их, крыты цветной черепицей и затмевают соседние католические храмы. (Вспоминается ликование Масуди по поводу того, что главная мечеть Итиля выше всех остальных зданий города.)

* Видимо, Вроцлав или Краков.

Недовольный тон папского послания подкрепляется также решением, принятым в 1267 г. папским легатом кардиналом Гвидо, согласно которому у евреев могла быть всего одна синагога на город.

Из этих документов, соответствующих по времени монгольскому завоеванию Хазарии, мы узнаем, что уже в то время в Польше было много хазар, недаром в некоторых городах они построили по несколько синагог; понятно, что эти люди процветали, иначе их синагоги не были бы «величественными и нарядными». Логично в связи с этим задаться вопросом о возможной численности и составе хазарской эмиграции в Польшу.

Достоверной информации о численности нет. Мы помним, что в арабских источниках говорилось о хазарских армиях в три сотни тысяч человек, участвовавших в мусульманско-хазарских войнах (глава I, 7); даже если сделать скидку на их склонность к сильным преувеличениям, придется предположить, что в Хазарии жило никак не меньше полумиллиона душ. Ибн Фадлан говорил о 50 тысячах шатров волжских булгар, что дает население в 300–400 тыс. человек — примерно тот же порядок цифр, что у хазар. С другой стороны, количество евреев в Польско-Литовском королевстве в XVII в. также оценивается современными историками примерно в 500 тыс. человек (или 5 процентов всего населения) (118; 278). Эти цифры не противоречат известным фактам о длительной хазарской миграции через Украину в

Польшу и Литву, начавшейся после разрушения Саркела и возвышения польской династии Пястов в конце первого тысячелетия н. э., ускорившейся из-за монгольского завоевания и более или менее завершившейся в XV–XVI вв., когда Степь опустела, а хазары, по-видимому, были сметены с лица земли*. Весь процесс переселения занял пять-шесть веков и проходил то масштабно, то очень медленно. Если принять во внимание значительный приток еврейских беженцев в Хазарию из Византии и из мусульманского мира и некоторый естественный прирост численности самих хазар, то можно предположить, что численность хазарского населения в пиковый период, в VIII в., была сопоставима с численностью евреев в Польше в XVII в. — во всяком случае, примерно, с точностью до нескольких сот тысяч, простительной при нашей слабой осведомленности.

В этой арифметике таится ирония. Согласно статье «Статистика» из «Еврейской энциклопедии», в XVI в. все еврейское население мира составляло около миллиона. Из этого как будто следует, как указывают А. Н. Поляк, Г. Ф. Кучера и другие, что в Средние века большинство исповедовавших иудейскую религию были хазарами. Значительная часть этого большинства перебралась в Польшу, Литву, Венгрию и на Балканы, где образовала восточное еврейское

* Последние из древних хазарских деревень на Днепре были уничтожены во время казачьего восстания под руководством Хмельницкого в XVII в.; уцелевшие люди дополнили собой уже существующее еврейское население Польши и Литвы.

сообщество, которое, в свою очередь, дало подавляющее большинство мирового еврейства. Даже если первоначальное ядро этого сообщества было разбавлено и наращено иммигрантами из других областей (см. ниже), гипотеза о хазарско-тюркском происхождении его главных корней опирается на серьезные свидетельства и по крайней мере заслуживает внимания и серьезного обсуждения.

Дополнительные причины присвоения лидирующей роли в росте и развитии еврейской общины в Польше и в других частях Восточной Европы хазарским элементом, а не иммигрантами с Запада, будут обсуждены в последующих главах. Пока же процитируем польского историка Адама Ветулани (курсив мой):

«Польские ученые согласны, что эти старейшие поселения были образованы эмигрантами из хазарского государства и из России, а евреи из Южной и Западной Европы стали прибывать и селиться позднее... и что по крайней мере некоторая часть еврейского населения (*а раньше — основная часть*) происходила с востока, из страны хазар, а позднее из Киевской Руси» (118; 274).

6

До сих пор речь шла о численности. Но что известно о социальной структуре и составе хазарской иммигрантской общины?

Первое, что бросается в глаза, — это удивительное сходство в привилегированном положении хазарских евреев в Венгрии и в Польше в ранний период. И в венгерских, и в польских источниках о евреях говорится как о чеканщиках монет, управляющих доходами королевской казны, контролерах соляной монополии, сборщиках налогов и «ростовщиках», то есть банкирах. Эта параллель заставляет предположить, что две иммигрантские общины имели общее происхождение; а поскольку мы можем проследить происхождение основной части венгерского еврейства от мадыро-хазарского ядра, вывод напрашивается сам собой.

Ранние свидетельства высвечивают роль, которую играли еврей-иммигранты в зарождающейся экономической жизни обеих стран. Роль эта была важной, что неудивительно, поскольку внешняя торговля и сбор таможенных пошлин были в прошлом основным источником доходов самих хазар. Они обладали опытом, который отсутствовал у их новых господ, поэтому вполне логично, что им предложили помогать советами и участием в управлении финансами двора и знати. Монеты с надписями по-польски, но еврейскими буквами, отчеканенные в XII–XIII вв. (см. главу II, 1), — неожиданные реликты этой деятельности. Загадочным остается их назначение. На некоторых красуется имя короля (Лешек, Мешко), на других значится: «Из дома Абрахама бен Йозефа, князя» (видимо, самого чеканщика-

банкира), на некоторых — благословение: «Удачи» и т. д. Показательно, что современные венгерские историки также говорят о практике чеканки монет из серебра, поставлявшегося евреями ([118; 267–278], [12; III; 218 и прим.], [943; гл. IX]).

Однако — в отличие от Западной Европы — финансы и торговля были далеко не единственными сферами деятельности евреев. Некоторые богатые эмигранты становились в Польше землевладельцами, как стал им Тека в Венгрии; сообщается, например, о целой деревне еврейских крестьян, работавших на собственной земле под Вроцлавом до 1203 г. (12; III; 219); первоначально крестьян-хазар было, наверное, больше, как на то указывают древние хазарские топонимы.

Ярким примером того, как могли появляться такие деревни, служат уже упоминавшиеся караимские записи: в них говорится, как князь Витольд поселил группу военнопленных-караимов в «Красне», дав им дома, сады и поля на расстоянии в полторы мили («Красну» пытаются идентифицировать с маленьким еврейским городком Красная в Подолье) (94; гл. VII).

Однако будущее еврейской общины было не в земледелии. Причин тому немало. Становление феодализма в XIV в. постепенно превратило крестьян Польши в крепостных, которым запрещалось покидать свои деревни и вообще помышлять о свободе передвижения. В то же время под совместным давлени-

ем церковной иерархии и феодалов-землевладельцев в 1496 г. польский сейм запретил евреям приобретать сельскохозяйственные земли. Но процесс отчуждения от земли начался, по всей видимости, гораздо раньше. Помимо упомянутых специфических причин — религиозной дискриминации в сочетании с закрепощением свободных крестьян — превращение преимущественно земледельческого народа хазар в городское население было явлением, знакомым по истории всех миграционных процессов. Сталкиваясь с новыми климатическими условиями и методами земледелия, с одной стороны, и видя, с другой, неожиданные возможности улучшить свою жизнь, обеспечиваемые городской цивилизацией, иммигранты за несколько поколений полностью меняют сферу занятости. Потомки крестьян из итальянской Аbruццо становились в Новом Свете официантами и открывали свои ресторанчики, а внуки польских крестьян служат полицейскими, инженерами и психоаналитиками*.

Однако превращение хазарского еврейства в польское не привело к резкому разрыву с прошлым и к утрате идентификации. То был постепенный, органичный процесс перемен, при котором — как убедительно показал А. Н. Поляк — в новой стране сохранились некоторые жизненно важные традиции хазарской общественной жизни. Произошло это

* Противоположный процесс — переход колонистов к возделыванию девственных земель — наблюдается при миграции из более развитых областей в менее развитые.

благодаря появлению общественной структуры или образа жизни, который не имеет аналогов в других областях Диаспоры, — еврейского городка, «айара» по-древнееврейски, «штетл» на идиш, «местечко» по-польски. Все это уменьшительно-пренебрежительные обозначения, которые, впрочем, не обязательно подразумевают малые размеры (некоторые были достаточно велики), а, скорее, ограниченность прав муниципального самоуправления.

Местечко не следует путать с гетто. Последнее представляло собой улицу или квартал, где евреи были вынуждены тесниться, не расселяясь по остальному городу, среди иноверцев. Со второй половины XVI в. в таких условиях евреи проживали повсюду в христианском и почти повсюду — в мусульманском мире. Гетто окружали стены, ворота в которых запирались на ночь. Внутри гетто у людей развивалась клаустрофобия и ограниченность мышления, зато в беспокойные времена стены обеспечивали кое-какую защиту. Из-за ограниченности площади дома росли вверх, постоянная скученность порождала антисанитарию. Людям, жившим в таких условиях, требовалась большая духовная сила, чтобы сохранить самоуважение. Удавалось это не всем.

Местечко было совсем другим типом поселения, существовавшим, как уже говорилось, только в польско-литовской Речи Посполитой, и больше нигде в мире. Оно представляло собой изолированный городок с исключительно или преимущественно еврейским на-

селением. Зародилось «местечко», видимо, еще в XIII в., поэтому его можно считать недостающим звеном между рыночными городами Хазарии и еврейскими поселениями Польши.

Экономические и социальные функции этих наполовину сельских, наполовину городских агломераций были, видимо, одинаковыми в обеих странах. В Хазарии, как впоследствии в Польше, они представляли собой систему торговых факторий или рыночных центров, обеспечивавших контакт между большими городами с их нуждами и селом. Там регулярно проводились ярмарки, где продавался и обменивался мелкий и крупный рогатый скот, а также городская продукция; одновременно там трудились и торговали своими изделиями колесные мастера, бондари, кузнецы, серебряных дел мастера, портные, кошерные мясники, мельники, хлебопеки, торговцы свечами. Здесь же находились писари, обслуживавшие неграмотных, синагоги для верующих, гостиницы для путешественников, хедер — «комната» на древнееврейском, то есть школа. Добавьте к этому бродячих рассказчиков и певцов (некоторые имена, как, например, Велвел Збарзер, сохранились в истории)*, бродивших от местечка к местечку в Польше, а до того, несомненно, и в Хазарии, если судить по здравствующим до сих пор на Востоке бродячим рассказчикам.

Некоторые виды деятельности вообще стали в Польше чисто еврейскими. К ним относилась тор-

* Enc. Brit., издание 1973, статья «Еврейская литература».

говля лесом, в связи с чем вспоминается, что дерево было главным строительным материалом и важной статьей экспорта в Хазарии; то же самое можно сказать о транспорте. «Густая сеть местечек, — пишет А. Н. Поляк (94; гл. III), — позволяла целое столетие распространять изделия по всей стране на превосходных еврейских конных бричках. Доминирование этого вида транспорта, особенно на востоке страны, было настолько очевидным, что еврейское обозначение повозки, „ба-ал агалах“, перешло в русский язык как „балагол“. Занятие это пришло в упадок только с появлением во второй половине XIX в. железных дорог».

Такая специализация не могла, конечно, развиваться в замкнутых гетто западного еврейства и носит несомненные хазарские черты. Жители гетто были сугубо оседлыми людьми, тогда как хазары, как все полукочевые народы, использовали повозки, запряженные лошадьми или быками, для перевозки палаток и скарба, включая царские шатры размером с цирк-шапито, где помещались сотни людей. У этих людей была смекалка, позволявшая осваивать самые трудные дороги новой страны.

Другим специфически еврейским занятием было содержание постоянных дворов, мельничное дело и меховая торговля — ничего этого в гетто Западной Европы не было.

Такова, в общих чертах, структура еврейского местечка в Польше. Кое-что в этом же роде можно

встретить в любом старом рыночном городке любой страны, но есть и более тонкие совпадения с тем, что мы знаем — хотя знаем мы мало, — о городской жизни в Хазарии, послужившей, видимо, прототипом для польского местечка.

К этим специфическим свойствам следует добавить сходство с пагодами, отличающее старейшие из сохранившихся в местечках деревянных синагог XV–XVI вв., совершенно чуждое и местной архитектуре, и стилю строительства, перенятому евреями Запада и затем воспроизведенному в польских гетто. Внутреннее убранство старейших синагог в местечках тоже очень сильно отличается от стиля, сложившегося в гетто Запада; стены местечковых синагог были покрыты арабесками и изображениями зверей, вызывающими в памяти и персидское влияние, ощущающееся в венгерско-хазарских изделиях (см. гл. I, 13), и декоративный стиль, принесенный в Польшу армянскими иммигрантами (94; гл. III).

Традиционная одежда польских евреев тоже имеет безусловно восточное происхождение. Типичный длинный шелковый кафтан имитирует, наверное, одеяние польского шляхтича, которое, в свою очередь, скопировано с наряда монголов в период Золотой Орды — мода путешествует, игнорируя политические границы; но известно, что кафтаны носили задолго до этого степные кочевники. Тюбетейку (ермолку) носят по сей день ортодоксальные евреи, а также узбеки и другие тюркские народы Средней

Азии. Поверх ермолки мужчины надевали штримель — особую круглую шапку с лисьим мехом, скопированную хазарами у казаков — или наоборот. Как уже говорилось, торговля лисьим и собольим мехом, процветавшая в Хазарии, превратилась в Польше в настоящую еврейскую монополию. Женщины носили до середины XIX в. высокий белый тюрбан — точную копию головного убора казашек и туркменских женщин (94; гл. III). (Ныне ортодоксальные еврейки вместо тюрбана вынуждены носить парики из собственных волос, которые они сбывают при замужестве.)

В этом контексте стоит упомянуть — но уже с меньшей уверенностью — странную приверженность польских евреев к фаршированной рыбе; это национальное блюдо было перенято у них поляками. Есть даже поговорка: «Без рыбы нет субботы». Не дальний ли это отголосок жизни на Каспии, где рыба служила главной пищей?

Жизнь местечка описывается в еврейской литературе и фольклоре с романтической ностальгией. В современном исследовании местечковых традиций можно прочесть о веселом праздновании Субботы:

«Где бы человек ни оказался, он постарается вовремя добраться до дому, чтобы встретить Субботу со своей семьей. Коробейник, переходящий из деревни в деревню, бродячий портной, сапожник — любой

из сил выбьется, но попадет домой в пятницу вечером до заката.

А на улицах местечка тем временем раздаются крики шаммеса: „Евреи, в баню!“. Шаммес служит в синагоге, это что-то среднее между дьячком и сторожем. Он обращается к евреям не только от своего имени, ибо напоминает о соблюдении заповеди» (126; 41).

Выразительнее всего изображена местечковая жизнь — сюрреалистическая смесь фактов и фантазий — на картинах и литографиях Марка Шагала, на которых библейские символы соседствуют с бородатым возчиком, размахивающим кнутом, и с задумчивым раввином в кафтане и ермолке.

То было странное существование, предопределенное странным происхождением. Некоторые наиболее старые городки были, вероятно, основаны военнопленными — как Троки, заложенный караимами, — поселенными польской и литовской знатью на пустующих землях. Однако большая часть этих поселений появилась в результате массовой миграции с «Дикого поля», превращавшегося в пустыню. «После монгольского завоевания, — пишет Поляк, — когда переносили на запад свои деревни славяне, с ними перемещались и хазарские местечки» (94; гл. III). Пионерами новых поселений были, наверное, богатые хазарские торговцы, постоянно пересекавшие Польшу по наезженным торговым путям в направ-

лении Венгрии. «Мадьярская и кабарская миграция в Венгрию проложила дорогу для селившихся в Польше хазар: она превратила Польшу в транзитную зону между двумя странами с еврейскими общинами» (94; гл. VII). Поэтому купцы-путешественники были знакомы с условиями в областях будущего расселения и имели возможность установить связь с землевладельцами, заинтересованными в поселенцах. «Землевладелец заключал соглашение с такими богатыми и уважаемыми евреями (вспомним Авраама Проковника), которые изъявляли готовность поселиться в его имении и привести с собой новых поселенцев. А те, как правило, выбирали людей из своих родных мест» (94; гл. III). Среди колонистов были земледельцы и ремесленники, способные образовывать автономные сообщества. Так хазарский населенный пункт, перенесенный в Польшу, стал местечком. Земледелие постепенно, по мере привыкания к новым условиям, предавалось забвению.

Таким образом, ядро современного еврейства следовало старому рецепту: стремись к новым горизонтам, но не отрывайся от своих.

VI ОТКУДА?

1

Из нашего исследования вытекают два основных факта: исчезновение хазарского народа из региона, бывшего его историческим ареалом, и одновременное появление в соседней области, на северо-западе, крупнейшего средоточия евреев со времени начала Диаспоры. Эти два факта находятся в тесной взаимосвязи, поэтому историки согласны, что иммиграция из Хазарии способствовала, видимо, подъему польского еврейства — вывод, в пользу которого говорят свидетельства из предшествующих глав. Однако есть разногласия по поводу масштаба этого влияния: объема хазарской иммиграции в сравнении с притоком западных евреев и их удельного веса в образовании современного еврейства.

Иными словами, тот факт, что хазары в немалых количествах эмигрировали в Польшу, сомнений не

вызывает; вопрос в том, приходился ли на их долю основной процент новых поселенцев или они образовали всего лишь их ядро. Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы должны разобраться с объемом иммиграции «настоящих евреев» с Запада.

2

К концу первого тысячелетия н. э. больше всего евреев Западной Европы жило во Франции и в Рейнской области*. Некоторые их сообщества возникли еще в эпоху Римской империи, потому что в период между разрушением Иерусалима и упадком Рима евреи поселились во многих крупнейших городах под его владычеством; впоследствии к ним примкнули иммигранты из Италии и Северной Африки. Начиная с IX в. наличие еврейских общин зафиксировано по всей Франции, от Нормандии до Прованса и Средиземноморья.

Одна группа даже переправилась через Ла-Манш, последовав за вторгнувшимися в Англию норманнами, видимо, по приглашению Вильгельма Завоевателя (согласно 121; см. в 12; IV; 277), нуждавшегося в их капитале и предприимчивости**. Их историю обобщает Барон:

* Не считая испанских евреев, которые представляли особую категорию, не участвовавшую в миграционных процессах, о которых мы говорим.

** Согласно классическому исследованию Джозефа Якобса «Евреи в Англии при Анжуйской династии», опиравшегося на еврейские фамилии и другие документы (12; IV; 77).

«Впоследствии они превратились в класс „королевских ростовщиков“, чьей главной функцией было предоставление кредитов для политических и экономических целей. Скопив большие богатства благодаря взиманию высокого процента, эти ростовщики были вынуждены предоставлять их в том или ином виде королевской казне. Длительное благосостояние многих еврейских семейств, роскошь их жилищ и одеяний, их влияние на судьбы общества заставляли даже проницательных наблюдателей закрывать глаза на опасности, кроющиеся в растущем недовольстве должников всех сословий и в усугубляющейся зависимости евреев от протекции их коронованных господ... Недовольное ворчание, вылившееся во вспышки насилия в 1189–1190 гг., предвещало трагический финал — изгнание 1290 г. Головокружительный взлет и еще более стремительное падение английского еврейства всего за два с четвертью столетия (1066–1290 гг.) контрастно высветили фундаментальные факторы, определившие судьбу всего западного еврейства в критически важной первой половине второго тысячелетия нашей эры» (12; IV; 75–76).

Пример Англии показателен, потому что, в отличие от ранней истории еврейских общин на европейском континенте, прекрасно документирован. Основной урок, который можно из него извлечь, состоит в том, что социально-экономическое влия-

ние евреев было несообразно велико, учитывая их скромное количество. Перед изгнанием евреев из Англии в 1290 г. их там насчитывалось в каждый отдельно взятый момент времени не больше 2500 человек. В экономике средневековой Англии эта крохотная еврейская община играла ведущую роль — гораздо большую, чем в Польше, где евреи были куда многочисленнее; однако, в отличие от Польши, в Англии евреи не могли опираться на сеть малых еврейских городов, наполненных скромными мастерами, ремесленниками, возчиками и кабатчиками, то есть не были укоренены в народной гуще. В этом животрепещущем вопросе Англия анжуйских Плантагенетов олицетворяла то, что не могло не случиться позже на всем Западе. Евреев Франции и Германии ждала та же участь, поскольку и там их занятия не отличались разнообразием, что не могло не привести к трагическому результату. Кошмар всегда начинается с «медового месяца», а кончается разрывом и кровопролитием. Сначала евреев повсюду лелеяли, выпускали в их пользу специальные хартии, создавали им привилегии. Они были *personae gratae*, подобно придворным алхимикам, ибо одним им была ведома тайна функционирования экономики. «В раннем Средневековье, — писал Сесил Рот, — торговля в Западной Европе была в основном в руках евреев, не исключая и работоторговлю, а „еврей“ и „торговец“ в записях эпохи Каролингов являются почти синонимами» (104).

Но с ростом класса местных торговцев их постепенно оттесняли не только от самых выгодных занятий, но и от традиционных форм торговли, так что единственной открытой для них сферой осталось одалживание средств под проценты. «Евреи аккумулировали богатства страны, но периодически их выкручивали, как белье, сливая добытое — как воду — в казну...» (104). Прообраз Шейлока сформировался задолго до времен Шекспира.

В дни «медового месяца», в 797 г., Карл Великий отправил прославленное посольство в Багдад, к Харун ар-Рашиду, для переговоров о заключении договора о дружбе; посольство состояло из еврея Исаака и двух знатных христиан. Горький конец наступил через 500 лет, в 1306 г., когда Филипп Красивый изгнал евреев из Французского королевства. Правда, некоторым потом разрешили вернуться, но и они страдали от притеснений, так что к концу XIV в. еврейская община Франции практически прекратила существование*.

3

Переходя к истории германского еврейства, прежде всего необходимо отметить, что «как ни странно, мы не располагаем полной, научной историей германского еврейства... „Germanica Judaica“ — это все-

* Современные еврейские общины Франции и Англии были образованы беглецами от испанской инквизиции в XVI–XVII вв.

го лишь ссылки на исторические источники, проливающие свет на отдельные общины до 1238 г.» (12; VI; 271). Свет довольно-таки тусклый, но позволяющий по крайней мере представить территориальное распределение общин западноевропейского еврейства в Германии в критический период, когда приближалась к своему пику хазарско-еврейская иммиграция в Польшу.

Одно из самых ранних свидетельств существования такой общины в Германии — упоминание некоего Калонима, приехавшего в 906 г. вместе с родней в Майнц из Лукки в Италии. Примерно тогда же заговорили о евреях в Шпайере и Вормсе, чуть позже — в Трире, Меце, Страсбурге, Кельне, то есть в узкой полосе, идущей через Эльзас и по долине Рейна. Еврейский путешественник Вениамин Тудельский (см. гл. II, 8) побывал в этом районе в середине XII в. и записал: «В этих городах много израильтян, людей мудрых и богатых» (12; IV; 73). Но что означает «много»? Как станет ясно чуть позже, совсем чуть-чуть...

Несколько раньше в Майнце проживал некий рабби Гершом бен Иегуда (прим. 960–1030 гг.), заслуживший своей редкой ученостью прозвище «Свет Диаспоры» и пост духовного главы французской и рейнско-германской общины. Примерно в 1020 г. Гершом собрал в Вормсе Совет раввинов, издавший разнообразные эдикты, включая формальный запрет

на многоженство (которое и без того уже давно не практиковалось). К этим эдиктам было приложено дополнение, согласно которому в экстренном случае любое правило могло быть отменено «ассамблеей из ста делегатов из стран — Бургундии, Нормандии, Франции и из городов — Майнц, Шпайер и Вормс». В других раввинских документах этого же периода называются только три последних города, так что позволителен вывод, что другие еврейские общины Рейнской области были в начале XI в. так малы, что даже не заслуживали упоминания (72; 233).

К концу XI в. еврейские общины Германии чуть было не постигло поголовное истребление из-за массовой истерии, сопровождавшей Первый крестовый поход 1096 г. Ф. Баркер живописал умонастроение типичного крестоносца с выразительностью, редко встречающейся на страницах энциклопедии «Британника»:

«Он мог крушить все вокруг себя, утопая по щиколотку в крови, а на закате со слезами умиления преклонить колена у алтаря Гроба Господня — ибо не давящий ли пресс Господа забрызгал его?» (11; 14 изд.; т. IV; 772).

Евреи Рейнской области угодили как раз в этот «давящий пресс» и едва в нем не погибли. Хуже того, их тоже поразила массовая истерия, правда иного свойства, — самоубийственное стремление к мученичеству. По словам еврейского хрониста

Соломона бар Симона, признанного достоверным источником (12; IV; 97), евреи Майнца, столкнувшись с выбором между крещением и смертью от рук толпы, подали пример другим общинам, решившись на коллективное самоубийство (12; IV; 104):

«Подражая готовности Авраама принести в жертву Исаака, отцы убивали детей своих, мужа — жен. Эти сцены неопишемого ужаса и героизма разворачивались в ритуальной форме, с помощью жертвенных ножей, наточенных в соответствии с иудейским законом. Иногда мудрецы общины, наблюдавшие за массовым жертвоприношением, последними расставались с жизнью, накладывая на себя руки... В охватившей всех массовой истерике, освященной желанием религиозного мученичества и надеждой на награду на том свете, ничто не имело смысла, кроме стремления уйти из жизни не от руки безжалостного врага, поэтому неизбежная альтернатива — смерть или принятие христианства — решалась только первым способом».

Переходя от кровопролития к бесстрастной статистике, мы можем приблизительно оценить численность еврейских общин в тогдашней Германии. Еврейские источники дружно называют цифру — 800 жертв (убитых и покончивших с собой) в Вормсе и расходятся от 900 до 1300 в Майнце. Конечно, многие наверняка предпочли смерти крещение, но источники не сообщают число выживших; мы, со сво-

ей стороны, не можем быть уверены, не преувеличивают ли они число павших. Барон делает по собственным подсчетам вывод, что «все еврейское население обоих городов вряд ли превышало цифры, которыми источники исчисляют одних погибших» (12; IV; 105; прим. 292). То есть выжить как в Вормсе, так и в Майнце должно было не больше нескольких сотен человек. А ведь эти два города (плюс Шпайер) были единственными, располагавшими достаточно крупными общинами, чтобы быть включенными в эдикт рабби Гершома!

Иными словами, мы вынуждены признать, что еврейская община в Рейнской области Германии была малочисленной даже до Первого крестового похода, а уж побывав в «Господнем давяльном прессе», уменьшилась еще больше. При этом к востоку от Рейна, в центральной и восточной Германии, тогда еще не появились и долго потом не появлялись еврейские общины. Традиционная концепция еврейских историков, по которой Крестовый поход 1096 г. послужил толчком к массовой миграции евреев из Германии в Польшу, — это всего лишь легенда, вернее, надуманная гипотеза, изобретенная по причине слабого знакомства с историей хазар и невозможности понять, откуда вдруг в Восточной Европе появилось такое количество евреев. Между прочим, источники ни слова не говорят о какой-либо миграции, ни массовой, ни даже слабой, из Рейнской области на восток Германии, не говоря уж о далекой Польше.

Так, Семен Дубнов, один из историков старой школы, пишет: «Первый Крестовый поход, приведший христианские массы в движение и бросивший их в направлении азиатского Востока, одновременно погнал еврейские массы на восток Европы» (36; 427). Тем не менее, всего несколькими строками ниже он вынужден признать: «Мы не располагаем сведениями об обстоятельствах этого эмиграционного движения, сыгравшего столь важную роль в еврейской истории» (36; 428). При этом имеется достаточно сведений о том, что происходило в тех же самых пострадавших еврейских общинах во время Первого и последующих крестовых походов. Некоторые накладывали на себя руки, некоторые пытались сопротивляться и погибли; выжившие обязаны своей удачей тому, что нашли на все опасное время убежище в укрепленном замке епископа, отвечавшего хотя бы теоретически за их безопасность. Часто и это не могло предотвратить расправу; тем не менее уцелевшие, дождавшись спада крестоносной волны, неизменно возвращались в свои разграбленные дома и синагоги, чтобы все начать сначала.

Судя по хроникам, это поведение выстраивалось в систему: так было и в Трире, и в Меце, и во многих других местах. Ко времени Второго и последующих крестовых походов оно уже превратилось в традицию: «В начале волнения из-за нового Крестового

похода многие евреи Майнца, Вормса, Шпайера, Страсбурга, Вюрцбурга и других городов бежали в соседние замки, оставляя свои книги и ценное имущество друзьям из горожан» (12; IV; 129). Одним из главных источников по этим событиям является «Книга памяти» Эфраима бар Якоба, который сам в возрасте 13 лет находился среди людей, бежавших из Кельна в замок Фолкенбург (12; IV; 119). Соломон бар Симон сообщает, что во время Второго крестового похода выжившие евреи Майнца искали защиты в Шпайере, а потом вернулись в родной город и построили там новую синагогу (12; IV; 116). Это складывается в лейтмотив хроник; еще раз повторю, что нигде нет ни слова об эмиграции еврейских общин на восток Германии, которая, по словам Мизеса (83; 275), еще была тогда *Judenrein* — «не загрязнена евреями», каковой и оставалась еще несколько столетий.

4

XIII в. стал периодом короткой передышки. Впервые мы слышим о появлении евреев в районах, соседствующих с Рейнской областью: в Пфальце (1225 г.), Фрайбурге (1230 г.), Ульме (1243 г.), Гейдельберге (1255 г.) и т. д. (83; 275–274). Но спокойствие продлилось недолго: в XIV в. на франко-германское еврейство обрушились новые беды.

Первой катастрофой стало изгнание всех евреев из владений французского короля Филиппа Красивого. Франция страдала от экономического кризиса, сопровождавшегося, как водится, обесцениванием денег и социальными волнениями. Филипп пошел проторенным путем: решил возложить финансовые издержки кризиса на евреев. В 1292 г. он истребовал с них 100 тыс. ливров, в 1295, 1299, 1302 и 1305 гг. — по 215 тыс., а потом решился на радикальный шаг во спасение своих дышащих на ладан финансов. 21 июня 1306 г. он подписал тайный указ арестовать в определенный день всех евреев королевства, конфисковать их собственность, а их самих выдворить из страны. Аресты прошли 22 июля, выдворение — спустя несколько недель. Беглецы подались в области Франции, не относившиеся к домену французского короля: в Прованс, Бургундию, Аквитанию и некоторые другие феодальные владения. Однако, как пишет Мизес, «не существует никаких исторических сведений, что численность германского еврейства увеличилась благодаря страданиям еврейской общины Франции в решающий период ее уничтожения» (83; 273). Ни один историк не осмелился предположить, что французские евреи пересекли Германию и оказались в Польше — ни в тот период, ни когда-либо еще.

При наследниках Филиппа имело место частичное возвращение евреев по зову новых французских

монархов (в 1315 и 1350 гг.), но ни возместить причиненный ущерб, ни предотвратить новые взрывы массового насилия французские короли не смогли. К концу XIV в. Франция стала, как и Англия, Ju-denrein.

5

Второй катастрофой того ужасного столетия стала «Черная смерть», уничтожившая в 1348–1350 гг. треть европейского населения, в некоторых районах — до двух третей. Чума пришла из Азии через Туркестан. То, как она завладела Европой и что наделала там, стало лишним доказательством человеческого безумия. Татарский предводитель Джанибек осаждал в 1347 г. крымский город Каффу (ныне Феодосия), тогда — генуэзский порт. Чума косила воинов Джанибека, а он отправлял при помощи катапульт зараженные трупы за крепостную стену, заражая тем самым осажденное население. Генуэзские корабли доставили крыс вместе со смертоносными блохами на Запад, в порты Средиземноморья, откуда эпидемия двинулась внутрь континента.

Бациллы *Pasteurella pestis* разили всех, не разбираясь в вероисповедании жертв, тем не менее страдающая Европа решила отыгаться на евреях. Раньше их уже обвиняли в ритуальных убийствах христианских младенцев, теперь же их вина состояла в отравлении колодцев с целью распространения «Чер-

ной смерти». Легенда двигалась быстрее крысиного полчища, вследствие чего по всей Европе начались массовые сожжения евреев. Снова получило распространение коллективное самоубийство во избежание сожжения заживо.

Поредевшее население Западной Европы достигло прежнего уровня только в XVI в. Евреев, подвергшихся совместному нападению крыс и двуногих, выжило и того меньше. Как писал Кучера, «чернь мстила им за жестокие удары судьбы, и тех, кого пощадила чума, добили меч и пламя. Когда эпидемия пошла на убыль, в Германии, по свидетельству историков — современников тех событий, практически не осталось евреев. Напрашивается вывод, что в самой Германии евреи никак не могли преуспеть и так и не сумели образовать большие, многолюдные общины. Как же при подобных обстоятельствах они умудрились бы заложить в Польше основу такого плотного населения, что сейчас [1909 г.] оно в десять раз превосходит численностью еврейское население Германии? Действительно, трудно понять, откуда вообще взялась мысль, что восточные евреи являются потомками иммигрантов с Запада, особенно из Германии» (72; 235–236, 241).

И все же Первый крестовый поход и «Черная смерть» чаще всего характеризуются историками как события, создавшие восточное еврейство. Кстати, как и в случае с крестовыми походами, нет аб-

солютно никаких свидетельств, которые помогли бы связать чуму и воображаемый Исход. Наоборот, все указывает на то, что на этот раз, как и раньше, единственная надежда евреев на выживание заключалась в том, чтобы держаться друг друга и искать убежища в укрепленном месте или в менее враждебном населенном пункте неподалеку. В разгар «Черной смерти» зафиксирован единственный случай эмиграции, о котором знает Мизес: евреи из Шпайера спрятались от преследователей в Гейдельберге — примерно в десяти милях от родного городка...

После почти полного искоренения старых еврейских общин во Франции и в Германии при эпидемии «Черной смерти» Западная Европа примерно на два века осталась *Judenrein*, если не считать нескольких крохотных анклавов и Испанию. Евреи, заложившие в XVI–XVII вв. основы современных общин в Англии, Франции и Голландии, — это совершенно другая ветвь, «сефардим» (испанские евреи), вынужденные бежать из Испании, где они прожили больше тысячи лет. Их история, как и история современного европейского еврейства, не относится к теме этой книги.

Короче говоря, у нас есть все основания для вывода, что традиционное представление о массовом исходе западного еврейства из Рейнской области в Польшу через всю Германию — враждебную терри-

торию, не знающую никаких евреев, — исторически несостоятельно. Об этом говорит малочисленность рейнских общин, их нежелание уходить из долины Рейна на восток, их стереотипное поведение в ответ на враждебность нееврейского населения, отсутствие указаний на миграционные процессы в хрониках той эпохи. Подтверждение этой точки зрения предоставляет лингвистика, о чем речь пойдет в главе VII.

VII ВСТРЕЧНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

1

Принимая во внимание доказательства, приведенные в предыдущих главах, легко понять, почему польские историки — которые, в конце концов, оказались ближе всего к пониманию сути проблемы, — согласны, что «в ранний период основное ядро еврейского населения вышло из страны хазар» (118). Существует даже соблазн допустить преувеличение и заявить вслед за Г. Кучерой, что у восточного еврейства стопроцентно хазарское происхождение. Такое утверждение было бы закономерным, если бы горемычная франко-рейнская община была единственной соперницей Хазарии в отстаивании родства. Но в позднем Средневековье ситуация усложнилась: на всей территории бывшей Австро-Венгерской монархии и на Балканах появлялись (а потом

приходили в упадок) еврейские поселения. Значительное еврейское население существовало не только в Вене и в Праге; в одних Каринтийских Альпах не меньше пяти населенных пунктов носят название «Юдендорф», «еврейская деревня», в горах Штирии насчитывается еще больше «Юденбургов» и «Юденштадтов». К концу XV в. евреи были изгнаны из обеих провинций и двинулись в Италию, Польшу и Венгрию; но откуда они туда первоначально пришли? Конечно, не с запада. В своем исследовании этих разрозненных общин М. Мизес пишет:

«В зените Средневековья мы обнаруживаем на востоке россыпь поселений, протянувшуюся от Баварии до самой Персии через Кавказ, Малую Азию и Византию. Но к западу от Баварии разверзлась пустота размером во всю Германию... Нам неизвестно, как проходила иммиграция евреев в альпийские районы, но, без сомнения, свою роль сыграли три крупнейшие со времен поздней античности резервуара еврейства: Италия, Византия и Персия» (83; 291–292).

Недостающим звеном в этом перечне является Хазария, исполнявшая, как мы уже видели, функции постоянного двора для евреев, эмигрировавших из Византии и халифата. М. Мизес заслуживает уважения за разрушение легенды о рейнских корнях восточного еврейства, но и он знал недоста-

точно о хазарской истории и не имел понятия о демографии хазар. Однако он был, возможно, прав, предположив в иммигрантах, осевших в Австрии, итальянский компонент. Италия не только бурлила со времен Римской империи евреями, но и, подобно Хазарии, приняла определенную долю иммигрантов из Византии. Таким образом, мы наткнулись на ручеек «истинных» евреев семитского происхождения, впадавший в восточноевропейский водоем; тем не менее то был всего лишь ручеек, и не более того, поскольку свидетельства крупного переселения итальянских евреев в Австрию отсутствуют, зато нет недостатка в свидетельствах обратного процесса – миграции евреев из Австрии в Италию после их изгнания из альпийских провинций в конце XV в. Подобные детали затемняют общую картину и наводят на тщетную мысль: вот бы евреи прибыли в Польшу на борту «Мэйфлауэр» и сохранили в неприкосновенности бортовой журнал!

Тем не менее общие контуры миграционных процессов различить можно. Альпийские поселения представляли собой, по всей видимости, западные отростки от главного древа хазарской миграции в Польшу, продолжавшейся несколько столетий и протекавшей несколькими самостоятельными маршрутами: через Украину, славянские районы севернее Венгрии, а также, возможно, через Балка-

ны. Существует же в Румынии легенда о вторжении в страну в неустановленное время вооруженных евреев!*

2

Бытовала и другая, не менее любопытная легенда, касающаяся истории австрийского еврейства. Ее запустили в обращение христианские хронисты в Средние века, но потом ее совершенно серьезно подхватили историки начала XVIII в. По этой легенде, в дохристианскую пору в австрийских провинциях правили еврейские князья. Австрийские хроники, сведенные воедино венецианским писцом в правление Альберта III (1350–1395), содержат перечень по меньшей мере двадцати двух таких еврейских князей, якобы сменявших друг друга. В перечне фигурируют не только их имена, часть из которых звучит отчетливо по-урало-алтайски, но также сроки княжения каждого и места захоронения, например: «Сеннан, правил 45 лет, похоронен в Стубенторе в Вене; Зиппан, 43 года, похоронен в Туллне» и т. д., включая такие имена, как Лаптон, Маалон, Раптан, Рабон, Эффра, Самек и др. После этих евреев идут пятеро князей-язычников, далее — христианские правители. Эту легенду повторяет с некоторыми вариациями «История Австрии», написанная в 1474 г. на латыни Хенриком Гунделфингусом; она фигурирует и в нескольких других трудах, включая «Из-

* Jewish Enc. Vol. 10. P. 512.

бренные хроники Австрии» («Flores Chronicorum Austriae») Анселма Шрама (1702 г.), который, кажется, сам в нее верил (43; см. 83; 279).

Как могла возникнуть такая фантастическая басня? Послушаем еще раз М. Мизеса: «Сам факт, что такая легенда могла появиться и продержаться несколько веков, указывает на то, что в глубинах национального самосознания древней Австрии брезжат воспоминания о еврейском присутствии на верхнем Дунае в незапамятные времена. Кто знает — быть может, приливные волны, расходившиеся от хазарских доминионов в Восточной Европе, когда-то докатились до подножия Альп, что могло бы объяснить сильный урало-алтайский привкус княжеских имен. Вымыслы средневековых хронистов могли вызвать народное эхо только в том случае, если опирались на коллективные воспоминания, пусть даже очень смутные» (83; 279).

Как уже говорилось, М. Мизес склонен, скорее, преуменьшать хазарский вклад в еврейскую историю, но даже с этой оговоркой он нащупал единственную жизнеспособную версию, которая могла бы объяснить происхождение живучей легенды. Попробуем разобраться в этом подробнее. На протяжении более чем полувека, до 955 г., Австрия до самой реки Энс на западе находилась под венгерским господством. Мадыяры достигли нового места обитания в 896 г., вместе с кабаро-хазарскими племенами, представлявшими в том этническом конгломе-

рате наиболее влиятельный элемент. Венгры тогда еще не были обращены в христианство (это случилось еще через столетие, в 1000 г.), и единственной известной им монотеистической религией был хазарский иудаизм. Среди них мог быть племенной вождь или несколько вождей, исповедующих примитивный иудаизм, — вспомним византийского хрониста Иоанна Киннама, сообщавшего о еврейских частях в венгерском войске (см. гл. V, 2). Так что легенда может иметь реальную основу, особенно если учесть, что венгры, находившиеся еще в варварском состоянии, были тогда «бичом Европы». Пребывание под их властью должно было стать травмой, которую австрийцы долго вспоминали бы. Все удачно сходится.

3

Другие доводы, опровергающие представление о франко-рейнском происхождении восточного еврейства, содержатся в структуре языка идиш, на котором говорили до Холокоста миллионы людей и который до сих пор жив среди ортодоксальных меньшинств в Советском Союзе и в Соединенных Штатах.

Идиш представляет собой любопытное смешение древнееврейского, средневекового немецкого, славянских и других элементов, записанных еврейскими буквами. Сейчас, когда язык отмирает, он превратился в предмет академического изучения в Соеди-

ненных Штатах и в Израиле. Тем не менее еще недавно, в нашем веке, западные лингвисты считали его всего-навсего жаргоном, недостойным серьезного исследования. Как замечает Г. Смит, «ученые уделяли идишу мало внимания. Если не считать немногочисленных статей в периодических изданиях, первый по-настоящему научный труд с серьезным подходом к этому языку, „Историческая грамматика“, был издан М. Мизесом только в 1924 г. Показательно, что в последнем издании стандартной исторической грамматики немецкого, рассматривающей язык через призму его диалектов, идишу презрительно уделяется всего дюжина строк» (111; 65 и далее).

На первый взгляд преимущественно немецкие заимствования в идише противоречат нашему главному тезису о происхождении восточного еврейства; мы увидим сейчас, что верно обратное, но аргументация подразумевает несколько этапов. Во-первых, надо разобраться, какой именно региональный немецкий диалект вошел в словарь идиша. Никто до М. Мизеса не брался всерьез за эту тему, он же сделал огромное дело: провел исследование и сформулировал исчерпывающий ответ. Изучив словарный состав, фонетику и синтаксис идиша в сопоставлении с главными немецкими диалектами Средневековья, он заключает:

«В языке идиш отсутствуют лингвистические компоненты, относящиеся к немецкому языку из погра-

ничных с Францией районов. Ни единого слова из всего списка специфических слов мозельско-франкского происхождения, составленного Й. А. Балласом (9; 28 и далее), не попало в словарь идиша. Даже центральные районы Западной Германии, расположенные вокруг Франкфурта, не поспособствовали образованию идиша...(83; 211). Западная Германия вообще не принимала участия в его образовании... (83; 269). Не окажется ли, что общепринятое представление, согласно которому немецкие евреи некогда пришли из Франции, перейдя Рейн, ошибочно? История немецких евреев, еврейства ашкенази* должна быть пересмотрена. Ошибки историков часто исправляются лингвистами. Традиционное мнение об иммиграции евреев ашкенази из Франции на восток принадлежит к категории исторических заблуждений, ждущих исправления» (83; 272).

Далее М. Мизес цитирует ряд примеров лингвистических ошибок и, в частности, приводит пример цыган, считавшихся потомками египтян, «пока лингвистика не доказала, что они пришли из Индии» (83; 272).

Разобравшись с якобы западным происхождением немецких элементов идиша, М. Мизес демонстрирует, что доминирующее влияние в нем принадлежит так называемым «восточно-среднегерманским» диалектам, на которых говорили в альпийских

* Об ашкенази см. ниже, VIII, 1.

районах Австрии и Баварии практически до XV в. Иными словами, немецкий компонент, попавший в гибридный еврейский язык, зародился в восточных районах Германии, соседствующих со славянским поясом Восточной Европы.

Мы видим, что данные лингвистики совместно с историческими данными опровергают представление о франко-рейнском происхождении восточного еврейства. Однако здесь еще не содержится ответа на вопрос, каким образом восточно-среднегерманский диалект в сочетании с древнееврейскими и славянскими элементами стал языком восточного еврейства, которое в большинстве своем, как мы показали, имело хазарское происхождение.

Пытаясь ответить на этот вопрос, мы должны учитывать несколько факторов. Во-первых, эволюция идиша была длительным и сложным процессом, начавшимся предположительно в XV в. или даже раньше; тем не менее он долго оставался только разговорным языком, чем-то вроде «смешанного наречия», а письменную форму приобрел только в XIX в. Ранее у языка не существовало кодифицированной грамматики, и «каждый был волен вплетать в свою речь любые иностранные слова. Стандартное произношение и орфография отсутствуют... Хаос в орфографии можно проиллюстрировать правилами, записанными в «Народной еврейской библиотеке»: 1) пиши, как говоришь; 2) пиши так, чтобы тебя поняли и польские, и литовские евреи; 3) пиши по-раз-

ному слова одинакового звучания, но разного значения» (111; 66).

Таким образом, идиш веками развивался совершенно беспрепятственно, жадно впитывая из социального окружения слова, фразы, идиомы, лучше всего соответствовавшие его назначению «смешанного наречия». Однако в культурном и социальном отношении в средневековой Польше доминировали немцы. Только они среди прочих иммигрантов превосходили своим экономическим и интеллектуальным влиянием евреев. Мы уже знаем об этом по временам династии Пястов; особенно ярко это проявилось при Казимире Великом, когда делалось все для привлечения иммигрантов, колонизации земель и строительства «современных» городов. О Казимире говорили, что он «принял страну деревянную, а оставил страну каменную». Но эти новые каменные города, такие как Краков или Львов, были построены немецкими иммигрантами и управлялись ими же, а они руководствовались так называемым Магдебургским правом, предоставлявшим им высокую степень муниципального самоуправления. Считается, что в общей сложности в Польшу переехало не менее 4 миллионов немцев (72; 244), создавших городской средний класс, не существовавший там ранее. Как указал А. Н. Поляк, сравнивая немецкую и хазарскую иммиграцию в Польшу, «правители страны массами ввозили столь необходимых предприимчивых иностранцев и помогали их обустройству в

согласии с привычным по немецкому городу или еврейскому местечку образом жизни». (Однако это не явное разделение стало еще меньше, когда еврейские переселенцы, прибывавшие впоследствии, начали селиться в городах, образуя там свои гетто.)

Не только образованная буржуазия, но и священнослужители были в основном немцами — естественное следствие принятия Польшей римско-католического вероисповедания и поворота к западной цивилизации, подобно тому, как на Руси священники после принятия Владимиром греческого православия были преимущественно византийцами. Светская культура развивалась в том же направлении, по следам более опытного западного соседа. Первый польский университет был создан в 1364 г. в Кракове, тогда преимущественно немецком городе*. Австриец Г. Кучера пишет на эту тему не без высокомерия:

«Немецкие колонисты сперва вызывали в народе подозрение и недоверие; тем не менее им удалось успешно укорениться и даже насадить немецкую систему образования. Поляки научились ценить преимущества более высокой культуры, принесенной немцами, и подражать чужим порядкам. Польская аристократия тоже полюбила немецкие правила и стала находить красоту и удовольствие во всем, что приходило из Германии» (72; 243).

* Одним из студентов этого университета веком позже был Николай Коперник, которого позднее отстаивали друг у друга польские и немецкие патриоты, считая своим соотечественником.

Сказано нескромно, но по существу верно. Вспоминается и высокое уважение к немецкой Kultur среди русских интеллигентов XIX в.

Нетрудно понять, почему хазарская иммиграция, вливавшаяся в средневековую Польшу, была вынуждена учить немецкий — залог преуспевания. Люди, поддерживавшие тесные контакты с местным населением, были, несомненно, вынуждены овладеть азами польского (или литовского, украинского, словенского) языка; однако немецкий был им совершенно необходим для контакта с городом. При этом у них оставались синагога и изучение Торы на древнееврейском. Можно себе представить, как ремесленник из местечка, какой-нибудь сапожник или лесоторговец, обращается на ломаном немецком к заказчику, на ломаном польском к крепостным чужого имения, а дома смешивает наиболее выразительные словечки из обоих этих языков с древнееврейским, изобретая на ходу собственный, приватный язык. Как эта мешанина была обобщена и стандартизована — пускай гадают лингвисты; мы же можем предположить, какие факторы способствовали этому процессу.

Среди более поздних иммигрантов в Польшу присутствовало также, как мы видели, некоторое количество «настоящих» евреев из альпийских областей, из Богемии и с востока Германии. Даже если их было относительно мало, эти немецкоязычные евреи превосходили культурой и ученостью хазар, подобно тому,

как немцы превосходили культурой поляков. По аналогии с немецким католическим клиром, еврейские раввины с Запада выступали мощным фактором германизации хазар, чей иудаизм был ревностным, но примитивным. Снова процитируем А. Н. Поляка:

«Те немецкие евреи, кто добрался до Речи Посполитой, оказывали огромное влияние на своих собратьев с Востока. Причина, по которой [хазарских] евреев так сильно влекло к ним, заключалась в восхищении их религиозной ученостью и умением вести дела с преимущественно немецкими городами... Язык, используемый в религиозной школе, «хедере» и в доме «гевира» (уважаемого, богатого человека), влиял на язык всей общины» (94; гл. IX).

В одном польском раввинском трактате XVII в. высказано благочестивое желание: «Боже, наполни страну мудростью, и пусть все евреи заговорят по-немецки!» (94; гл. IX).

Характерно, что единственным крылом евреев-хазар в Польше, сопротивлявшимся и духовным, и мирским соблазнам, связанным с немецким языком, были караимы, отвергавшие учение раввинов и материальное обогащение. Поэтому они так и не перешли на идиш. Согласно первой общероссийской переписи населения 1897 г., в царской империи (включая, конечно, Польшу) жили 12895 караимов. Из них 9666 называли родным языком «ту-

рецкий» (т. е., предположительно, изначальный хазарский диалект), 2632 говорили по-русски и всего 383 — на идише.

Однако секта караимов представляет собой, скорее, исключение, чем правило. Обычно иммигрантское население в новой стране за два-три поколения расстаётся с родным языком и начинает пользоваться языком новой страны*. В Америке внуки иммигрантов из Восточной Европы вообще не учатся говорить по-польски или по-украински и считают речь своих бабушек и дедушек комичным лепетом. Трудно понять, как историки умудряются игнорировать реальность миграции хазар в Польшу на том лишь основании, что те по прошествии половины тысячелетия перешли на другой язык!

Кстати, потомки библейских Колен Израилевых являют собой классический пример языковой приспособляемости. Сначала они говорили по-древнееврейски, в вавилонском пленении перешли на халдейский (аккадский), при Иисусе пользовались арамейским, в Александрии — греческим, в Испании — арабским, а позднее ладино — смесью испанского и древнееврейского, с еврейской письменностью, служившей у сефардов письмом для идиша. И так далее. Храня верность своей древней религии, они меняли языки так, как им было удобно. Хазары не были

* Это, конечно, не относится к завоевателям и колонизаторам, навязывающим свой язык аборигенам.

потомками библейских Колен, но, как видим, им тоже был присущ космополитизм и другие социальные характеристики единоверцев.

4

А. Н. Поляк предложил еще одну гипотезу относительно ранних корней языка идиш, заслуживающую упоминания, даже при ее проблематичности. Он полагает, что «ранний идиш зародился в готских районах хазарского Крыма. Тамошние условия жизни не могли не вызвать к жизни сочетание германских и еврейских элементов за сотни лет до появления поселений в Польском и Литовском королевствах» (92; гл. IX).

В качестве косвенного довода А. Н. Поляк цитирует Иософата Барбаро из Венеции, жившего в Тане (итальянской торговой колонии в устье Дона) с 1436 по 1452 г. и писавшего, что его немецкий слуга мог беседовать с готом из Крыма, подобно тому, как флорентиец понимает язык итальянца из Генуи. Собственно, готский язык сохранялся в Крыму (и, видимо, только там) как минимум до середины XVI в. В то время посол Габсбургов в Константинополе Гизелин де Бусбек встречался с крымчанами и составил список слов готского языка, которые они употребляли. (Этот Бусбек был, судя по всему, незаурядной личностью: например, это он первым привез в Европу из Леванта сирень и тюльпаны.) А. Н. По-

ляк считает, что этот словарь близок к средне-верхнегерманским элементам, обнаруживаемым в идише. Он полагает, что крымские готы поддерживали контакты с другими германскими племенами и что их язык испытал влияние других родственных языков. Как бы то ни было, эта гипотеза заслуживает внимания лингвистов.

5

«В некотором смысле, — писал Сесил Рот, — еврейское „темное средневековье“ началось одновременно с европейским Ренессансом» (103).

До того периода тоже хватало убийств и прочих форм преследования — во время крестовых походов, «Черной смерти», по иным поводам, — но это были вспышки беззакония, массового насилия, которым власти либо активно противодействовали, либо в лучшем случае пассивно терпели. Однако с началом контрреформации легально утвердился взгляд на евреев как на недочеловеков, во многом сходный с отношением к неприкасаемым в индийской кастовой системе.

«Немногочисленные общины, удержавшиеся, невзирая на все страдания, в Западной Европе — в Италии, Германии, папских владениях на юге Франции, — почувствовали на себе, наконец, все ограничения, которые прежде существовали только на бумаге, в идеале» (103) — то есть предусматривались в церковных и иных документах, но не претворялись в жизнь (на-

пример, в Венгрии, см. гл. V, 2). Теперь же даже эти «идеальные» предписания были дополнительно ужесточены: изоляция по месту жительства, ограничения в брачной сфере, запрет занимать любые почетные должности, требование носить отличительную одежду, желтую звезду и конический головной убор... В 1555 г. папа Павел IV в своей булле «*cum nimis absurdum*» («ибо чрезвычайно абсурдно») настаивал на строгом и последовательном исполнении всех предшествующих эдиктов, по которым евреям полагалось не высовывать носа из замкнутых гетто. Еще через год были насильственно перемещены евреи Рима. Этому примеру должны были последовать все католические страны, где евреи еще пользовались относительной свободой.

В Польше «медовый месяц», начавшийся при Казимире Великом, длился дольше, чем где-либо еще, но в конце XVI в. и там все стало, как везде. Еврейские общины, загнанные в гетто и местечки, страдали от скученности, которую усугубляли беженцы, спасавшиеся от казацких расправ, чинимых на Украине при Хмельницком (см. гл. V, 5). Жилищная и экономическая ситуация резко ухудшилась. Результатом всего этого стала новая волна массового бегства в Венгрию, Богемию, Румынию и Германию, где евреев было еще очень мало после мора от «Черной смерти».

Так возобновилось великое переселение на Запад. Ему было суждено продолжаться почти три

века, до самой Второй мировой войны, и превратиться в главный источник теперешних еврейских общин Европы, Соединенных Штатов и Израиля. Стоило потоку немного поредеть, как погромы XIX в. придали ему новый импульс. «Можно сказать, что второй рывок на Запад, — пишет Рот (первым он считает исход, спровоцированный разрушением Иерусалима), — продолжавшийся до XX в., начался с массовой резни, учиненной Хмельницким в 1648–1649 гг. в Польше» (103).

6

Аргументация, представленная в предыдущих главах, делает еще более обоснованным мнение тех современных историков — среди которых и австрийцы, и израильтяне, и поляки, — которые независимо друг от друга пришли к выводу, что большая часть современного еврейства имеет не палестинские, а кавказские корни. Главный поток еврейских миграций двигался не из Средиземноморья, через Францию и Германию на восток и со временем обратно. В действительности он был направлен, главным образом, в противоположную сторону — на запад, с Кавказа на Украину и в Польшу, а оттуда в Центральную Европу. Когда происходило беспрецедентное массовое расселение в Польше, на Западе просто не существовало такого количества евреев, которое могло бы вызвать к жизни этот феномен; зато целый народ двигался на новые земли с востока.

Было бы, конечно, неразумно отрицать, что нынешнее мировое еврейство сложилось из различных составляющих. Невозможно вывести численное соотношение между евреями хазарского и семитского происхождения. Однако собранный массив доказательств заставляет принять точку зрения польских ученых, дружно утверждающих, что в «ранний период основное количество происходило из страны хазар» и что, соответственно, хазарский вклад в генетический код еврейства должен считаться значительным и даже, по всей видимости, доминирующим.

VIII РАСА И МИФ

1

Евреи нашего времени делятся на две главные категории: сефарды и ашкенази.

Сефардами называют потомков евреев, живших в Испании (по-древнееврейски «сефарад») с античных времен до конца XV в., когда они, будучи изгнанными, расселились по странам Средиземноморья, на Балканах и, в меньшей степени, по Западной Европе. Они говорили на испанско-еврейском наречии ладино (см. гл. VII, 3) и сохраняли собственные традиции и религиозные обряды. В 60-е годы нашего века число сефардов оценивалось в 500 тысяч человек.

Ашкенази в это же время насчитывалось более 11 миллионов. В просторечии понятие «еврей» практически синонимично понятию «еврей-ашкенази».

Правда, сам этот термин обманчив, поскольку еврейское слово «ашкеназ» обозначало в средневековой раввинской литературе Германию, что тоже работало на легенду, будто современное еврейство вышло из долины Рейна. Однако другого термина для несефардского большинства современного еврейства не существует.

Заметим для интереса, что в Библии словом «ашкеназ» назван народ, живший где-то неподалеку от горы Арарат, в Армении. Имя это звучит дважды (Бытие, 10:3, и Паралипоменон, 1:6), обозначая одного из сынов Гомера, потомка Яфета. Ашкеназ был также братом Тогармы (и племянником Магога), которого хазары, по утверждению кагана Иосифа, считали своим предком (см. выше, II, 5). Но самое неожиданное еще впереди. В Книге пророка Иеремии (51:27) сам пророк призывает свой народ и его союзников подняться и разрушить Вавилон: «Созовите на него царства Араратские, Минийские и Ашкеназские». Знаменитый Саадия Гаон, духовный лидер восточного еврейства X в., объявил этот отрывок пророчеством, относящимся к его времени: Вавилон символизировал Багдадский халифат, а ашкеназами, которые должны на него обрушиться, были либо сами хазары, либо какое-то союзное с ними племя. А. Н. Поляк считает, что образованные хазарские иудеи, отправившиеся на поселение в Польшу, прослышав про хитроумные построения

Гаона, могли назвать себя «ашкенази» (94). Это ровным счетом ничего не доказывает, но путаницу усугубляет.

2

Подытоживая давний и горький спор в одном емком высказывании, Рафаэл Патаи писал*:

«Данные физической антропологии показывают, что, вопреки распространенному мнению, никакой еврейской расы не существует. Антропологические измерения групп евреев в разных частях мира доказывают, что они сильно отличаются друг от друга по всем существенным характеристикам облика и сложения: ростом, весом, цветом кожи, формой черепа, строением лица, группами крови и т. д.».

Ныне эту позицию дружно занимают и антропологи, и историки. Более того, все они согласны, что сопоставления формы черепа, группы крови и проч. демонстрируют больше сходства между евреями и неевреями, среди которых они живут, чем между евреями из разных стран.

Однако, как ни парадоксально, укоренившееся мнение, что евреев, или по крайней мере некоторые еврейские типы, можно мгновенно распознать, нельзя просто так отвергнуть: ведь его правоту как будто доказывает наш каждодневный опыт. Данные ант-

* Enc. Brit.; ed. 1973; т. XII, p. 1054.

ропологии явно расходятся с обывательской практикой.

Однако, прежде чем пытаться устранить столь явное противоречие, полезно внимательнее разобраться с данными, на основании которых антропологи отказывают еврейской национальности в праве на существование. Для начала обратимся к прекрасным брошюрам ЮНЕСКО «Расовый вопрос в современной науке». Автор, профессор Хуан Комас, делает на основании статистики следующее заключение (курсив его):

«Вопреки укоренившимся представлениям, еврейский народ расово разнороден; его постоянные миграции и контакты — добровольные и нет — с самыми разными нациями и народами привели к такому широкому скрещиванию, что *так называемый народ Израиля может давать примеры черт, типичных для любого народа*. Для доказательства достаточно сравнить румяного, коренастого, плотного роттердамского еврея с его единоверцем, скажем, из Салоник: блестящие глаза, болезненное лицо, нервные черты. То есть на основании имеющихся сведений можно утверждать, что евреи как таковые демонстрируют такое же морфологическое разнообразие, как представители любых двух народов, если сопоставлять их между собой» (30; 31–32).

А теперь перейдем к физическим характеристикам, используемым антропологами в роли критериев и послужившим Комасу основой для выводов.

Одним из простейших и, как выясняется, самых наивных, критериев является рост. В «Расах Европы», монументальном труде, изданном в 1900 г., Уильям Рипли писал: «Все европейские евреи мелки; более того, они чаще всего абсолютно чахлы» (101; 377). В то время он был до некоторой степени прав, да и с обильной статистикой, которую он приводит в доказательство своего вывода, не поспоришь. Однако даже ему хватило ума оговориться, что недостаток роста может быть вызван факторами среды (101; 378 и далее). Спустя 11 лет Морис Фишберг опубликовал книгу «Евреи. Раса и среда» — первое антропологическое исследование такого рода на английском языке. В нем был приведен удивительный факт: дети восточноевропейских евреев, иммигрировавших в США, достигали среднего роста 167,9 см, тогда как средний рост их родителей равнялся 164,2 см, то есть за одно-единственное поколение прирост составил почти дюйм! (39; 37) С тех пор все имели возможность убедиться, что потомки иммигрантов — будь то евреи, итальянцы, японцы — вырастают гораздо выше своих родителей благодаря, несомненно, более качественному питанию и другим факторам окружающей среды.

Далее М. Фишберг приводит статистику среднего роста евреев и неевреев в Польше, Австрии, Румынии, Венгрии и в других местах. И снова удивительный результат. Обнаружилось, что рост евреев колеблется точно так же, как рост нееврейского на-

селения, среди которого они живут. Если местное население выше, они тоже выше, и наоборот. Даже внутри одной страны и еще уже, одного города (Варшавы), рост и евреев, и католиков, как оказалось, сильно зависел от зажиточности района (39; гл. II). Все это не означает, что на рост не влияет наследственность, однако ее перекрывает и модифицирует влияние среды, поэтому на роль критерия расы рост не годится.

Займемся замерами черепов — некогда очень модным занятием среди антропологов, ныне перешедшим в разряд устаревших. И снова мы сталкиваемся со знакомым заключением: «Сравнение формы черепов у еврейского и нееврейского населения различных стран выявляет близкое сходство между евреями и неевреями во многих странах, тогда как при сравнении формы черепов у евреев из разных стран обнаруживаются большие расхождения. Напрашивается вывод, что этот параметр также указывает на большое разнообразие среди евреев» (90).

Кстати, это разнообразие наиболее заметно при сравнении евреев-сефардов и ашкенази. В целом сефарды — долихоцефалы (обладают длинным черепом), а ашкенази брахицефалы (широкий череп). Г. Кучера усмотрел в этом различии еще одно доказательство разного расового происхождения хазар-ашкенази и семитов-сефардов. Однако чуть выше мы убедились, что коротко- и длинноголовость соответствует изменению этого показателя у аборигенной

нации, а это до некоторой степени обесценивает данный аргумент.

Статистика, касающаяся других черт облика, тоже говорит против расового единообразия. Обычно евреи темноволосы и кареглазы. Но насколько обычна эта «обычность», когда, по данным Х. Комаса, 49% польских евреев светловолосы (30; 30), а 54% школьников-евреев в Австрии голубоглазы? (39; 63). Правда, Р. Вирхов насчитал в Германии «всего» 32% блондинов среди школьников-евреев, тогда как среди немцев доля блондинов была выше (39; 63). Но это всего лишь доказывает неабсолютность ковариации, чего и следовало ожидать.

Самый сильный на сегодняшний день аргумент — классификация групп крови. В последнее время этим много занимаются, но мы ограничимся одним примером, где используется особенно чуткий индикатор. По словам Р. Патаи, «что касается типа крови, евреи сильно различаются между собой и сильно зависят от расового окружения. Для выражения этой зависимости удобно воспользоваться «биохимическим индексом» Хиршфельда $(A+AB)/(B+AB)$. Вот наиболее типичные примеры: евреи в Германии: 2,74; неевреи в Германии: 2,63. Евреи в Румынии: 1,54; неевреи в Румынии: 1,55. Евреи в Польше: 1,94; неевреи в Польше: 1,55. Евреи в Марокко: 1,63; неевреи в Марокко: 1,63. Евреи в Ираке: 1,22; неевреи в Ираке: 1,37. Евреи в Турции: 0,97; неевреи в Турции: 0,99» (90; 1054).

Ситуацию можно выразить двумя математическими формулами:

1. $G_a - I_a < G_a - I_b$

2. $G_a - I_b \approx I_a - I_b$

В самом общем виде разница в антропологических критериях между неевреями (G_a) и евреями (I_a) в данной стране (а) меньше, чем разница между евреями в разных странах («а» и «в»); а разница между неевреями в странах «а» и «в» схожа с разницей между евреями в «а» и «в».

Полезно закончить эту главку еще одной цитатой — из брошюры Гарри Шапиро «Еврейский народ: биологическая история» (ЮНЕСКО):

«Большие различия между еврейским населением в особенностях облика и генетическом составе их крови делают любую их единую расовую классификацию терминологически противоречивой. Хотя современная расовая теория допускает некоторую степень полиморфизма или вариаций внутри расовой группы, она не допускает сведения различных, согласно расовым критериям, групп в одну расу. Если все же сделать это, то расовая классификация для биологических целей станет бессмысленной, а вся процедура произвольной и бесцельной. К сожалению, эта тема редко поднимается в полном отрыве от небιологических соображений, и вопреки очевидности продолжаются попытки каким-то образом выделить евреев в отдельную национальную общность» (108; 74–75).

3

Как же сложился этот двойственный феномен — разнообразие физических черт и сходство с доминирующим этносом? У генетиков ответ готов: дело в сочетании расового смешения с селективным давлением.

«В антропологии евреев, — пишет М. Фишберг, — главный вопрос — представляют ли они собой настоящий народ, подвергнувшийся в большей или меньшей степени влияниям среды, или религиозную секту, состоящую из различных расовых элементов, набранных в результате обращения неевреев в иудаизм и смешанных браков в процессе миграции в разные районы мира?». Далее он не оставляет читателю никакой возможности для сомнения относительно ответа:

«Начиная с библейских времен, с самых начал образования племени Израилева они уже состояли из различных расовых элементов... В Малой Азии, Сирии и Палестине жили в те времена различные народы: амориты, рослые блондины-долихоцефалы; смуглые хетты, состоявшие, возможно, в родстве с монголами; негроиды-кушиты и многие другие. С ними древние евреи смешивались, как явствует из многих текстов в Библии» (39; 181).

Сколько бы пророки ни возвышали голос против «женитьбы на дочерях чужих богов», неразборчивых израильтян это не отпугивало, к тому же дурной пример подавали сами еврейские пророки. Первый пат-

риарх Авраам сожительствовал с египтянкой Агарью; Иосиф взял в жены Асенефу, которая была не только египтянкой, но и дочерью жреца; Моисей женился на мадианитянке Сепфоре; Самсон, герой еврейского народа, был филистимлянином; мать царя Давида была моавитянкой, а сам он женился на принцессе Гессурской; а что касается царя Соломона, сына хеттеянки, то о нем в Библии сказано следующее: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок» (3-я кн. Цар., 11:1). Этой «скандальной хронике» нет конца. Библия не оставляет сомнений, что примеру царей следовали все кому не лень. К тому же библейский запрет брать в жены неевреек не распространялся на женщин, захваченных в ходе военных действий, — а таких хватало. Вавилонское пленение тоже не способствовало расовой чистоте: даже выходцы из священнического сословия женились на нееврейках. Коротко говоря, к началу Расселения израильтяне уже представляли из себя общность, состоящую из различных расовых элементов. То же самое относится, конечно, к большинству наций, о чем было бы даже излишне упоминать, если бы не живучий миф о Библейском Племени, сохранившем в веках расовую чистоту.

Другим важным источником межнационального скрещивания было большое количество людей раз-

ных национальностей, обращенных в иудаизм. Доказательствами активного прозелитизма евреев древних времен могут служить чернокожие абиссинские фалаша, китайские евреи, внешне неотличимые от китайцев, очень смуглые йеменские евреи, иудаисты среди кочевых берберских племен Сахары, очень похожие на туарегов, не говоря уже о тех, с кого мы начали, — о хазарах.

Ближе к дому, в Римской империи, евреи особенно активно занимались пропагандой своей религии в период между крахом еврейского государства и взлетом христианства. В иудаизм были обращены многие патрицианские семьи Италии и, например, царский род, правивший в провинции Адиабене. Филон говорит о многочисленных обращенных на Крите, Иосиф Флавий — о большом проценте иудеев среди населения Антиохии; апостол Павел встречал прозелитов практически повсюду от Афин до Малой Азии. «Повышенное внимание к прозелитизму, — писал еврейский историк Т. Рейнах (цит. по 39; 186–187), — было одной из отличительных черт иудаизма в греко-римскую эпоху. Ни до того, ни после иудаизм не проявлял этой своей черты... Не подлежит сомнению, что таким способом число иудеев за два-два с половиной века сильно возросло... Огромный прирост числа евреев в Египте, на Кипре и в Киренаике не мог произойти без участия неевреев по крови. Прозелитизм распространялся и на высшие, и на низшие слои общества».

Подъем христианства замедлил смешение наций, а гетто временно остановило его; но до XVI в., когда законы о гетто стали ревностно исполняться, процесс продолжал идти. Об этом свидетельствуют непрерывно принимавшиеся церковные запреты на смешанные браки: Толедским собором в 589 г., Римским собором в 743 г., первым и вторым Латеранскими соборами в 1123 и 1139 гг., эдикт венгерского короля Ладислава II 1092 г. Все эти запреты были недостаточно эффективны, о чем говорит, например, доклад венгерского архиепископа Роберта фон Грайна папе в 1229 г. с жалобами, что многие христианки выходят замуж за евреев, так что за несколько лет «многие тысячи христианок» были утрачены Церковью (39; 189, прим. 2).

Единственным радикальным средством были стены гетто. Когда они обрушивались, смешанные браки возобновлялись. Их количество так нарастало, что в Германии в 1921–1925 гг. из каждых 100 браков с участием евреев 42 были смешанными (30; 31).

Что касается сефардов, или «настоящих» евреев, то их более чем тысячелетнее пребывание в Испании оставило неизгладимый след и на них самих, и на коренных жителях. А. Тойнби писал: «Есть все основания полагать, что в Испании и Португалии доля еврейской крови в значительной степени присутствует в крови сегодняшних иберийцев, особенно среднего и высшего сословия. Однако даже самой

изоощренный психоаналитик не сумел бы определить, у кого из них есть далекие предки-евреи» (113; 138).

Процесс был двояким. После массовых убийств 1391 и 1411 гг., прокатившихся по полуострову, более 100 тыс. евреев — по умеренным оценкам — решили окреститься. Однако немалое число этих выкрестов продолжали тайно исповедовать иудаизм. Эти законспирированные иудеи, мараны, процветали, дорастали до высоких постов при дворе и в церковной иерархии, заключали браки с аристократами. После изгнания всех упорствующих иудеев из Испании (1492 г.) и из Португалии (1497 г.) на маранов стали поглядывать со все большим подозрением; многих из них сожгли на кострах инквизиции, а большая часть эмигрировала в XVI в. в страны Средиземноморья, Голландию, Англию и Францию. Оказавшись в безопасности, эти люди вернулись к открытому исповеданию своей веры и образовали совместно с изгнанниками 1492–1497 гг. новые сефардские общины.

Таким образом, замечание А. Дж. Тойнби о смешанном происхождении аристократических слоев испанского общества также применимо, с надлежащими оговорками, к сефардским общинам Западной Европы. Родители Спинозы были португальскими маранами, перебравшимися в Амстердам. Старые еврейские семьи Англии (приехавшие туда задолго до наплыва с Востока в XIX в.) — Монтефьоре, Лузада, Монтэгу, Авигдоры, Сутросы, Сассуны и др. — яв-

ляются производными иберийского «плавильного котла» и не могут претендовать на большую национальную чистоту, чем ашкеназы или евреи с фамилиями Дэвис, Харрис, Филлипс или Харт.

Прискорбным, но распространенным способом гибридизации было изнасилование. Это тоже долгая история, уходящая корнями в Палестину. Есть предание о некоем Иуде бен Эзекиале, который противился женитьбе сына на женщине, не происходящей от «семени Авраамова», на что его друг Улла заметил: «Откуда нам самим знать, что мы не происходим от язычников, насилловавших дочерей Сиона при осаде Иерусалима?» (50; III; 213). Насилие и грабеж (размеры последнего часто определялись заранее) считались естественным правом победившей армии.

Существует древняя традиция, зафиксированная Х. Грецем, считать началом самых ранних еврейских поселений в Германии эпизод, перекликающийся с похищением сабинянок. Якобы воины из германского племени, сражавшиеся в составе римских легионов в Палестине, «выбрали из множества плененных евреек самых красивых, привезли их в свои лагерь на берегах Рейна и Майна и принудили исполнять свои желания. Дети от еврейских и германских родителей были воспитаны матерями в иудейской вере, поскольку отцам не было до них дела. Именно эти дети и стали будто бы основателями первых еврейских общин между Вормсом и Майнцем» (50; III; 40–41).

В Восточной Европе изнасилование было еще более частым явлением. Снова процитируем М. Фишберга:

«Такой насильственный прилив нееврейской крови в жилы народа Израилева был особенно частым в славянских странах. Одним из излюбленных способов, который применяли казаки для вытряхивания из евреев денег, заключался в захвате большого количества пленных: не было сомнения, что евреи их выкупят. Само собой, эти полудикари насильствовали захваченных женщин. «Совет Четырех Земель», собиравшийся зимой 1650 г., был вынужден принять во внимание положение несчастных женщин и детей, родившихся у них в казацком пленении, и таким образом восстановить порядок в семейной и общественной жизни евреев. Насилие над еврейками повторялось в России при погромах 1903–1905 гг.» (39; 191).

4

Но парадокс остается парадоксом: многие, не являясь ни расистами, ни антисемитами, убеждены тем не менее, что способны с первого взгляда распознать еврея. Как это у них получается, если евреи, как это утверждают история и антропология, настолько перемешанная публика?

Частично, по-моему, на этот вопрос ответил в 1883 г. Эрнест Ренан: «Существует не один, а несколько еврейских типов» (100; 24). Еврейский тип,

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

распознаваемый «с первого взгляда», — это всего лишь один тип среди многих. Однако к этому типу принадлежит лишь небольшая доля от четырнадцати миллионов евреев, причем люди, отвечающие характеристикам этого типа, далеко не всегда евреи. Одна из наиболее выдающихся — в прямом и переносном смысле — черта, характеризующих этот пресловутый тип, — нос, называемый то семитским, то орлиным, то крючковатым. Но, как ни удивительно, среди 2836 евреев Нью-Йорка Фишберг насчитал всего 14 процентов (один человек из семи) с носом крючком; у 57% носы оказались прямые, у 20% — курносые, а у 6,55% — «плоские и широкие» (39; 79).

Другие антропологи получили схожие результаты по «семитским» носам в Польше и на Украине (101; 394 и далее). Более того, у настоящих семитов, какими являются чистокровные бедуины, такой нос вообще не встречается! (39; 83). Зато «он очень часто бывает у выходцев из различных кавказских племен и из Малой Азии. У аборигенных народов региона —

армян, грузин, осетин, лезгин, айсоров, а также у сирийцев орлиный нос встречается сплошь и рядом. Среди жителей стран европейского Средиземноморья — греков, итальянцев, французов, испанцев и португальцев — орлиноносые попадаются чаще, чем среди евреев Восточной Европы. Об индейцах Северной Америки часто говорят, что у них «еврейские носы» (39; 83).

Так что только нос — не очень надежный инструмент идентификации. Только у меньшинства — у определенного еврейского типа — нос загнутый, как у многих других этнических групп. Однако интуиция подсказывает, что антропологическая статистика может заблуждаться. Хитроумный способ решения проблемы предложили Беддоу и Якобс, установившие, что «еврейский нос» не обязательно должен быть загнутым в профиль и может создавать впечатление «крючка» из-за своеобразной формы крыльев носа и ноздрей.

Чтобы доказать, что иллюзию клюва создают ноздри, Якобс предлагает читателю «нарисовать цифру 6 с длинным хвостиком (рис. 1), а потом убрать закорючку (рис. 2) — и «еврейство» почти полностью исчезает. Если провести нижнюю часть горизонтально (рис. 3), то оно исчезнет совсем. У. Рипли, цитируя Якобса, комментирует: «Показательная трансформация! Еврей на глазах превратился в римлянина. Что же мы доказали? Что явление «еврейский

нос» существует, хотя и не потому, почему мы склонны называть его „еврейским“ (критерий крючковатости)» (101; 395).

Существует? На рис. 1 может красоваться нос итальянца, грека, испанца, армянина, краснокожего индейца. Мы заключаем, что это еврей, а не индеец, армянин и др., по другим чертам, включая выражение лица, поведение, одежду. Это не психологический анализ, а, скорее, психологический феномен — восприятие сразу всей конфигурации.

Аналогичные соображения применимы к любой черте облика, считающейся типично еврейской: чувственным губам, темным (курчавым, выющим) волосам, меланхолии, хитрости, выпуклым (раскосым) глазам и так далее. По отдельности все это может принадлежать представителям самых разных народов; но вместе, как фоторобот, складывается в прототип — или, повторим, один из существующих типов евреев — восточноевропейский, тот самый, с которым мы лучше всего знакомы. Однако наш фоторобот не позволит опознать евреев других типов, например, сефардов (включая их сильно англизированных потомков в Британии), славянский тип из Восточной Европы, светловолосый тевтонский, раскосый монголоидный, курчавый негроидный тип евреев.

Более того, даже этот ограниченный прототип не всегда узнаваем. Набор портретов, опубликованный

М. Фишбергом, а за ним У. Рипли, можно использовать для игры «веришь — не веришь», если закрыть надпись, указывающую, кто изображен — еврей или нееврей. В такую же игру можно поиграть, сидя на террасе кафе где-нибудь на берегу Средиземного моря. Полного удовлетворения такая забава, правда, не доставит, потому что мы не смогли бы спросить у объекта эксперимента, какую религию он исповедует; но если играть в компании, то вердикты наблюдателей будут на диво разнообразны. Немалую роль играет внушаемость. «Ты знаешь, что Гарольд — еврей?» — «Нет, но теперь, когда ты сказал, я, конечно, это замечаю...». «Вам известно, что в том (или ином) королевском роду есть примесь еврейской крови?» — «Нет, но теперь, конечно...». В книге Хатчинсона «Человеческие расы» есть изображение трех гейш с подписью: «Японки с еврейским обликом». Стоит это прочесть, как появляется мысль: «Разумеется! Как я мог этого не замечать?». Немного поиграв в эту игру, вы начнете повсюду замечать еврейские — или хазарские — черты.

5

Неразбериху усугубляет то, что исключительно трудно отделить наследственные характеристики от характеристик, привносимых социальной средой и другими внешним факторами. Мы уже затрагивали эту проблему, когда обсуждали рост и телосложение как возможный расовый критерий; однако влияние социальных факторов на черты лица, поведение, речь,

жестикуляцию, одежду тоже неминуемо сказывается на сборном фотороботе еврея. Одежда (плюс прическа) — наиболее очевидный из этих факторов. Представьте кого угодно с пейсами, в ермолке, в широкополой черной шляпе и в черном кафтане — и вы мгновенно узнаете ортодоксального еврея, какой бы ни была форма его ноздрей. Существуют и менее точные индикаторы некоторых типов евреев разных общественных категорий, сочетающиеся с акцентом, манерой речи, жестикуляцией, поведением в обществе.

Отвлечемся для короткого отдыха от евреев и послушаем французского автора, рассказывающего, как его соотечественники «с первого взгляда» распознают англичанина. Мишель Лейрис не только известный писатель, но и один из руководителей Национального центра научных исследований и Музея человека:

«Абсурдно говорить об английской «расе» и даже считать англичанина представителем «нордической» расы. История учит, что англичане, подобно всем европейцам, стали тем, что они есть сегодня, благодаря «вкладам» различных народов. Англия — кельтская страна, которую по очереди, волнами колонизовали саксы, датчане, норманны из Франции, внесли кое-какой вклад и римляне начиная с эпохи Юлия Цезаря. Более того, пусть англичанина и можно распознать по его одежде и даже поведению, совершенно немислимо сделать вывод, что перед вами англи-

чанин, только по его внешности. Среди англичан, как и среди других европейцев, есть блондины и брюнетты, высокие и коротышки, долихоцефалы и брахицефалы. Иногда утверждают, что англичанина легко идентифицировать по некоторым внешним свойствам, которые придают ему неповторимый облик: сдержанности в жестах (в отличие от бурно жестикулирующих южан), походке и выражению лица, формирующих совместно то, что принято называть не очень ясным термином «флегматичность». Однако любой, кому якобы легко дается такая идентификация, очень часто попадает впросак, поскольку далеко не все англичане обладают этими свойствами, и даже если эти характеристики описывают «типичного англичанина», то их все равно нельзя считать чертами его облика: жесты, движения, выражение лица относятся, скорее, к поведению и, будучи привычками, определяются социальными условиями и принадлежат к сфере культуры, а не природы. Более того, даже названные небрежно «чертами», они типизируют не всю нацию, а отдельную социальную группу внутри нее и потому не могут быть включены в число параметров, описывающих весь народ» (76; 11–12).

Однако, говоря, что выражение лица относится не к облику, а к поведению, М. Лейрис как будто упускает из виду то обстоятельство, что поведение может влиять на облик человека и, таким образом,

оставлять на нем свою печать. Достаточно вспомнить типичные черты стареющих бездарных актеров, священников, давших обет безбрачия, профессиональных военных, заключенных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, крестьян и т. д. Образ жизни влияет не только на выражение лица, но и на физические элементы внешнего облика, создавая ложное впечатление, что это — наследственные или «национальные» черты*.

Если мне позволительно поделиться личным наблюдением, то сошлюсь на свои частые встречи во время поездок в США с друзьями молодости, эмигрировавшими из Восточной Европы еще до Второй мировой войны, с которыми мы не виделись лет тридцать – сорок. Всякий раз я удивлялся тому, что они не только одеваются и говорят, едят и ведут себя по-американски, но и приобрели американские физиономии. Не могу толком описать эту перемену. Разве что это какое-то увеличение нижней челюсти, особое выражение глаз, нечто вокруг глаз... (Знакомый антрополог объяснил первое необходимостью много работать челюстными мышцами при американском произношении, а взгляд — бешеной гонкой за успехом и вызванной ею предрасположенностью к язве двенадцатиперстной кишки). Я был рад тому, что это не фо-

* Эмерсон в своем эссе «Английские черты» писал: «Каждой религиозной секте присуща своя физиономия. Она своя у методистов, своя у квакеров, своя у мопахинь. Англичанин сумеет распознать по манерам протестанта-диссентера. Ремесла и профессии чертят на лицах свои борозды».

кусы моего собственного воображения, ибо М. Фишберг еще в 1910 г. делился похожими наблюдениями: «...Выражение лица легко меняется под воздействием социальной среды. Я заметил эту стремительную перемену в людях, иммигрировавших в США... Новизна физиономии особенно заметна, когда кто-то из них возвращается на родину... Этот факт — прекрасное доказательство того, что социальные условия человеческого существования оказывают глубокое влияние на его внешний облик» (39; 513).

Пресловутый «плавильный котел» выплавляет, видимо, особую американскую физиономию — более-менее стандартный фенотип, вырастающий на базе разнообразнейших генотипов. Даже чистокровные китайцы и японцы, живя в США, попадают до некоторой степени под влияние этого процесса. Во всяком случае, американца часто можно узнать «с первого взгляда», невзирая на его одежду, речь, даже корни — итальянские, польские, немецкие.

6

Рассуждая о биологической и социальной наследственности у евреев, невозможно не заметить лежащую на них мрачную тень гетто. Евреи Европы, Америки, даже Северной Африки — дети гетто: четыре-пять поколений — не срок, чтобы избавиться от этого тяжкого гнета. Повсюду в мире стены гетто создавали примерно одинаковую среду и на протяжении нескольких столетий оказывали на людей

одно и то же формирующее, вернее, деформирующее влияние.

С точки зрения генетики различаются три главных тенденции: инбридинг, случайное распространение генетических мутаций в популяции, селекция.

Инбридинг (близкородственное скрещивание) в разные периоды играл, видимо, не менее важную роль в еврейской национальной истории, чем его противоположность — гибридизация. С библейских времен до эры насильственной изоляции и в Новое время доминирующей тенденцией было смешение национальностей. Но в промежутках, длившихся, в зависимости от страны, от трех до пяти столетий, перевешивали изоляция и инбридинг: как в узком смысле — близкородственное смешение, так и в более широком — эндогамия в рамках небольшой изолированной группы. Инбридинг таит опасность встречи и проявления вредоносных рецессивных генов. Длительное время среди евреев отмечался высокий процент наследственной идиотии (39; 332 и далее), что было, вероятнее всего, результатом продолжительного инбридинга, а не расовой особенностью семитов, как пытались утверждать некоторые антропологи. Психические и физические отклонения подозрительно часто наблюдаются в отдаленных альпийских деревнях, где на могильных камнях кладбища начертана всего дюжина фамилий. И кстати, Коэнов и Леви среди них не наблюдается.

Однако именно методом инбридинга, сочетая желательные гены, выводят лучших скаковых лошадей. Возможно, как раз таким путем в гетто появлялись и кретины, и гении. На память приходит одна из любимых поговорок Хаима Вейцмана: «Евреи — такие же люди, как все остальные, только в большей степени». Увы, генетика мало что может добавить к этой теме.

В не меньшей степени на населении гетто сказывалось случайное распространение мутаций («эффект Сьюэлла Райта»). Речь идет об утрате наследуемых свойств в мелких, изолированных популяциях либо из-за отсутствия соответствующих генов у основателей популяции, либо из-за их наличия у ограниченного количества, не передавшего их следующему поколению. Это явление тоже может вызывать существенные трансформации в наследственных характеристиках мелких общин.

Что касается селекции, то в стенах гетто она была так интенсивна, как мало когда еще в истории. Евреи, не имевшие возможности заниматься сельским хозяйством, были полностью урбанизированы, концентрировались в городах и в местечках с их неизбежной перенаселенностью. В результате, как пишет Шапиро, «опустошительные эпидемии, свирепствовавшие в средневековых городах всех размеров, в долговременной перспективе оказывали на еврейское население более сильное селективное действие, чем на все другие, создавая у выживших более силь-

ный иммунитет... так что их современные потомки должны быть плодом мощного селективного процесса» (108; 80). Именно это, по его мнению, объясняет низкую подверженность евреев туберкулезу и их сравнительное долголетие (последнее продемонстрировал выразительной статистикой М. Фишберг).

Атмосфера враждебности, окружавшая гетто, выражалась то в холодном презрении, то в спорадических вспышках насилия, то в организованных погромах. Несколько столетий жизни в таких условиях должны были благоприятствовать выживанию самых бойких, гибких, быстро восстанавливающих жизненные силы; вот вам, собственно, и «человек гетто». Антропологи никак не могут договориться, на чем выросли такие особенности психологии: на генетической предрасположенности, приводящей в действие процесс отбора, или на социальном наследовании, через воспитание с младенчества. А ведь мы пока еще не знаем толком, в какой степени высокий коэффициент умственного развития зависит от наследственности, в какой от среды. Взять хотя бы вошедшую некогда в поговорки еврейскую умеренность в спиртном, которую некоторые авторитеты в области алкоголизма возводят в национальную черту (39; 274–275). Ее, однако, тоже можно считать наследием гетто, бессознательным, воспитанным веками жизни в окружении опасностей ощущением недопустимости притуплять бдительность; еврей с желтой звездой на спине вынужден был сохранять осторожность и трез-

вость, потому и наблюдал с иронией и презрением за выкрутасами «пьяного гоя». Отвращение к алкоголю и к другим видам разгула передавалось от отцов к детям поколение за поколением; потом память о гетто стерлась, и с прогрессом ассимиляции, особенно в англосаксонских странах, евреи стали чаще прикладываться к спиртному. Так что безразличие к спиртному, как и многие другие еврейские свойства, оказывается при ближайшем рассмотрении социальной, а не биологической наследственной чертой.

Наконец, существует еще один эволюционный процесс — половой отбор, способствовавший, наверное, образованию черт, которые мы считаем типично еврейскими. Кажется, первым об этом сказал У. Рипли (курсив его): «Еврей — продукт интенсивного смещения по линии национального происхождения; с другой стороны, он — законный и *сознательный* наследник всего иудаизма... Это влияло на все проявления жизни. Почему это не могло повлиять на идеал физической красоты? Почему не на половые предпочтения, не на выбор партнера для брака? Результаты этого выбора усиливались наследованием» (101; 398).

У. Рипли не стал вдаваться в сложившийся в гетто «идеал физической красоты». Но М. Фишберг сделал это и пришел к интересному выводу: «Для строго ортодоксального восточноевропейского еврея сильный, мускулистый тип — это Исав. Идеалом любимого сына Исаака был на протяжении веков, до

середины XIX в., «нежный юноша» (39; 178) — тонкий, болезненный, худощавый, с тоской на лице, головастый, но совсем без мышц. Наоборот, — продолжает Фишберг, — в Западной Европе и в Америке существует теперь мощная тенденция противоположного свойства. Многие евреи гордятся тем, что выглядят не по-еврейски. Так что приходится признать, что у так называемого «еврейского» облика нет блестящего будущего» (39; 178).

И уж никакого будущего, добавим мы, у него нет среди молодых израильтян.

РЕЗЮМЕ

В первой части этой книги я попытался проследить историю Хазарской империи, пользуясь немногими существующими источниками.

Во второй части (главы V–VII) я собрал исторические свидетельства, указывающие на то, что большая часть восточного — а следовательно, и мирового — еврейства имеет хазарско-тюркское, а не семитское происхождение.

В последней, VIII главе я попытался показать, как антропологические данные дополняют исторические и опровергают вместе с тем распространенное представление, что еврейский народ ведет происхождение от библейского племени.

С антропологической точки зрения существуют две группы фактов, не совместимых с этим представлением: большое разнообразие физических характеристик евреев и их сходство с неевреями, среди которых они живут. То и другое подтверждается ста-

тистикой роста, формы черепа, групп крови, цвета глаз и волос и др. Какой из этих антропологических критериев ни выбрать на роль индикатора, проявится больше сходства между евреями и нееврейским доминирующим этносом, чем между евреями из разных стран. В качестве символа этой ситуации я предложил формулы:

1. $G_a - I_a < G_a - I_b$

2. $G_a - I_b \approx I_a - I_b$

Очевидным биологическим объяснением обоих явлений служит смешение национальностей, принимавшее в разных исторических ситуациях различные формы: межнациональные браки, широкомасштабное обращение, изнасилование как неизменное (узаконенное или не наталкивающееся на сопротивление властей) сопутствие войн и погромов.

Мнение, что, невзирая на статистику, существует все же узнаваемый «еврейский» типаж, опирается, хотя и не полностью, на различные неверные представления. Это мнение игнорирует, к примеру, тот факт, что черты, воспринимаемые как типично еврейские при сопоставлении с северными народами, не считаются таковыми в Средиземноморье; не принимается во внимание влияние социальных условий на формирование физических черт и внешнего облика; наконец, путаются биологическая и социальная наследственность.

Тем не менее существует некий набор наследственных черт, характеризующих определенный тип современного еврея. В свете современной популяционной генетики это можно в значительной мере объяснить процессами, происходившими на протяжении нескольких веков в условиях изоляции гетто: инбридингом, случайным распространением генетических мутаций в популяции, селекцией. Последняя могла идти несколькими путями: здесь и естественный отбор (например, во время эпидемий), и половой отбор, и, что не так очевидно, сохранение свойств, помогающих выживанию в гетто.

Кроме того, социальная наследственность, передаваемая через воспитание в детстве, действовала как мощный формирующий — и деформирующий — фактор.

Все эти процессы участвовали в формировании «человека гетто». В период после гетто его черты становятся размытыми. Что касается генетического состава и физического облика людей в период «до гетто», то об этом мы почти ничего не знаем. В этой книге проводится мысль, что этот первоначальный «человеческий материал» был преимущественно тюркского происхождения, с какими-то примесями древнепалестинской и иных составляющих. Невозможно судить, какие из так называемых типичных черт, вроде «еврейского носа», являются продуктом половой селекции в гетто, а какие — проявлени-

ем особенно стойкого «племенного» гена. Поскольку «крючковатый» нос часто встречается у кавказцев и редко — у семитов-бедуинов, у нас появляется еще одно указание на доминирующую роль «Тринадцатого колена» в биологической истории евреев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

О написании

Одни и те же слова автор книги сознательно писал по-разному. Цитируя разные источники, он сохранял оригинальное написание имен собственных; в итоге один и тот же человек, город или племя могут быть по-разному названы в разных разделах. Отсюда «казары», «хазары», «хозары» и др.; Ибн Фадлан может превращаться в ибн-Фадлана, ал-Масуди – в Аль-Масуди. Что касается собственно авторского текста, то для него избрано написание имен собственных, на котором меньше всего спотыкался бы англоязычный читатель, не относящийся к профессионалам-востоковедам.

Вот характерный пример. Т. Е. Лоуренс, будучи блестящим ориенталистом, в орфографии был так же небрежен, как в обращении с турецкими гарнизонами. Его брат, А. Лоуренс, объяснял в своем предисловии к «Семи столпам мудрости»:

«Написание арабских имен сильно варьирует в разных изданиях, и я ничего здесь не менял. В арабском языке всего три гласных буквы, а для некоторых согласных нет английских эквивалентов. В последние годы восто-

коведы избирают какой-то один из разнообразных значков, обозначающих буквы и гласные арабского алфавита, так что Мохаммед становится у них Мухаммадом, муэдзин му-эдхдином, Коран Кураном. Этот метод хорош для тех, кто знает, о чем речь, однако в этой книге применяется старое написание, которое ближе всего к обычному английскому».

Далее идет список издательских вопросов к написанию и ответы на них Т. Е. Лоуренса, например:

В о п р о с: «Лист гранок 20. Нури, эмир Рувалла, принадлежит к «семье вождей Руалла». На листе 23: «конь Руаллы», на листе 38: «Убил одного Руэлли». На всех остальных листах «Руалла».

О т в е т: «Надо было еще использовать варианты «Рувала» и «Руала».

В о п р о с: «Лист 47. Верблюдица Джеда, названа на листе 40 «Джедах».

О т в е т: «Роскошное животное!»

В о п р о с: «Лист 78. Шериф Абд эль Майин с листа 68 становится эль Маином, эль Майеном, эль Муеном, эль Майном, эль Мьеном».

О т в е т: «Удачно получилось, не правда ли?»

Если настолько трудно транскрибировать современный арабский язык, то до чего же возрастет трудность, когда приходится разбираться со средневековыми текстами, испорченными небрежными переписчиками! Первый английский перевод «Эбн Хаукаля» (или Ибн Хаукаля) был опубликован в 1800 г. сэром Уильямом Оусли*. Вот какой крик души содержится в предисловии, написанном этим видным востоковедом:

«На трудности, проистекающие из неправильного сочетания букв, путаницы слов и полного отсутствия в не-

* Ибн Хаукаль писал по-арабски, однако Оусли переводил на английский с издания на персидском.

которых строках диакритических знаков, я жаловаться не стану, ибо привычка и внимательность позволяют их преодолевать, когда речь идет об общих описаниях; но когда сталкиваешься с именами людей и названиями мест, появляющимися впервые или даже неслыханных, то контекст не помогает дешифровке при отсутствии диакритических знаков; тут приходится либо догадываться, либо уповать на появление более читаемой рукописи...

Хотя самые крупные из знатоков древнееврейской, арабской и персидской литературы уже высказывались на эту тему, полезно, видимо, продемонстрировать на конкретном примере чрезвычайную важность этих диакритических знаков (часто опускаемых переписчиками).

Довольно будет одного примера. Предположим, что три буквы, образующие слово «Тибет», лишатся диакритических знаков. Первая буква превратится с прибавлением одной точки сверху в «Н», из-за двух точек – в «Т», из-за трех – в «С»; одна точка снизу – и это будет «Б», две – «Й», три – «П». То же самое может случиться со второй и третьей буквами, превращаемыми точками в самые разные согласные*.

* Тут еще полезно было бы привести написание этих букв в персидском варианте, но я не делаю этого из жалости к своим издателям.

Об источниках

А) ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

Наши знания о хазарской истории почерпнуты в основном из арабских, византийских, русских и еврейских источников, подтверждаемых материалами персидского, сирийского, армянского, грузинского и турецкого происхождения. Мои комментарии относятся только к главным из них.

1. Арабские источники

«Ранние арабские историки отличаются от всех других уникальностью формы своих сочинений. О каждом событии рассказывается от лица очевидцев или современников, хотя стоит учитывать, что сведения передавались самому последнему из заказчиков по цепочке промежуточных звеньев, каждый из которых передавал оригинальный рассказ следующему. Часто один и тот же рассказ предлагается в двух или нескольких разнящихся видах, в зависимости от цепочки звеньев. Нередко одно и то же событие или важная подробность излагает-

ся по-разному, поскольку последний рассказчик получил сведения из нескольких источников, современных событию, но в разных манерах изложения... Пишущий старался соблюдать букву своих источников, так что поздний автор часто воспроизводил слово в слово первого рассказчика...»

Так два классических авторитета в этой области, Х. А. Р. Джибб и М. И. де Гук, пишут в своей совместной статье об арабской историографии в ранних изданиях Британники (45; II; 195). Это объясняет колоссальные трудности, с которыми приходится сталкиваться, выявляя оригинальный источник, часто оказывающийся утраченным, путем разбора версий позднейших историков, компиляторов и плагиаторов. Поэтому часто оказывается невозможно датировать какой-то эпизод либо описание состояния дел в той или иной стране; а неопределенность датировки может приводить к погрешностям порядка целого столетия, когда автор ведет рассказ в настоящем времени, не оговаривая, что цитирует некий источник давно прошедших времен. Добавьте к этому трудности при идентификации лиц, племен и мест, вызванные неразберихой в написании и прихотями переписчиков. В итоге получается головоломка, где половина элементов вообще отсутствует, зато есть масса лишнего, а истинная картина представлена только в самых общих чертах.

Главные арабские отзывы о Хазарии, чаще всего цитируемые на страницах книги, принадлежат перу Ибн Фадлана, Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Масуди. Однако лишь немногие из них можно считать «первичными» источниками, такими как рассказ Ибн Фадлана о пережитом им самим. Например, Ибн Хаукаль писал примерно в 977 г., опираясь почти всецело на Истахри, писавшего примерно в 932 г., а тот, как считают, полагался на ут-

раченный труд географа ал-Балхи, писавшего примерно в 921 г.

О жизни этих знатоков и уровне их знаний известно чрезвычайно мало. Легче всего представить себе Ибн Фадлана — дипломата и острого наблюдателя. Однако если продвигаться за пределы X века, то можно наблюдать следующие стадии эволюции молодой науки — историографии. Ал-Балхи, первый в цепочке, положил начало классической школе арабской географии, в которой главный упор делается на карту, тогда как описание вторично. Истахри сделал шаг вперед, перенес ударение с карты на текст. (О его жизни ничего не известно; то, что дошло из написанного им до наших дней, представляет собой, видимо, лишь современный вариант более крупного труда.) Ибн Хаукаль (о котором мы знаем лишь то, что он был странствующим купцом и миссионером) сделал уже не шаг, а настоящий рывок вперед: его текст не является более комментарием к картам (как у ал-Балхи и отчасти еще у Истахри), а становится самостоятельным описанием.

Наконец, с Йакутом (1179–1229) мы вступаем, спустя два столетия, в век компиляторов и энциклопедистов. О нем мы уже знаем по крайней мере, что родился он в Греции, ребенком был продан на невольничьем рынке Багдада купцу, который хорошо с ним обращался и использовал в роли коммивояжера. После своего освобождения он стал бродячим книготорговцем и в конце концов осел в Мосуле, где написал свою великую энциклопедию по географии и истории. В этом крупном труде присутствуют рассказы о хазарах Истахри и Ибн Фадлана. Увы, Йакут ошибочно вложил рассказ Истахри в уста Ибн Фадлана. Поскольку два рассказа не совпадают друг с другом в важных пунктах, их слияние в одно

целое привело к абсурдным утверждениям, отчасти дискредитировавшим Ибн Фадлана в глазах современных историков.

Однако события приняли иной поворот с обнаружением полного текста отчета Ибн Фадлана в древней рукописи, найденной в персидском городе Мешхеде. Открытие, сделанное в 1923 г. д-ром Зеки Валиди Тоганом (подробности о нем ниже), произвело сенсацию среди востоковедов. Оно не только подтвердило подлинность тех отрывков рассказа Ибн Фадлана о хазарах, которые цитировал Йакут, но и позволило ознакомиться с ранее неизвестными отрывками, опущенными Йакутом. Более того, после путаницы, созданной Йакутом, Ибн Фадлан, Истахри и Ибн Хаукаль были признаны независимыми источниками, подтверждающими друг друга.

Ценность представляют также рассказы Ибн Русте, ал-Бекри и Гардизи, которых я цитировал нечасто, поскольку их содержание в основных чертах соответствует содержанию главных источников.

Другой, независимый, видимо, источник — это ал-Масуди (умер примерно в 956 г.), известный как «арабский Геродот». Он был неутомимым путешественником, обладал ненасытным любопытством, однако у современных арабистов к нему предвзятое отношение. Так, «Энциклопедия ислама» утверждает, что его путешествия были вызваны «сильной жадой знаний. Однако она была поверхностной и неглубокой. Он никогда не докапывался до первоначальных источников, довольствуясь поверхностными запросами, и некритично принимал басни и легенды».

Впрочем, то же самое можно сказать о любом средневековом историографе, что христианском, что арабском.

2. Византийские источники

Среди византийских источников ценнейшим является труд Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», созданный примерно в 950 г. Ценность его проистекает не только из содержащейся в нем информации о хазарах (в особенности об их отношениях с венграми), но и из сведений о русах и населении северных степей.

Константин (904–959 гг.), император-ученый, был завораживающей личностью. Не случайно Арнольд Тойнби признался, что тот «завоевал его сердце» (114; 24): это была любовная связь с прошлым, начавшаяся еще в студенческие годы. В конце концов она произвела на свет монументальное исследование Тойнби «Константин Багрянородный и его мир», изданное в 1973 г., когда его автору уже исполнилось 84 года. Как следует из заглавия, акцент делается как на жизни и деяниях Константина, так и на тех особенностях мира, в котором жили как сам Константин, так и хазары.

Тем не менее восхищенное отношение к Константину не помешало Тойнби заметить его недостатки как ученого: «Сведения, собранные в сочинении «Об управлении империей», были почерпнуты в разное время из разных источников, а сам труд — это не исследование, автор которого переработал бы и по-своему расположил бы материал, а собрание текстов, подвергнутых самой зачаточной редакции» (114; 46). И дальше: «Трактаты «Об управлении империей» и «О церемониях» в том виде, в котором Константин представил их на суд потомков, покажутся читателям прискорбно невразумительными» (114; 602). (Сам Константин питал трогательную убежденность, что его сочинение «О церемониях» — это «на-

стоящий шедевр» и «памятник истинной учености, плод любви» (114; 602)). Ранее схожую критику высказывали Бьюри (22; 570–571) и Маккартни, пытавшийся найти логику в противоречивых утверждениях Константина о миграциях мадьяр:

«...Неплохо бы помнить о содержании трактата «Об управлении империей» — этого собрания записей самого разного происхождения, часто повторяющих одна другую, часто противоречивых и объединенных вопреки требованиям элементарного редактирования» (78; 98).

Но не стоит выплескивать вместе с водой и ребенка, что порой делают ученые мужи. Константин обладал уникальной среди историков привилегией — изучать архивы своей империи и получать доклады из первых рук, от своих чиновников и посланцев, отправленных в заграничные миссии. При осторожном обращении и привлечении других источников это сочинение высвечивает многие обстоятельства той темной эпохи.

3. Русские источники

Помимо устного фольклора, легенд и песен (например, «Слова о полку Игореве») самым ранним русским письменным источником является «Повесть временных лет», ссылаясь на которую разные авторы называют ее по-своему: «Древнерусской хроникой», «Псевдо-Нестором», «Книгой Анналов». На самом деле это — составленная в первой половине XII века компиляция более ранних повестей, относящихся к началу XI в., с вкраплениями еще более ранних преданий и записей. Поэтому, как считает Вернадский (116; 178), она может «содержать фрагменты доподлинной информации даже по периоду с VII по X век» — эпохе, жизненно важной для хазарской истории. Главным составителем и редактором был, ве-

роятно, ученый монах Нестор (род. в 1065 г.) из Киево-Печерского монастыря, хотя не все специалисты согласны с его авторством (отсюда «Псевдо-Нестор»). Если не вдаваться в проблему авторства, то «Повесть временных лет» — бесценный (хотя и не безупречный) путеводитель по соответствующему периоду. К сожалению, она не идет дальше 1112 г., когда как раз началось загадочное исчезновение хазар.

О еврейских средневековых источниках по Хазарии речь пойдет в Приложении III.

В) СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Было бы бесцеремонностью высказывать собственное мнение о достоинствах уважаемых историков, чьи труды я цитировал, — таких как Тойнби или Бьюри, Вернадский, Барон, Маккартни и другие, — занимавшихся различными аспектами хазарской истории. Последующие замечания относятся к авторам, чьи сочинения имеют ключевую важность для поднятой проблемы, однако сами авторы известны только специально интересующимся этой проблемой читателям.

Наиболее выдающиеся среди них — покойный профессор Пауль Эрик Кале и его бывший ученик Дуглас Мортон Данлоп, на момент написания книги — профессор истории средневековой Европы в Колумбийском университете.

Пауль Эрик Кале (1875–1965) был одним из ведущих европейских востоковедов. Он родился в Восточной Пруссии, стал лютеранским пастором и прослужил 6 лет в этом качестве в Каире. Впоследствии он преподавал в разных университетах Германии и в 1923 г. стал руководителем знаменитого Восточного семинара в Бонн-

ском университете — международного научного центра, привлекавшего востоковедов всего мира. «Не вызывает сомнений, — писал Кале (65), — что международный характер семинара, его сотрудники, ученые и гости представляли собой наилучшую защиту от нацистского влияния и помогли нам спокойно продолжать нашу работу на протяжении шести лет в нацистской Германии... Несколько лет я был единственным в Германии профессором, имевшим в ассистентах еврея, польского раввина».

Неудивительно, что Кале, невзирая на его безупречное арийское происхождение, в 1938 г. принудили к эмиграции. Он обосновался в Оксфорде, где получил еще две докторские степени (по философии и по теологии). В 1963 г. он вернулся в свой любимый Бонн, где и скончался в 1965 г. В каталоге Британского музея числится двадцать семь его трудов, в том числе Каирская гениза и «Изучение Свитков Мертвого моря».

До войны среди студентов Кале в Бонне фигурировал молодой востоковед Д. М. Данлоп.

Кале глубоко интересовался хазарской историей. Когда в 1937 г. бельгийский историк Анри Грегуар опубликовал статью, ставившую под сомнение достоверность «Хазарской переписки» (49; 225–266), Кале подверг его критике: «Я указал Грегуару на несколько пунктов, по которым его мнение ошибочно, и имел возможность обсудить с ним все вопросы, когда он побывал у меня в Бонне в декабре 1937 г. Мы задумали крупную совместную публикацию, однако политические события помешали осуществлению проекта. Тогда я предложил взяться за эту работу бывшему своему боннскому ученику Д. М. Данлопу. Этот исследователь мог работать и с древнееврейскими, и с арабскими источниками, знал многие другие язы-

ки и обладал необходимой квалификацией для решения столь сложной задачи» (66; 33). Результатом стала «История иудеев-хазар», вышедшая в 1954 г. в издательстве Принстонского университета. Помимо того, что эта книга является бесценным собранием сведений по истории хазар, она приводит также новые доказательства подлинности «Переписки» (см. Приложение III), полностью одобренные Кале (66). Между прочим, профессор Данлоп (род в 1909 г.) — сын шотландского теолога; в справочнике «Who Is Who» названы его хобби: «прогулки по холмам и история Шотландии». Таким образом, двумя главными апологетами хазарского иудаизма стали добросовестные протестанты-северяне.

Другим учеником Кале, человеком с совершенно иными корнями, был Ахмед Зеки Валиди Тоган, обнаруживший в Мешхеде рукопись с путевыми записками Ибн Фадлана о путешествии вокруг пределов Хазарии. Чтобы представить себе эту живописную личность, лучше процитировать воспоминания самого Кале (65; 28):

«...К [боннскому] семинару принадлежали видные востоковеды. Среди них я могу упомянуть д-ра Зеки Валиди, протеже сэра Оурэла Штейна, башкира, учившегося в Казанском университете и занимавшегося научной работой в петербургской Академии наук еще до Первой мировой войны. Во время войны и после нее он был лидером Башкирского войска [союзного большевикам], во многом им и созданного. Он состоял в российской Думе и некоторое время входил в «Комитет Шести» вместе с Лениным, Сталиным и Троцким. Позднее он вступил в конфликт с большевиками и сбежал в Персию. В качестве специалиста-тюрколога — башкирский язык относится к тюркским языкам — он стал

в 1924 г., при Мустафе Кемале, советником министерства образования в Анкаре, позже — профессором турецкого языка в Стамбульском университете. Когда спустя 7 лет от него и от других стамбульских профессоров потребовали, чтобы они учили своих студентов, будто вся мировая цивилизация происходит от тюрков, он подал в отставку, переехал в Вену и занялся изучением средневековой истории под руководством профессора Допша. Через два года он блестяще защитил докторскую диссертацию по теме „Путешествие Ибн-Фадлана к северным болгарам, тюркам и хазарам“, арабский текст которого сам обнаружил в Мешхеде. Позднее я опубликовал его книгу в журнале „Материалы по Ближнему Востоку“. Я вызвал его из Вены в Бонн на должность лектора, а позже — почетного профессора. Это был настоящий ученый, человек обширной эрудиции, всегда готовый учиться, сотрудничество с которым всегда было очень плодотворным. В 1938 г. он вернулся в Турцию и снова стал профессором-тюркологом в Стамбульском университете».

Примечательной фигурой, но в другом отношении, был и Гуго Фрейхерр фон Кучера (1847–1910), один из первых сторонников теории хазарского происхождения восточного еврейства. Сын высокопоставленного австрийского государственного служащего, он готовился к дипломатической карьере и учился в Академии востоковедения в Вене, где стал сильным лингвистом, овладев в совершенстве турецким, арабским, персидским и другими восточными языками. После службы атташе в посольстве Австро-Венгрии в Константинополе стал в 1882 г. директором сараевской администрации провинций Боснии–Герцеговины, незадолго до этого

оккупированных Австро-Венгрией. Знание восточного образа жизни сделало его популярным у боснийских мусульман и способствовало умиротворению (увы, неполному) провинции. Ему был пожалован баронский титул и другие награды.

После ухода в отставку в 1909 г. он посвятил себя главному увлечению всей своей жизни — изучению связи между европейским еврейством и хазарами. Еще молодым человеком он обратил внимание на различия между сефардами и ашкеназами в Турции и на Балканах; исследование старинных источников по истории хазар привело его к убеждению, что в них и кроется ответ на занимающий его вопрос. Он был историком-любителем, зато лингвистом-профессионалом и человеком огромной эрудиции; вряд ли в его книге пропущен хотя бы один арабский источник, ставший известным до 1910 г. К несчастью, он умер, не успев подготовить библиографию и ссылочный аппарат к своему труду; книга «Хазары — историческое исследование» была издана в 1910 г. уже после его смерти. За первым изданием вскоре последовало второе, тем не менее книга редко упоминается историками.

Абрахам Н. Поляк родился в Киеве в 1910 г. и в 1923 г. прибыл с родителями в Палестину. Заведовал кафедрой средневековой еврейской истории Тель-Авивского университета, автор множества трудов на иврите, в их числе «История арабов», «Феодализм в Египте 1250–1900 гг.», «Израильская геополитика и Ближний Восток» и др. Его статья на иврите «Обращение хазар в иудаизм» появилась в 1941 г. в журнале «Сион» и вызвала противоречивые отклики; реакция на его книгу «Хазария» была еще более неоднозначной. Книга была издана в Тель-Авиве в 1944 г. (на иврите) и была встречена враждебно, что от-

части понятно, так как в ней увидели попытку опровергнуть священную традицию вести происхождение современного еврейства от библейского племени. В «Еврейской энциклопедии» 1971–1972 гг. издания имя А. Н. Поляка не упоминается.

Напротив, Матиас Мизес, чьи высказывания о происхождении восточного еврейства и языка идиш я цитировал, пользуется уважением в научных кругах. Он родился в 1885 г. в Галиции, изучал лингвистику и стал пионером филологии идиша (хотя писал, главным образом, по-немецки, по-польски и на иврите). Он был выдающимся участником первой конференции по языку идиш в Черновцах в 1908 г., а две его книги — «О причинах возникновения еврейских диалектов» (1915 г.) и «Язык идиш» (1924 г.) — считаются классикой по этой тематике.

Мизес провел последние годы жизни в Кракове, откуда и был отправлен в Освенцим. Ему повезло — он умер в пути.

«Хазарская переписка»

1

Обмен письмами между испанским государственным деятелем Хасдаем ибн Шафрутом и хазарским каганом Иосифом давно завораживает историков. Конечно, как писал Д. М. Данлоп, «значение хазарской переписки может оказаться преувеличенным. Ныне уже можно реконструировать хазарскую историю в некоторых подробностях, не прибегая к письмам Хасдая и Иосифа» (37; 125). Тем не менее читателю, наверное, любопытно узнать в общих чертах, что известно об истории этих документов.

Письмо Хасдая было написано, видимо, между 954 и 961 гг., поскольку считается, что упомянутое в нем посольство из Восточной Европы (см. гл. III, 3–4) побывало в Кордове в 954 г., а халиф Абдаррахман, которого он называет своим владыкой, правил до 961 г. То, что письмо в действительности написано рукой секретаря Хасдая, Менахема бен Шарука, чье имя появляется в виде акростиха после имени Хасдая, установлено Лан-

дау (73), сравнившим письмо с другими сохранившимися автографами Менахема. Таким образом, подлинность письма Хасдая более не оспаривается, однако доказательств подлинности ответа Иосифа, как того и следовало ожидать, носят косвенный характер и довольно сложны.

Первые из известных упоминаний переписки датируются XI–XII вв. Примерно в 1100 г. рабби Иегуда бен Барзиллай из Барселоны написал по-древнееврейски «Книгу празднеств» («Сефер ха-Иттим»), в которой напрямую и пространно цитирует ответ Иосифа Хасдаю. Начинается это место у Барзиллая так:

«И мы видели в некоторых рукописях список письма, которое написал царь Иосиф, сын Аарона, хазарский кахан, которое написал он к рабби Хасдаю, сыну Исаака*. Но мы не знаем, подлинное ли письмо это было или нет. Если ты сможешь сказать, что дело было действительно так, что приняли еврейство те хазары, которые происходят от сынов Тогармы, то [все же] не выяснен вопрос, все ли написанное в том письме было в действительности и на деле или нет, или же были написаны в нем лживые вещи, или что-нибудь прибавили к письму, или [там] есть описки переписчика. (Если мы оказались вынужденными [здесь] написать все это, то это потому, что мы нашли список одного письма, которое написал [один] иудей на своем языке в Константинополе от [имени] царей Константинополя. Он упоминает [в нем] о войнах, которые были между царями Константинополя и царем Аароном, а также о войнах, которые велись между сыновьями тех царей нееврейских народов и царем Иосифом, сыном Аарона; [он

* По-еврейски Хасдай звался бар Исаак бар Шафут рабби — вежливая форма обращения.

упоминает] также о том, что хазары приняли еврейство и что у них были цари, перешедшие в еврейство. Мы слышали, что все это записано в книгах исмаильтян, живших в те времена, и это записано в их книгах.) Если мы были вынуждены написать [здесь] о вещах, которые представляются ненужными для нашего настоящего труда, [мы это сделали], потому что мы нашли, что в том письме упомянутого царя Иосифа к рабби Хасдаю написано, что рабби Хасдай спрашивал его, из какого рода он происходит и как стал царем, и как его предки вступили под покров Шехины, и как велико его царство и государство. И он ответил ему на все и написал ему в том письме обо всех вещах» (71; цит. по: 37; 132).

Далее Барзиллай цитирует либо пересказывает отрывки из ответа Иосифа, не оставляя сомнений, что ответное письмо существовало уже в 1100 г. Особенно убеждает ученый скепсис раввина. Житель провинциальной Барселоны, он, видимо, ничего или почти ничего не знал о хазарах.

Примерно в то же время, когда писал рабби Барзиллай, о связи Хасдая с хазарами прослышал арабский хронист Ибн Хаукаль. Сохранилась загадочная приписка, сделанная Ибн Хаукалем на рукописной карте, датированной годом хиджры 479 (1086 г. по григорианскому календарю):

«Хасдай ибн-Исхак (арабский вариант имени Хасдая) считает, что эта великая протяженная гора [Кавказ] соединена с горами Армении и пересекает страну греков, доходя до Хазарана и гор Армении. Он был хорошо осведомлен о тех местах, ибо бывал там и встречал главных царей и вождей» (37; 154).

Очень маловероятно, что Хасдай сам посещал Хазарию; тем не менее, как мы помним, он предлагал это

в своем письме, а Иосиф с энтузиазмом откликнулся в своем ответе на его предложение; возможно, до усердного Хаукаля дошли слухи о «Переписке», и он сделал собственные выводы, как часто поступали хронисты тех времен.

Примерно через полвека (1140 г.) Иегуда Халеви написал философский трактат «Хазары» («Кузари»). Как уже подчеркивалось, фактов в нем мало, но рассказ об обращении хазар в иудаизм в общих чертах совпадает с тем, что сказано в Ответе Иосифа. Халеви не ссылается на саму «Переписку», его книга посвящена в основном богословию и не нуждается в исторических и фактических уточнениях. Возможно, он читал копию «Переписки», подобно своему менее эрудированному предшественнику Барзиллаю, но убедительные доказательства этого отсутствуют.

Зато не вызывает никакого сомнения знакомство с этим документом Абрахама бен Дауда (см. гл. II, 8), в чьем популярном сочинении «Сефер ха-Каббала» сказано следующее:

«И еще [нужно сказать], что они [караимы] ничтожны в своей малочисленности, потому что ты находишь израильские общины, которые были распространены от города Салы в конце Магриба [на Западе] до Тахорта в начале Магриба и в конце Африки, [далее] по всей [провинции] Африке, Египте, „прекрасной стране“ [Палестине], Аравии, Сеннааре, Эламе, Персии, Дедане, стране Гиргашитов, называемой Гурганом, в Табаристане, в ал-Дайламе, до реки Итиль, так как там жили хазарские народы, которые перешли в иудейство. Иосиф, царь их, послал послание князю рабби Хасдаю, сыну рабби Исаака, Ибн Шафруту, и сообщил ему, что он и весь его народ держится взглядов раввинистов. Мы видели в Толедо некоторых из их потомков, которые были ученые [талмудисты], и они сообщили нам, что и остальные из них держатся [также] взгляда раввинистов» (37; 127).

2

Первая *печатная* версия «Хазарской переписки» со-
держится в еврейском памфлете «Кол Мебашер» («Голос
посланца Благой Вести»)*. Она была напечатана в Кон-
стантинополе примерно в 1577 г. Исааком Абрахамом Ак-
ришем. В предисловии Акриш сообщает, что в своих путе-
шествиях в Египет пятнадцатью годами раньше слышал раз-
говоры о независимом еврейском царстве (речь шла, види-
мо, об абиссинских фалаша), а потом завладел «письмом,
посланным царю хазар, и ответом царя». Решение опубли-
ковать эту переписку было вызвано желанием поднять дух
евреев. Неясно, верил ли Акриш в продолжающееся суще-
ствование Хазарии. Во всяком случае, за предисловием сле-
дует текст обоих писем, без дальнейших комментариев.

Однако «Переписка» не осталась похороненной в ма-
лоизвестном памфлете Акриша. Лет через шестьдесят после
публикации один экземпляр попал в руки Йоханна Бук-
сторфа Младшего, ученого-кальвиниста и огромного эру-
дита. Буксторф был умудренным гебраистом, опубликовав-
шим множество важных исследований по библейской
экзегетике и раввинской литературе. Прочтя памфлет Ак-
риша, он сперва усомнился в подлинности «Переписки»,
совсем как рабби Барзиллай за пятьсот лет до него. Одна-
ко в 1660 г. Буксторф опубликовал, наконец, текст обоих
писем на древнееврейском и в латинском переводе как при-
ложение к книге Иегуды Халеви о хазарах. Решение было
очевидным, но не самым удачным, так как помещение пи-
сем под одной обложкой с философским вымыслом Хале-
ви не слишком способствовало тому, чтобы историки при-
няли «Переписку» всерьез. Свое отношение они пересмот-
рели только в XIX в., когда появились дополнительные све-
дения о хазарах из независимых источников.

* Два экземпляра этого памфлета, в разных изданиях, хранят-
ся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде.

3

Первая *рукописная* версия, содержащая оба письма — и Хасдая, и Иосифа, — хранится в библиотеке колледжа Церкви Христа в Оксфорде. По мнению Данлопа и русского эксперта Коковцова (71), рукопись «исключительно близка к печатному тексту» и «послужила прямо или косвенно источником для печатного текста» (37; 230). Она восходит, видимо, к XVI в. и, как считается, принадлежала декану колледжа Джону Феллу (Томас Браун обесмертил его своим «Я тебя не люблю, доктор Фелл...»).

Другая рукопись, содержащая только «Ответ Иосифа», без письма Хасдая, находится в Публичной библиотеке Ленинграда. Она значительно длиннее, чем печатный текст Акриша и рукопись из Церкви Христа; соответственно, она носит название «пространной редакции», в отличие от «краткой редакции», выглядящей как сокращенная версия. Считается, что «пространная редакция» древнее: она, видимо, датируется XIII в., тогда как краткая — XVI. Советский историк Рыбаков* обоснованно предположил, что «пространную редакцию» — или даже более древний текст — подвергли редактуре и сокращению средневековые испанские переписчики, изготовившие «краткую редакцию» «Ответа Иосифа».

Здесь появляется ложный след, отвлекающий нас от исходного следа. «Пространная редакция» относится к так называемой «коллекции Фирковича» еврейских рукописей и эпитафий, хранящейся в ленинградской Публичной библиотеке. Видимо, она хранилась ранее в Каирской генизе, как и большая часть других рукописей коллекции. Абрам Фиркович был примечательным уче-

* Цит. по Enc. Judaica, статья «The Khazar Correspondence».

ным XIX в., заслуживающим отдельного упоминания. Он был огромным знатоком в этой области, но одновременно яростным приверженцем караимской веры, пытавшимся доказать царскому правительству, что караимы отличаются от ортодоксальных иудеев и не должны подвергаться худшему обращению, чем христиане. Одержимый похвальным рвением, он препарировал некоторые из подлинных древних рукописей и эпитафий своего собрания, вставляя в них новые слова, чтобы придать им караимский уклон. В связи с этим «пространная редакция», побывавшая в руках у Фирковича, была встречена с некоторым недоверием, когда была найдена вместе с другими рукописями русским историком Гаркави после смерти Фирковича. Гаркави не питал иллюзий относительно достоверности многих материалов из коллекции Фирковича, так как ему уже приходилось разоблачать его подделки (53). Однако подлинность данной рукописи у Гаркави сомнения не вызвала; он опубликовал ее в 1879 г. в древнееврейском оригинале, а также в русском и немецком переводах (52), объявив ранним вариантом Письма Иосифа, послужившим основой для «краткой редакции». Коллега (и конкурент) Гаркави Коулсон утверждал, что весь документ написан одной рукой и не содержит никаких добавлений (29). Наконец, в 1932 г. Российская академия наук выпустила убедительную книгу П. К. Коковцова «Еврейско-хазарская переписка в X веке» (71) с факсимиле «пространной редакции» Ответа из ленинградской библиотеки и «краткой редакции» из колледжа Церкви Христа и памфлета Акриша. Подвергнув критическому анализу все три текста, Коковцов пришел к выводу, что и пространная, и краткая редакции

основаны на одном и том же тексте, который в целом, хотя не всегда, более полно сохранен в пространной редакции.

4

Критический разбор П. К. Коковцова, а в особенности публикация им факсимиле рукописи практически устранили разногласия, которые касались, собственно, только пространной редакции, но не Письма Хасдая и не краткой редакции Ответа.

Однако возражения прозвучали с неожиданной стороны. В 1941 г. А. Н. Поляк выдвинул теорию, что «Хазарская переписка» – не то чтобы подделка, но все же вымысел, порожденный в X в. с пропагандистской целью распространения сведений об Иудейском царстве (93). (Позже чем в XI в. она не могла быть создана, поскольку, как мы уже знаем, рабби Барзиллай читал «Переписку» примерно в 1100 г., а Ибн Дауд цитировал ее в 1161 г.) Однако эта теория, при всем ее кажущемся правдоподобии, была разрушена Ландау и Данлопом. Первый сумел доказать, что письмо Хасдая действительно было написано его секретарем Менахемом бен Шаруком. Данлоп же указал, что в своем письме Хасдай задает вопросы о Хазарии, на которые Иосиф не в состоянии был ответить, а так пропагандистские материалы не пишутся:

«Иосиф не отвечает на вопросы о том, как он следует к месту молитвы и отменяет ли война соблюдение Субботы... Существует заметное несоответствие между вопросами в Письме и ответами кагана. Это надо, видимо, рассматривать как указание на то, что документы подлинные, а не литературная мистификация» (37; 143).

Далее Д. М. Данлоп задается уместным вопросом:

«Зачем вообще нужно письмо Хасдая, которое, будучи значительно длиннее ответа Иосифа, очень мало рассказывает о хазарах, если цель написания и его, и ответа заключалась, как предполагает А. Н. Поляк, всего лишь в том, чтобы популярно поведать о Хазарии? Если Письмо служит вступлением к информации о хазарах в ответе, то это очень забавное вступление – полное фактов об Испании и Омейядах и ничего не сообщающее о Хазарии» (36; 137–138).

Последнюю точку в споре Данлоп ставит, предлагая лингвистический тест, окончательно доказывающий, что Письмо и Ответ написаны разными людьми. Речь идет об одной из характерных черт древнееврейской грамматики – особого способа обозначения времен. Я не замахиваюсь на то, чтобы объяснить, в чем тут тонкость (интересующиеся могут обратиться к книге Дж. Уайнгринг «Практическая грамматика древнееврейского языка» (120)), а просто приведу выводы Данлопа о прошедшем времени в Письме и в «пространной редакции» Ответа (37; 152):

	<i>имперфект</i>	<i>перфект</i>
Письмо Хасдая	48	14
Ответ («пространная редакция»)	1	95

В «краткой редакции» Ответа первый способ (Хасдая) применен 37 раз, второй – 50 раз. Однако в «краткой редакции» первый способ используется только в тех местах, где словарный состав отличается от словарного состава «пространной редакции». Данлоп высказывает предположение, что тут поработали испанские редакторы, перефразировавшие «пространную редак-

цию». Он указывает также, что в письме Хасдая, написанном в арабской Испании, много арабизмов (например, «ал-хазар» вместо «хазары»), отсутствующих в Ответе. Наконец, вот как он отзывается о содержании Переписки:

«Оригинальная, пространная редакция Ответа Иосифа не содержит фактических противоречий с краткой. Стилистические особенности говорят в пользу ее правдоподобия. Именно этого и следовало ожидать от документов, созданных в противоположных углах еврейского мира, с совершенно разным уровнем культуры. Если позволительно говорить здесь о собственном впечатлении, то вот оно: в целом язык Ответа менее искусственен и более наивен, чем язык Письма» (37; 153).

Одним словом, трудно понять, почему историки столько колебались, прежде чем поверить, что хазарский каган был способен продиктовать письмо, хотя известно, что он переписывался с византийским императором (напомню о печатях достоинством в три золотых солида), а благочестивые евреи Испании и Египта обязательно скопировали бы и сохранили для потомков послание единственного с библейских времен еврейского царя.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ ИОСИФА* ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

Письмо царя Иосифа, сына Аарона, царя Тогармского, — да хранит его Господь, Творец его, — к Хасдаю, главе [ученого] собрания, сыну Исаака, сына Эзры.

Много счастья от царя Иосифа, сына Аарона, могучего царя, которого не обращают в бегство [никакие] войс-

* Цит. по: *Кокорцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 89–103. — *Примеч. ред.*

ка и не заставляет отступать назад вид [никаких] полчищ, боящегося Господа, трепещущего перед его словами, мудрого и почитающего мудрых, смиренного и приближающего [к себе] униженных, избравшего [себе] слова закона, старающегося всем сердцем и всеми силами заслужить благоволение своего творца, к своему возлюбленному, дорогому р. Хасдаю, сыну Исаака, сына Эзры, вожделенному для него и почитаемому им, — да хранит его и спасает Бог, увенчанного мудростью.

Я извещаю тебя, что пришло к нам письмо твое, увенчанное красотой [твоей] речи, через одного иудея из страны Н-м-ц [Германия], по имени Исаака, сына Элиэзера. И мы обрадовались о тебе и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. И было написано в нем о местонахождении твоей страны и об отдаленности от этого места [черты] равенства дня и ночи; о происхождении Абд-Рахмана, царствующего над нею, о почете и великолепии царства и величии его, и о помощи, оказанной ему Богом в отношении подчинения областей востока, как они были [ранее] под властью его предков; о тех затруднениях, благодаря которым твое письмо поздно пришло к нам, вследствие отдаленности [всех] народов отсюда и прекращения [прихода] купцов, и [как] ты сомневался в этом, пока о могуществе вашего государства не стало слышно во всех концах земли и не стали все цари земли воздавать почет вашему царю; [как] тогда стали приходить в вашу страну посланцы царя Кустандины [Константинополя] с дарами [от] ее царя и [как] они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, известия о чем вы считали раньше лживыми и чему вы не верили. Ты просил [затем] сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как они [наши предки] приняли религию Израи-

ля, которой Бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты просил еще сообщить тебе о размерах нашей страны и о народах, живущих кругом нас, как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашим посланцам приходиться в вашу страну, чтобы воздать почет вашему уважаемому и [всем] приятному царю, — да сохранит его творец его! — который своим хорошим поведением заставил [все] сердца полюбить его и прямою своих поступков привязал их к себе; [ты просил сообщить это] в виду того, что израильтяне были довольны этим, и оно стало украшением для их сердца и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед теми народами, которые говорили, что у Израиля нет остатка и нет [нигде] места, где бы [у него] была власть и государство.

Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету, в ответ на твое письмо, будучи в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты говоришь о своей стране и происхождении того, кто над нею царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма и счастливые пожелания. Это сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны. И мы постоянно слышим о вашей стране и величии ее царя, — да сохранит его творец его, и да возвратит ему бог царство его предков [бывшее у него] в стране восточной, как ты говоришь! Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь меня в своем письме: «из какого народа, какого рода и племени ты?» Я сообщаю тебе, что я [происхожу] от сынов Иафета, из потомства Тогармы. Так я нашел в родословных книгах моих предков, что у То-

гармы было десять сыновей; вот их имена: первенец — Авийор, второй — Ту-рис, третий — Аваз, четвертый — Угуз, пятый — Биз-л [Басил], шестой — Т-р-на, седьмой — Хазар, восьмой — Янур, девятый — Б-лг-р [Булгар], десятый — Савир. Я [происхожу] от сыновей Хазара, седьмого [из сыновей]. У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, всесвятой, — благословен он, — дал им силу, мощностъ и крепостъ. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр (Хунногундуры). Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тр были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна» (Дунай). До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и по близости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня. После того ушли поколения, пока не появился один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и боящийся [Бога], раб Господа, уповавший всем сердцем на своего творца. Он удалил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у Бога. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О Булан! Господь послал меня к тебе сказать: „О, сын мой! Я услышал моление твое, и вот благословлю тебя, распложу тебя и очень, очень умножу тебя, продолжу царство твое до тысячи поколений и предам в руку твою всех врагов твоих“». Он встал утром и возблагодарил Господа, и стал еще больше почитать его и служить ему. И явился к нему ангел вторично и сказал ему: «О, сын мой! Я увидел твое поведение и одобрил твои

дела. Я знаю, что ты будешь всей душой и всей силою твоей следовать за мной. Я хочу дать тебе закон и правило, если ты будешь соблюдать [эти] мои заповеди и законы, [я благословлю тебя и умножу тебя]. Он отвечал ангелу, который говорил с ним: «О, господин мой! Ты знаешь помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, [ты знаешь], что я возложил свое упование только на тебя. Народ, над которым я царствую, [люди] неверующие. Я не знаю, поверят ли они или нет. Если на меня снизошло милосердие твое, явись к такому-то князю, который [есть] среди них». Всесвятой, — благословен он, — исполнил желание его и явился тому человеку во сне. Он встал утром, пошел и рассказал [это] царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ и изложил перед ними все это. Они приняли [новую] веру, пошли и стали под покровительство Шехины (букв. „пребывание божие“, „слава господня“). Этому [уже] 340 лет. И он еще раз явился ему и сказал ему: «О, сын мой! Небеса и земля не вмещают меня. Ты, все же, построй храм во имя мое, и я буду пребывать в нем». Он отвечал ему: «О, Владыка мира! Ты знаешь, что нет у меня в распоряжении серебра и золота. На что я построю [храм]?» Он сказал ему: «Крепись и мужайся! Возьми народ твой и все войско твое и иди по пути к «Д-ралан», [Дарьяльское ущелье], в страну Ар-д-вил [город Ардебиль в Азербайджане]. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и отдам их в твои руки. Вот я приготовил тебе два склада: один, полный серебра, и один, полный золота. Ты их возьмешь, а я буду с тобой, охраню тебя и помогу тебе, и ты доставишь [это] имущество благополучно [к себе] и построишь на него храм во имя мое». И он поверил Господу и сделал, как тот [ему] сказал. Он пошел и вел многие войны и одержал в них, с помощью всемогущего, победу. Он опустошил [этот] город, взял

имущество и благополучно вернулся. Он посвятил их [Богу] и выстроил благодаря им шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. По милосердию Господа и силе всемогущего, они до настоящего дня целы и хранятся в моем распоряжении [т. е. у царя Иосифа]. После этого слух о нем [царе Булане] распространился по всей земле, и услышали о нем царь Эдома [т. е. царь христиан] и царь исмаильтян и прислали своих посланцев и послов с великим имуществом и великими и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, к царю, чтобы склонить его [перейти] в их веру. Но царь был мудр, — да будет душа завязана в свертке жизни у Господа, его Бога! Он приказал привести [также] мудреца из израильтян, хорошо разузнал, расследовал и расспросил [его], а [затем] свел их вместе, чтобы они спорили о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не могли остановиться на [какой-либо] одной вере. Когда царь это увидел, он сказал им: «Теперь идите к себе домой, а на третий день вы придете ко мне». Они пошли к себе домой. На другой день царь послал к священнику царя Эдома и сказал ему: «Я знаю, что царь Эдома более велик, чем все цари, и что его вера есть вера прекрасная и почитаемая. Я [уже] облюбывал твою веру. Я только прошу тебя ответить мне на один вопрос. Скажи мне по правде, и я помилю тебя и окажу тебе почет; что ты скажешь: если взять израильскую веру и веру исмаильтян, то которая из них лучше, по-твоему?» Священник отвечал и сказал ему: «Да живет царь во век! Если ты спрашиваешь касательно веры, то во всем мире нет веры, подобной израильской вере. Всевсвятая, — благословен он, — избрал Израиля из всех народов и племен, назвал его „мой первенец“, совершил для них великие чудеса, вывел их из страны египетской и спас от руки фараона и от египтян, перевел их между частями

моря по суше, а преследователей их утопил в глубинах морских, низвел им манну для утоления голода и дал им воду из скалы для утоления их жажды, дал им закон из огня и пламени, пока не привел их в землю Ханаанскую и не построил им святилище. После всего этого они возмутились [против него], согрешили и извратили веру, и он разгневался на них и отвел их в изгнание, отверг их от лица своего и рассеял на все стороны. Если бы не случилось так, то не было бы во всем мире веры такой, как израильская. Что [такое] вера исмаильтян в сравнении с [верой] израильской? Нет ни субботы, ни праздников, ни заповедей, ни законов; они едят всякую нечисть, мясо верблюдов и лошадей, мясо собак, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся. Вера исмаильтян не есть [настоящая] вера, но подобна верам [прочих] народов земли». Царь отвечал ему и сказал ему: «Ты высказал эти свои слова по правде, и я окажу тебе милосердие и отошлю тебя с почетом к царю Эдома». На второй день царь послал и позвал ал-кади [судью] царя исмаильтян и сказал ему: «Я спрошу тебя об одной вещи. Скажи мне по правде и не скрывай [ничего] от меня: если взять веру христиан и иудейскую веру, то которая из них тебе кажется лучшей?» Кади отвечал ему: «Иудейская вера это истинная вера, и у них есть заповеди и законы, но когда они согрешили, Всесвятой, — благословен он, — разгневался на них и предал их в руку врагов их. Но искупление и спасение [остается] за ними. Вера христиан не есть [настоящая] вера, они едят свиней и всякую нечисть, поклоняются делу своих рук и нет у них надежды [на спасение]. Царь отвечал ему и сказал ему: «По правде ты сказал мне, и я окажу тебе милосердие». На третий день он позвал их вместе и сказал им: «Говорите и спорьте друг с другом, и выясните мне, какая вера хороша». Они начали [говорить] и спорили друг с

другом, но не могли утвердить свои слова, пока царь [наконец] не обратился к священнику и сказал ему: «Что ты скажешь? Если взять иудейскую веру и веру исмаильтян, то которая [из них более] почтенна?» Священник отвечал и сказал: «Вера Израиля более почтенна, чем вера исмаильтян». Царь спросил [затем] кадия и сказал ему: «Что ты скажешь? Если взять веру христианскую и веру Израиля, то которая из них [более] почтенна?» Кадий отвечал и сказал [ему]: «Вера Израиля более почтенна». Тогда царь отвечал и сказал [им]: «Если так, то вы [уже] собственными вашими устами признали, что вера Израиля [наиболее] почтенна, и я [уже] выбрал [себе] веру Израиля, [как] веру Авраама, по милосердию Божию, силой Всевышнего. Если Господь будет мне помощником, то имущество, серебро и золото, о котором вы сказали мне, мой Бог, на которого я уповаю и к защите и покровительству которого я прибегаю, доставит мне без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого времени и впредь всемогущий [Бог] помогал ему, утвердил его силу и укрепил его мышцу. Он совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание, и [затем] послал [посланцев] и доставил [к себе] изо всех мест мудрецов израильских, и те объяснили ему закон [Моисея] и изложили ему в порядке заповеди. До настоящего дня мы держимся этой веры. Да будет благословенно имя Всесвятого, — благословен он — и превознесено именование его во веки. С того дня, как вступили мои предки в эту веру, Бог Израиля подчинил им всех их врагов и ниспроверг всякий народ и племя, живущее вокруг них, как царей Эдома, так и царей исмаильтян и всех царей [прочих] народов земли, и никто не поднимался пред ними, а все они стали служить и платить дань. После этих событий воцарился из

сыновей его сыновей царь, по имени Обадья. Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили [ему] 24 книги [Священного Писания], Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв, [принятых у хаззанов]. Он был человек, боящийся Бога и любящий закон, раб из рабов Господа. Да даст ему дух Господен покой! После него воцарился его сын Езекия и сын того, Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обадьи, и сын того, Исаак, [затем] его сын Завулон, его сын Моисей, его сын Нисси. Его сын Аарон, его сын Менахем, его сын Вениамин, Аарон и я, Иосиф, сын царя Аарона, царь сын царя, [царский] сын из царских сыновей. Чужой не может сидеть на престоле моих предков, но [только] сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков с того самого дня, как они находятся на [этой] земле, в отношении которой да благоволит воцаряющий всех царей навсегда сохранить мой царский престол до конца всех поколений.

Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что живу у реки, по имени Итиль, в конце реки [примыкающей к морю] Г-р-гана [море Гирканское — Каспийское]. Начало [этой] реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У [этой] реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных [стенами] городах. Вот их имена: Бур-т-с [буртасы], Бул-г-р [булгары], С-вар [сувары], Арису, Ц-р-мис [черемисы], В-н-н-тит [вятичи?], С-в-р [северяне?], С-л-виюн [славяне?]. Каждый народ не поддается [точному] расследованию и им нет

числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму [Хорезму, доходя] до Г-р-гана [Гурган]. Все живущие по берегу [этого моря] на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне — С-м-н-д-р [Семендер] в конце [страны] Т-д-лу [?] к «Воротам», [т. е.] Баб-ал-Аббабу [Дербенту], а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце [страны] Б-г-да, С-риди [Серир], Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Албус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана [Абхаза], все живущие в стране Каса [касоги] и все [племена] Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кунстандины [Константинополя, т. е. Черного моря], на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны — Ш-р-кил [Саркел ~ Белая Вежа], С-м-к-р-ц, К-р-ц [Керчь], Суг-рай [Сугдея ~ Судак], Алус [Алушта], Л-м-б-т, Б-р-т-нит [Партенит], Алубиха [Алупка], Кут, Манк-т [Мангуп], Бур-к, Ал-ма, Г-рузин [Херсон]. Эти [местности] расположены на берегу моря Кустандины [Черного моря], к западной [его] стороне. Оттуда граница поворачивает по направлению к северной стороне, [к стране] по имени Б-ц-ра [Баджна ~ печенеги]. Они расположены у реки по имени Ва-г-з. Они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы [области] Х-г-риим [венгров]. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат [мне] и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Знай и уразумей, что я живу у устья реки, с помощью всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю русов, приходящих на кораблях, приходите

морем, чтобы идти на исмаильтян, и [точно так же] всех врагов [их] на суше приходиться к «Воротам». Я веду с ними войну. Если бы я их оставил [в покое] на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада и до страны ... Досюда [доходят] мои пределы и власть моего государства.

Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. В одном [из них] живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину [и ширину], описывает окружность, расположен в форме круга. Во втором городе живут иудеи, христиане и исмаильтяне и, помимо этих [людей], рабы из всяких народов. Он средней величины, имеет в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я [сам], мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсахов. Между этими стенами тянется река. Это мое местопребывание во дни зимы. С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей [полевой] работе. Каждый из [наших] родов имеет еще [наследственное] владение [полученное от] своих предков, место, где они располагаются; они отправляются [туда] и располагаются в его пределах. А я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг [нашей страны], пока не придем к концу [нашего] города без боязни и страха; в конце месяца Кислева, во дни [праздника] Ханукки, мы приходим в [наш] город. Таковы размеры нашей области и место наших стоянок. Страна [наша] не получает много дождей, [но] изобилует реками и источниками, и из ее рек [ловится] очень много рыбы.

Страна [наша] тучна, в ней очень много полей, лугов и ..., которым нет числа; все они орошаются из [нашей] реки и от [нашей] реки получают растительность. Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны, [страны], в которой я живу. В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов до реки по имени «Бузан», вытекающей из [реки] «Уг-ру»; в северную сторону на 20 фарсахов пути до [реки] «Бузана» и склона [нашей] реки к морю Г-р-ганскому. Я живу внутри островка; мои поля и виноградники и все нужное мне находится на островке. С помощью Бога всемогущего, я живу спокойно.

Ты еще спросил меня относительно «конца чудес». Наши глаза устремлены к Господу, нашему Богу, и к мудрецам израильским, к академии, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии. Мы далеки от Сиона, но до нас дошел слух, что по множеству наших грехов спутались подсчеты, так что мы ничего не знаем. Но да будет угодно богу сделать [это] ради своего великолепного имени; да не будет ничтожно в его глазах разрушение его храма, упразднение служения ему [в нем] и все беды, которые нас постигли, и да осуществит он в отношении нас слова [Писания]: и вдруг войдет в храм свой. У нас же в руках только пророчество Даниила. Да ускорит Бог, Бог Израиля, спасение и да соберет наших изгнанников и наших рассеяных [единоплеменников], при жизни нашей и твоей и всего дома Израилева, любящих его имя!

Ты упомянул [также] в своем письме, что желаешь видеть меня. И я очень стремлюсь и хочу видеть твое приятное [для меня] лицо, твою [всеми] почитаемую мудрость и твое величие. О, если бы случилось [так], как

ты говоришь, и я удостоился бы иметь общение с тобой и видеть твое почтенное и вожделенное лицо. Ты был бы для меня отцом, а я был бы тебе сыном, твоим устам повиновался бы весь мой народ и согласно твоему слову и правильному решению я бы [сам] выходил и входил (т. е. действовать, распоряжаться). И да будет [тебе] много счастья!».

О последствиях. Израиль и диаспора

Эта книга повествует о прошлом, но неизбежно имеет определенное значение для настоящего и для будущего. Во-первых, я сознаю опасность неверной интерпретации моих доказательств: меня могут обвинить, что я отрицаю право на существование государства Израиль. Но это право опирается не на гипотетическое происхождение еврейского народа и не на мифический Завет Бога Аврааму, а на международное право, то есть на резолюцию Генассамблеи ООН от 1947 г. о разделе Палестины, некогда турецкой провинции, потом подмандатной территории Великобритании, на арабское и еврейское государства. Каковы бы ни были этнические корни израильских граждан и какие бы иллюзии они на сей счет ни питали, их государство существует *de jure* и *de facto* и устранено может быть только насильственным путем. Не углубляясь в противоречивые сюжеты, добавлю из пристрастия к историческим фактам, что раздел Палестины стал итогом целого века мирной еврейской иммиграции и героических уси-

лий по освоению страны, что является моральным основанием юридического существования государства. Какие бы гены ни содержались в хромосомах его граждан — хазарские или семитские, римские или испанские, — это не оказывает ровно никакого влияния на право Израиля на существование и на нравственную обязанность любого цивилизованного человека, иудея и неиудея, защищать это право. Даже географическое происхождение родителей и пращуров «коренного» израильтянина уже не имеет значения в этом новом плавильном котле наций. Проблема хазарской «примеси», имевшей место тысячелетие назад, при всей своей занимательности, не относится к современному Израилю.

Евреи, населяющие эту страну, обладают, невзирая на место рождения, основными атрибутами, определяющими нацию: своей страной, общим языком, правительством и армией. Евреи диаспоры ничего этого не имеют. Отдельной категорией, отличной от неевреев, среди которых они живут, их делает религия, которую они объявляют своей, независимо от того, исповедуют ли они ее. В этом состоит принципиальное различие между израильтянами и евреями диаспоры. Первые обрели национальную идентичность, вторых называют евреями только по религиозному признаку, а не по национальности или расе.

Это, однако, создает трагический парадокс, поскольку иудейская религия — в отличие от христианства, буддизма, ислама — подразумевает принадлежность к богоизбранному народу, чья история связана с его религией. Все иудейские праздники отмечают события национальной истории: исход из Египта, восстание Мак-

кавеев, смерть угнетателя Хамана, разрушение Храма. Ветхий Завет — это прежде всего рассказ о национальной истории; он подарил миру единобожие, однако вера его, скорее, племенная, чем всемирная. Любая иудейская молитва, любой ритуал провозглашает принадлежность верующего к древнему народу, что автоматически отделяет евреев от национального и исторического прошлого народа, среди которого они живут. Иудейская религия, как показали 2000 лет трагической истории, влечет за собой национальную и социальную самоизоляцию. Она выделяет еврея, делает его особенным человеком. Это автоматически создает материальное и культурное гетто. Так евреи диаспоры превратились в *псевдонацию* без всяких атрибутов и привилегий национальности, кое-как скрепленную системой традиционных верований на основе национальных и исторических предпосылок, оказывающихся иллюзорными.

Ортодоксальное еврейство — это неуклонно сокращающееся меньшинство. Его оплотом была Восточная Европа, но нацистское безумие почти полностью стерло его с лица земли. Выжившие рассеялись по свету и не имеют прежнего влияния, а большая часть ортодоксальных общин из Северной Африки, Йемена, Сирии и Ирака перебралась в Израиль. Ортодоксальный иудаизм в диаспоре отмирает, и существенное большинство просвещенных евреев и неверующих евреев продлевают исторический парадокс, сохраняя свой псевдонациональный статус и считая своим долгом сохранять еврейскую традицию.

Тем не менее очень непросто определить, что означает понятие «еврейская традиция» с точки зрения просвещенного большинства, отбрасывающего доктрину

избранности, без которой нет ортодоксального еврейства. Если вынести эту доктрину за скобки, то окажется, что универсальное послание Ветхого Завета — поклонение единому невидимому Богу, Десять Заповедей, книги древнееврейских пророков, притчи и псалмы — стали неотъемлемой частью иудео-эллинско-христианской традиции, общим достоянием и евреев, и неевреев.

После разрушения Иерусалима евреи утратили собственный язык и светскую культуру. Древнееврейский как разговорный язык уступил место арамейскому еще задолго до начала христианской эры; еврейские ученые и поэты Испании писали по-арабски, другие позже — по-немецки, по-польски, по-русски, по-английски, по-французски. Некоторые еврейские общины создали свои диалекты, идиш и ладино, но на этих диалектах так и не было создано великих трудов, сопоставимых с вкладом евреев в немецкую, австро-венгерскую или американскую литературу.

Основной, специфически иудейской литературной деятельностью в диаспоре была теология. Однако Талмуд, Каббала и многие увесистые тома толкований Ветхого Завета практически неизвестны современной еврейской общественности, хотя именно они, повторю, являются единственными реликтами собственно еврейской традиции — если уж придавать этому понятию конкретное наполнение — за два последних тысячелетия. Иными словами, то, что по-настоящему создала диаспора, либо не является специфически еврейским, либо не принадлежит к живой традиции. Философские, научные и художественные достижения личностей-евреев являются вкладом в культуру народов, среди ко-

торых они живут, не будучи элементами некоего общего культурного наследия или автономной системы традиций.

Подводя итоги, приходится сказать, что евреи наших дней не имеют собственной культурной традиции, а обладают лишь некими привычками и особенностями поведения, почерпнутыми путем социального наследования из болезненного опыта гетто и из религии, к которой большинство не принадлежит, но которая при этом сообщает ему псевдонациональный статус. Совершенно очевидно, как я уже имел возможность доказывать в другой книге (70), что окончательное разрешение парадокса заключается либо в эмиграции в Израиль, либо в ассимиляции с окружающим народом. Перед Холокостом оба эти процесса были в полном разгаре; в 1975 г. журнал «Тайм» (10 марта 1975 г.) писал, что «среди американских евреев наблюдается явная тенденция заключать браки с иноверцами; почти треть всех их браков межнациональные».

И все же остаточное влияние этнокультурного и исторического послания иудаизма, основанного на иллюзии, играет роль сильного эмоционального тормоза, вызывая к племенной солидарности. Именно в этом контексте роль, сыгранная Тринадцатым коленом в истории предков, становится важной для евреев диаспоры. Как уже говорилось, она не имеет значения для современного Израиля, обретшего подлинную национальную идентичность. Символично, наверное, что Абрахам Поляк, профессор истории Тель-Авивского университета и, несомненно, израильский патриот, внес такой существенный вклад в наши знания о хазарских предках ев-

рейства, отрицая легенду об Избранном Народe. Показательно и то, что сабра, современные уроженцы Израиля, и внешнестью, и по характеру являют собой полную противоположность «типичному еврею», плоду гетто.

Приложение V

Библиография к оригинальному изданию

1. *Alfoldi*. La Royauté ;; Double des Turcs // 2me Congrè 's Turc d'Histoire. Istanbul, 1937.
2. *Allen W. E. D.* A History of the Georgian People. London, 1932.
3. Annals of Admont, Klebel E. Eine neu aufgefundene Salzburger Geschichtsquelle // Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, 1921.
4. *Arne T. A. J.* La Suède et l'Orient // Archives d'Études Orientales, 8°. V. 8. Upsal, 1914.
5. *Artamonov M. I.* Studies in Ancient Khazar History (in Russian). Leningrad, 1937. (*Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л.; 1937 г.)
6. *Artamonov M. I.* Khazar History (in Russian). Leningrad, 1962. (*Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962 г.)
7. *Bader O. N.* Studies of the Kama Archaeological Expedition (in Russian). Kharkhov, 1953.
8. *Al-Bakri*. Book of Kingdoms and Roads. French tr. By J. Défrémé; ry // Asiatique, 1849.

9. *Ballas J. A.* Beiträge zur Kenntniss der Trierischen Volkssprache. 1903.
10. *Bar Hebraeus.* Chronography. Oxford, 1932.
11. *Barker F.* Crusades // *Enc. Britannica*, 1973 printing.
12. *Baron S. W.* A Social and Religious History of the Jews, Vols. III and IV. New York, 1957.
13. *Bartha A.* A IX–X Századi Magyar Társadalom (Hungarian Society in the 9th–10th Centuries). Budapest, 1968.
14. *Barthold V.*, see Gardezi and *Hundud al Alam*.
15. *Beddoe J.* On the Physical Characters of the Jews // *Trans. Ethn. Soc.*, Vol. I pp. 222–37, London, 1861.
16. *Ben Barzillay, Jehudah.* Sefer ha-Ittim (Book of the Festivals), circa 1100.
17. *Ben-Daud, Ibrahim.* *Sefer ha-Kabbalah* // *Mediaeval Jewish Chronicles* /ed. Neubauer. I, 79.
18. *Benjamin of Tudela.* The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela / Asher A, tr. and ed., 2 vols. London and Berlin, 1841.
19. *Blake R. P., Frye R. N.* Notes on the Risala of Ibn Fadlan / *Byzantia Metabyzantina*. Vol. I. Part II, 1919.
20. *Brutskus J.* Chasaren // *Jewish Enc.* New York, 1901–1906.
21. *Bury J. B.* A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912.
22. *Bury J. B.* *Byzantinische Zeitschrift*. XIV.
23. *Buxtorf J.* (Fil., ed.) *Jehuda Halevi. Liber Cosri.* Basle 1660.
24. *Carpini.* The Texts and Versions of John de Plano Carpini /ed. Hakluyt, Works, Extra Series v. 13. (Hakluyt Soc.). 1903.
25. *Cassel P.*, (Selig) *Magyarische Alterthümer.* Berlin, 1847.

26. *Cassel P.*, (Selig) Der Chasarische Königsbrief aus dem 10. Jahrhundert. Berlin, 1876.
27. *Cedrenus, Georgius* /ed. Bekker. Bonn, 1839.
28. *Chwolson D. A.* Eighteen Hebrew Grave Inscriptions from the Crimea (in German) St. Petersburg, 1865; (in Russian) Moskow, 1869.
29. *Chwolson D. A.* Corpus of Hebrew Inscriptions. St. Petersburg, 1882.
30. *Comas J.* The Race Question in Modern Science. UNESCO. Paris, 1958.
31. *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio / revised 2nd ed. of Moravcsik and Jenkins. Washington DC, 1967.
32. *Constantine Porphyrogenitus.* De Cerimoniis /ed., with commentary A. Vogt. Paris, 1935–1940.
33. *Dimaski, Muhammad.* Manuel de la Cosmographie du Moyen Age. Copenhague, 1874.
34. *Disraeli B.* The Wondrous Tale of Alroy. London, 1833.
35. *Druthmar of Aquitania, Christian.* Expositio on Evangelium Mattei // Ed. Migne. Patrologia Latina Paris, 1844–1855.
36. *Dubnow S.* Weltgeschichte des jüdischen Volkes. Band IV. Berlin, 1926.
37. *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
38. *Eldad ha-Dani.* Relations d'Eldad le Danite, Voyageur du IXe Siècle. Paris, 1838.
39. *Fishberg M.* The Jews – A Study of Race and Environment. London and Felling-on-Tyne, 1911.
40. *Fraehn.* Khazars // Memoirs of the Russian Academy, 1822.
41. *Frazer J.* The Killing of the Khazar Kings // Folklore. XXVIII. 1917.

42. *Frye R. N.*, see Blake R. P.
43. *Fuhrmann*. Alt- und Neuösterreich. Wien, 1737.
44. *Gardezi* /Russian tr. V. Barthold // Académie Impériale des Sciences, série VIII, Vol. I, No 4. St. Petersburg, 1897.
45. *Gibb H. A. R.*, *de Goeje M. J.* Arab Historiography // Enc. Britannica, 1955 printing.
46. *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. V, 2nd ed. London, 1901.
47. *de Goeje M. J.* ed., Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Bonn.
48. *de Goeje M. J.*, see Gibb H. A. R.
49. *Grégoire H.* Le «Glozel» Khazare // Byzantion, 1937.
50. *Graetz H. H.* History of the Jews. Philadelphia, 1891–1898.
51. *Halevi, Jehuda*. Kitab al Khasari /tr. Hirschfeld, new revised ed. London, 1931; see also *Buxtorf J.*, fil.
52. *Harkavy A. E.* Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaws (um 960), als Beitrag zur alten Geschichte Süd-Russlands // Russische Revue. Vol. VI. 1875.
53. *Harkavy A. E.* Altiüdische Denkmäler aus der Krim // Memoirs of the Russland Academy. 1876.
54. *Herzog E.* see Zborowski M.
55. Hudud al Alam (Religions of the World) /Barthold V., ed. Leningrad, 1930; translation and explanation, V. Minorsky. London, 1937.
56. *Hussey J. M.* Cambridge Mediaeval History. Vol. III. 1966.
57. *Ibn Fadlan*, see Zeki Validi Togan; also Blake R. P., Frye R. N.
58. *Ibn Hawkal*. Bibliotheca Geographorum Arabicorum; 2 ed. Kramers. 1939. See also Ouseley Sir W.

59. *Ibn Jakub, Ibrahim* /Ed. B. Spuler // Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas. III, 1–10.
60. *Ibn Nadim*. Kitab al Fihrist (Bibliographical Encyclopaedia) /ed. Flügel.
61. *Ibn Rusta* /ed. de Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, pars. VII.
62. *Ibn Said al-Maghribi*, Bodleian MS quoted by D. M. Dunlop. 1954.
63. *Istakhri* /ed. de Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, pars. I.
64. *Jakobs J.* On the Racial Characteristics of Modern Jews // J. Anthropol. Inst., Vol. XV, 1886.
65. *Kahle P. E.* Bonn University in pre-Nazi and Nazi Times: 1923–1939. Experiences of a German Professor, privately printed in London, 1945.
66. *Kahle P. E.* The Cairo Geniza. Oxford, 1959.
67. *Karpovich M.*, see Vernadsky G.
68. *Kerr N.* Inebriety. London, 1889.
69. *Kniper A. N.* Caucasus, People of // *Enc. Britannica*, 1973.
70. *Koestler A.* Judah at the Crossroads // The Trail of the Dinosaur. London and New York, 1955. (Danube ed., 1970).
71. *Kokoutsov P.* The Hebrew-Khazar Correspondence in the Tenth Century. Leningrad, 1932. (*Кокочцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.)
72. *Kutschera Hugo Freiherr von.* Die Chasaren. Wien, 1910.
73. *Landau.* The Present Position of the Khazar Problem (in Hebrew) // Zion. Jerusalem, 1942.
74. *Lázlo ; G.* The Art of the Migration Period. London, 1974.
75. *Lawrence T. E.* Seven Pillars of Wisdom. London, 1966.
76. *Leiris M.* Race and Culture (UNESCO). Paris, 1958.

77. *Luschan F. von*, Die anthropologische Stellung der Juden //Correspondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie. Vol. XXIII, 1891.
78. *Maccartney C. A.* The Magyars in the Ninth Century. Cambrige, 1930.
79. *McEvedy C.* The Penguin Atlas of Mediaeval History. 1961.
80. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Hildesheim, 1903.
81. *Al-Masudi.* Muruj udh-Dhahab wa Maadin ul-Jawahir (Meadows of Gold Mines and Precious Stones), French tr., 9 vol. Paris, 1861–1877.
82. *Mieses M.* Die Entstehungsuhrsache der jüdischen Dialekte. Berlin; Wien, 1915.
83. *Mieses M.* Die Jiddische Sprache. Berlin; Wien, 1924.
84. *Minorsky V.*, see *Hudud al Alam*.
85. *Muquaddassi.* Descriptio Imperii Moslemici // Bibliotheca Geographorum Arabica. III, 3. Bonn.
86. *Nestor* and pseudo-Nestor, see Russian Primary Chronicle.
87. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth – Eastern Europe 500-1453. London, 1971.
88. *Ouseley W.* The Oriental Geography of Ebn Haukal. London, 1800.
89. *Paszkievicz H.* The Origin of Russia. London, 1954.
90. *Patai R.* Jews // Enc. Britannica. Vol. XII, 1054, 1973 printing.
91. *Petachia of Ratisbon.* Sibub Ha'olam // ed. Benisch. London, 1856.
92. *Photius.* Homilies. English translation with introduction and commentary by C. Mango. Cambridge, Mass., 1958.

93. *Poliak A. N.* The Khazar Conversion to Judaism (in Hebrew) // Zion. Jerusalem, 1941.
94. *Poliak A. N.* Khazaria – The History of a Jewish Kingdom in Europe (in Hebrew). Mossad Bialik, Tel Aviv, 1951.
95. Повесть временных лет, see Russian Primary Chronicle.
96. Priscus, Corpus Scriptorum Historiae Byzantina. Bonn.
97. *Reid G. A.* Alcoholism. London, 1902.
98. *Reinach Th.* Judaei // Dictionnaire des Antiquités.
99. *Reinach Th.* Diaspora // Jewish Enc.
100. *Renan E.* Le Judaisme comme Race et Religion. Paris, 1883.
101. *Ripley W.* The Races of Europe. London, 1900.
102. Russian Primary Chronicle, Laurentian Text, tr. and ed. S. H. Cross and C. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass., 1953.
103. *Roth C.*, ed. The World History of the Jewish People. Vol. II: The Dark Ages. London, 1966.
104. *Roth C.* Jews // Enc. Britannica, 1973 printing.
105. *Sava G.* Valley of the Forgotten People. London, 1946.
106. *Schram, Anselmus.* Flores Chronicorum Austriae. 1702.
107. Schultze – Das Martyrium des heiligen Abo von Tiflis. (Texte und Untersuchungen für Geschichte des altchristlichen Literatur). XIII. 1905.
108. *Shapiro H.* The Jewish People: A Biological History (UNESCO), Paris, 1953.
109. *Sharf A.* Byzantine Jewry – From Justinian to the Fourth Crusade. London, 1971.
110. *Sinor D.* Khazars // Enc. Britannica, 1973 printing.
111. *Smith H.* // Proc. Glasgow University Oriental Society V.

112. *At-Tabari*. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879–1901.
113. *Toynbee A.* A Study of History, abridgement of Vols. I–VI by D. C. Somervell. Oxford, 1947.
114. *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and his World. London, New York and Toronto, 1973.
115. *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
116. *Vernadsky G.* Ancient Russia // G. Vernadsky and Karpovich, A History of Russia, Vol. I. New Haven, 1943.
117. *Vernadsky G.* Kievan Russia, in the same series, Vol. II. New Haven, 1948.
118. *Vetulani A.* The Jews in Mediaeval Poland // Jewish J. of Sociology. December, 1962.
119. *Virchow R.* Gesamtbericht... über die Farbe der Haut, der Haare und der Augen der Schulkinder in Deutschland / / Archiv für Anthropologie, Vol. XVI, 1886.
120. *Weingreen J.* A Practical Grammar for Classical Hebrew. 2nd ed., Oxford, 1959.
121. *William of Malmesbury.* De gestis regum Anglorum.
122. *Yakubi.* Buldan. Bibliotheca Geographorum Arabica VII. Bonn.
123. *Yakut.* Mujam al-Buldan / ed. Wüstenfeld. Leipzig, 1866–1870.
124. *Zajaczkowski,* The Khazar Culture and its Heirs (in Polish) (Breslau, 1946).
125. *Zajaczkowski A.* The Problem of the Language of the Khazars // Proc. Breslau Soc. of Sciences, 1946.
126. *Zborowsky M., Herzog E.* Life Is With People – The Jewish Little – Town of Eastern Europe. New York, 1952.

Приложения

127. *Zeki Validi Togan, A.* Ibn Fadlan's Reisebericht // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Band 24, Nr. 3. Leipzig, 1939.
128. *Zeki Validi Togan, A.* Völkerschaften des Chasarenreiches im neunten Jahrhundert // Körösi Csoma-Archivum, 1940.

Карта Хазарской империи

Соответствие названий, приведенных Кестлером
на «Карте Хазарской империи»,
русским названиям

Adana – Аден	„Khazarian Way“
Ardabil – Ардебиль	(Don Volga Portage) –
Armenia – Армения	Переволока
Azerbaijan – Азербайджан	Khwarizm – Хорезм
Azov sea – Азовское море	Kiev – Киев
Bab Al-Abwab (Darband) –	Mediterranean sea –
Дербент	Средиземное море
Baku – Баку	Mosul – Мосул
Balanjar – Беленджер	R. Amu-Darya –
Bardhaa – Бардаа	р. Амударья
Black sea – Черное море	R. Danube – р. Дунай
Bulgars – Болгария	R. Dnieper – р. Днепр
Bulghars (R. Volga) – Булгар	R. Dncstr – р. Днестр
Carpathians – Карпаты	R. Don – р. Дон
Caspian sea	R. Donets – р. Донец
(Sea of the Khazars)–	R. Emba – р. Эмба
Каспийское море	R. Kama – р. Кама
(Хазарское море)	R. Kur – р. Кура
Caucasus – Кавказский хребет	R. Pruth – р. Прут
Chernigov – Чернигов	R. Sereth – р. Серет
Chersone – Херсон	R. Syr-Darya – р. Сырдарья
Constantinople –	R. Ural – р. Урал
Константинополь	R. Volga – р. Волга
Dariel – Дарьяльский проход	Samandar – Самандар
Doros – Дорос	Sangarus – Сангарус
Dyarbekil – Диарбек	Sarkel – Саркел
Georgia – Грузия	Sea of Aral – Аральское море
Ghuzz – гуззы	Shirwan – Ширван
Gurganj – Ургенч	Suwar – Сувар
Hungary – Венгрия	Tabaristan – Табаристан
Kerch – Керчь	Tamatarkha – Тмутаракань
Khasaran-Itil (Saskel?) –	Tiflis – Тифлис
Саксин	Trebizond – Трапезунд
Khazaria – Хазария	Urals – Уральские горы

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т.(495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Кестлер Артур
Тринадцатое колено

Компьютерная верстка: О.С. Попова
Ответственный корректор И.М. Цулая
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера». 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Артур Кестлер (1905—1983 гг.) — классик англоязычной прозы XX века, видный философ и публицист, автор литературных шедевров «Гладиаторы», «Спящая тьма», «Прибытие и отправление» и «Девушки по вызову». Его произведения, не однажды сравнивавшиеся критиками с работами Джорджа Оруэлла, вошли в золотой фонд мировой литературы.

Книга Артура Кестлера посвящена истории зарождения, расцвета и загадочного исчезновения с карты Евразии могущественного государства хазар. Основываясь на многочисленных арабских, византийских и древнерусских источниках, автор предлагает свое оригинальное видение становления и крушения Хазарского каганата.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-068218-8

9 785170 682188